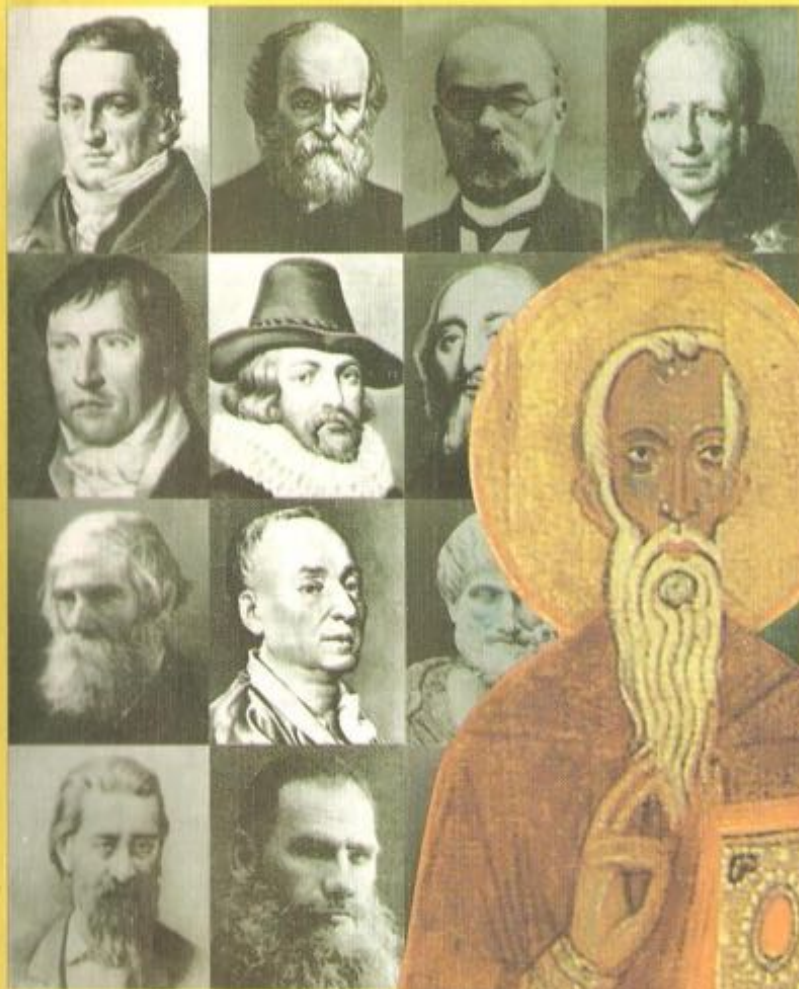

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

СОСТАВИТЕЛЬ И
АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ

ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

**Бирич
Инна
Алексеевна**
Учитель,
Доцент МГПУ,
г. Москва

**Безрогов
Виталий
Григорьевич**
Ведущий Научный
Сотрудник Р.А.О.
г. Москва

**Смирных
Марина
Владимировна**
Педагог-психолог
г. Москва

**АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ**

ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК

**Отцы Церкви о природе человека
и её совершенствовании**

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**МОСКВА
2001**

УДК 24.7
ББК 83.44
Л66

«Федеральная программа
книгоиздания России»

Лествичник. — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2001. — с. 224 (Антология гуманной педагогики).

Труды выдающихся основоположников христианской литературы (II—VI в.) Климента Александрийского, Григория Нисского, Ефрема Сирианина и Иоанна Лествичника впервые представлены широкой учительской аудитории. Они — фундамент нравственной традиции в педагогике, основанной на понимании целостной и духовной природы человека.

30 СТУПЕНЕЙ К ЗВАНИЮ ПЕДАГОГА

«Русская «школа» восходит к латинскому «скале» — «лестница». И человек, знающий древнюю христианскую культуру, конечно, понимает, что речь идет прежде всего о лестнице духовного восхождения человека, которая классически описана преподобным Иоанном Лествичником в его знаменитой книге под названием «Лествица». В ней раскрыты 30 ступеней восхождения, и последняя, вершинная, названа «Любовью».

*Алексий II, патриарх
Московский и Всея Руси,
академик РАО.*

ПРИЗВАНИЕ учителя, или способность работать с детьми — одна из высших духовных способностей, так как основана на бескорыстной любви к людям. Без нее работать в школе очень трудно и даже вредно для здоровья. С ней же — с любовью, как со спасательным кругом, учитель бесстрашно бросается в бурное море взаимодействий и взаимоотношений маленьких и взрослых с желанием успокоить эту стихию и научить детей плавать. Данная книга поможет учителю укрепиться в любви и в круговерти школы, в шумовом потоке нашей безумной эпохи услышать тихий голос Того, кто призвал на педагогический подвиг, так как «много званых, но мало призванных».

Надо признать, что сегодня отношения между людьми можно назвать большим штормом. Мы не понимаем друг друга, потому что не знаем, куда плывем. Складывается впечатление, что мы все, будучи на одном корабле, плывем в разные стороны. Это свидетельствует о потере в обществе четких нравственных ориентиров, как будто наш духовный компас попал под воздействие сильных «магнитных аномалий» — корабль сбился с пути и вертится на одном месте.

Совершенно естественно, что эти процессы отражаются и в современном образовании. Самое слабое звено в нем — потеря значимости нравственных ориентиров в педагогическом процес-

се, когда не только перед обучением не ставятся воспитательные задачи, но они вообще отсутствуют в работе педагога, даже если он называется «воспитатель». Человек какого качества выходит из школы? Какой целостный образ прорастает в нем в процессе образования? К какой жизни готовим детей? Это мировоззренческая проблема.

Да, общество отказалось от прежних идеологических целей, формировавших социальный заказ для советской школы, но, бросив воспитательный процесс на самотек, мы явно проигрываем перед стихией массового сознания потребительского общества, отказавшегося фактически от моральных принципов в угоду материальному достатку любой ценой. Наши дети, теряя индивидуальность, пополняют ряды толпы, требующей «хлеба и зрелищ» (идеологический сгусток, дошедший до нас из глубины истории древнеримской цивилизации накануне ее гибели). И это серьезно тревожит. Но чтобы вернуть обществу авторитет морального и нравственного сознания, необходимо вспомнить, что одним из важных источников формирования подлинной нравственности человека в любом обществе являются его религиозные представления, и признать, что на путях воинствующего атеизма мы его не приобрели и не приобретем.

Религиозное сознание (имеются в виду монотеистические мировые религии и древняя философия) пришло на смену мифологическому примерно 2,6 тыс. лет назад и означало новый поворот мышления от конкретно-чувственного к метафизическому, абстрактному, новую парадигму сознания человечества. Авторитет богов угасал, и цивилизации рассыпались, теряя общественные скрепы. Монотеизм (в любом его варианте — от иудаизма до веры в единство идеального и материального Космоса) начал новую возможность добровольного объединения разных народов и племен в единую общность, имеющую право созидать новую культуру, освященную высшим Абсолютом (Богом), всегда присутствующим рядом, но которого нельзя увидеть и назвать по имени. Так родились для всех и каждого в отдельности первые *моральные заповеди* запретительного характера, регламентирующие жизнь индивида в обществе, и религиозный культ поддерживающий их абсолютный авторитет и контролирующий их выполнение. Моральные заповеди есть во всех мировых религиях. Они призывают к *послушанию*, к безоговорочному исполнению Божьего Закона.

Однако обращает на себя внимание тот факт, насколько высоко ценились человеческая жизнь и ее достоинство в иудейской религии, согласно которой человек сотворен Богом по Его образу и подобию и сохраняет их даже после грехопадения, но уже не в актуальном, а в потенциальном, скрытом виде. Христианство, возникшее в Палестине в I в. н.э. на границе философствующего античного мира и провинциального иудаизма, тем не менее вобрало в себя и развило понимание человека, отраженное в Вет-

хом Завете. Античному идеалу соревнования и самоутверждения индивида христианство противопоставило сложившийся у народов Ближнего Востока идеал самоограничения, смирения, взаимопомощи. Известные 10 заповедей Моисея заложили основу общественной морали как таковой, вошли в плоть и кровь культуры тех стран, которые в свое время приняли христианство, определив собой норму морального уровня массового сознания, сохранившуюся до сих пор. И хотя сегодня на охране общественной морали уже стоит не только церковь, но и правовые институты каждого из развитых государств, отрицать религиозные корни морали абсурдно, так как ей нет альтернативы в развитии человеческой цивилизации.

Но кроме древней мудрости Ветхого Завета христианство вообрало в себя и мудрость будущего, выразив ее в Новом Завете, давая каждому через личность Христа представление об идеальном образе человека, перспективу для развития собственной личности, силы для самосовершенствования. Заповеди Христа взывают к любви, к сыновнему чувству человека по отношению к Творцу Вселенной. Они на порядок выше древних заповедей и фиксируют момент перехода внешнего закона во внутренний закон совести. Зарождающееся христианство несло в себе те нравственные императивы, над поиском путей утверждения которых бились блестящие умы античных философов и иудейских священников: любовь к ближнему и ...к врагу своему, признание равенства всех людей перед Богом независимо от их этнической или социальной принадлежности, авторитет милосердия и активного добра, кротости и неосуждения, отказ от гордыни и зависти — ценности общечеловеческого значения.

С Нагорной проповеди Христа действительно начинается новая эпоха в истории человечества — поворот к нравственному состоянию человека как естественной норме его проживания, не требующей внешней силы контроля. Недаром это заповеди радости или блаженства — ими задан точный критерий самочувствия человека, пожелавшего следовать по этому пути. (К сожалению, человечество еще не способно пока реализовать эти заповеди во всей полноте. Можно не выполнять их и быть при этом моральным человеком. Мы с трудом осваиваем заповеди Христа, так как они сопряжены у нас не с радостью, а с чувством жертвенности, смирения и терпения.) Нравственное сознание, имея своим истоком раннее христианское мирозерцание (до разделения церквей), и сегодня выходит за рамки конфессиональных разделений и помогает людям по-братски понимать и поддерживать друг друга.

Но есть и высший *духовный уровень* в христианстве, связанный с потребностью человека в творческой деятельности, направленной прежде всего на преобразование своей природы, достижение Царства Божия, что «внутри нас есть». Это реализация идеального Образа в себе, восстановление своей первоначальной

целостности через соединение разума и сердца, открытие в себе «Божьей закваски». И здесь очень важно вспомнить ту высокую миссию учительства, что была обозначена на страницах Нового Завета в образах Иисуса Христа и его учеников и продолжена в святоотеческой литературе — литературе Отцов христианской Церкви (II—VI вв.), творивших на обломках языческого мира и заложивших основы христианского мирозерцания, духовной практики преобразования.

На смену античному рационализму, стремящемуся все понять и логически объяснить, пришла святость религиозного чувства, требующего сначала верить, а потом постигать умом. Рационального обоснования веры христианство вовсе не отрицало. Как явление общественного сознания оно и начиналось с философского осмысления Священного Писания. Провозглашая идею Божественного творения мира в качестве основного догмата веры, оно утверждало также и возможность внутреннего развития человека, в становлении которого педагогическому воздействию на духовные чувства отводилось исключительное по своему значению место. Не обучение, а воспитание и самовоспитание давали человеку возможность достигать духовных вершин. Человек с подобным мирозерцанием, пробудивший в себе духовную творческую энергию, жаждет, именно жаждет быть «соратником», «сотрудником» Бога в деле исторического творчества. Развитое духовное сознание направлено на гармонизацию человеческих отношений в мире, на собирание людей вокруг духовной цели.

Насельники греческих монастырей бережно сохраняли и переписывали святоотеческую литературу, собирали опыт первых подвижников в книгах Добротолюбия, развивая эту традицию в течение тысячелетия (IV—XIV вв.). После гибели Византии она была активно поддержана подвижниками русского Православия. Духовным сознанием обладали русские святые XIV—XVI вв., много сил положившие на собирание Московской Руси. Но с XVI в. эта традиция, будучи письменной, оказалась законсервированной, литература Отцов Церкви не вошла в поток русского книгопечатания, а значит и русского общественного сознания, и стала достоянием узкого круга церковных деятелей, а также старообрядцев.

Пробуждению интереса к этой литературе в русском обществе в немалой степени способствовали все наши философы, начиная с В.Ф.Одоевского, и старцы Оптиной и Глинской пустынь, духовно поддерживавшие культурную элиту России середины XIX — начала XX в. Русские религиозные философы В.Соловьев, Н.Федоров, С.Булгаков, Н.Бердяев и другие, заново переосмысляя святоотеческую традицию и обобщая опыт старчества, доживший до XX в., духовной целью христианства называли преобразование Земли и человечества. Недаром русские мыслители ставили перед народной школой, приобретшей в 60-х годах XIX в. массовый характер, задачу духовной трансформации обще-

ственного сознания, предлагая укрепить стержень русского мирозерцания знанием святоотеческой литературы — литературы, между прочим, практически не известной на Западе.

Именно в XIX в. усилиями Московской и Петербургской Духовных академий был переведен с древнегреческого и с церковнославянского языков на русский основной корпус раннего христианского мирозерцания. Особенно в этом деле был ценен издательский подвиг старцев Козельской Введенской Оптиной пустыни, которые также переводили литературу Отцов Церкви, уточняли прежние переводы. Без живого знания путей реального духовного восхождения сделать это было бы невозможно. Поблагодарим судьбу за то, что они смогли и успели это сделать. И сегодня мы, желая восстановить прерванную связь времен, вслед за нашими мыслителями также обращаемся к их труду, чтобы прикоснуться к началу начал того мирозерцания, что вошло в плоть и кровь русского народа.

Мы предлагаем нашему читателю познакомиться с трудами христианского апологета (греч. «защитник») Климента Александрийского, святителя Григория Нисского и подвижника из Элеса Ефрема Сирианина, игумена монахов Синайской горы Иоанна по прозвищу Лествичник. Они стояли у истоков распространения христианства среди язычников и иудеев, граждан огромной Римской империи, подвергаясь опасностям и гонениям.

Тит Флавий Климент (II), обогащенный античной мудростью, оставил нам первое систематизированное христианское богословие, адресованное жителям Александрии — философской столицы древнего мира, где скрещивались пути западной и восточной учености. В этот египетский город, основанный Александром Македонским на берегу Средиземного моря, стекались все, кто хотел поработать в знаменитой библиотеке, в которой хранились редчайшие манускрипты, и кто хотел послушать выдающихся учителей и мудрецов. Многоязычный и многонациональный город, центр египетской провинции, далеко отстоявший от официальной и мрачной столицы Римской империи, вмещал много ученых школ, был свидетелем самых разнообразных философских диспутов, посвященных острейшим проблемам познания истины и веры.

Разочаровавшись не только в официальном культе римских богов, но и в античной картине мира, созданной таким гигантом мысли, как Аристотель, отшатнувшись от последователей модного тогда учения Эпикура о наслаждении как смысле жизни, порядком извратившего идеи своего учителя, многие уходили в тихую мистику Востока, где можно было спрятаться от разедающей население волны беззаконий и безнравственности. Наиболее мудрые жаждали прикоснуться к совершенно иной логике жизни, к Истине окончательной и Абсолютной. Не правда ли, как это похоже на наше сегодняшнее состояние?!

И вот к этой интеллектуальной элите обращается Климент, сам уже сделавший духовный выбор. Сохранились три главных произведения Климента, своеобразный философский триптих:

«Слово увещательное к грекам», «Педагог» и «Строматы» (примерный перевод — «Копилка мыслей»). Если первое сочинение обращено к читателю-язычнику, где дается сравнительный анализ разных языческих культов с тем, чтобы показать их несостоятельность по сравнению с христианством, то второе — это учебник для верующего, руководство по христианской этике и даже этикету. Третий сборник содержит философские размышления Климента для посвященных в христианскую истину, или гнозис — высшее знание.

Мы не случайно выбрали для Антологии именно второе сочинение Климента «Педагог» (в сокращении), в котором александрийский философ раскрывает методы нравственного воспитания. Антропоцентризм Космоса — главная установка ранней христианской апологетики. В ней человек рассматривается как центр и высшая цель мироздания. Речь идет о трактовке человека как безусловной ценности, хотя и потерявшей свою абсолютность. С этой позиции понятно, почему Бог (Логос-Слово) воплотился на Земле в образе Иисуса Христа. Вот как Климент характеризует его в гимне, открывающем «Слово увещательное»: «И сей потомок Давыдов, Логос Господень, бывший прежде Давида, презрел лиру и кифару, их бездушные струны: но озвучил Духом Святым нашу вселенную и нашу Землю, тело и душу человеческую...» (*Александрийский Климент. Педагог.* — М., 1996, с.9). Такой Логос только и может быть Педагогом человечества, которое, по мысли Отцов Церкви, находилось в младенческом, с духовной точки зрения, возрасте, не знакомое с Истиной и не понимающее задач своего просвещения. В этом проявился мощный *гуманистический потенциал христианского мирозерцания*, направленный на восстановление духовной целостности человека.

Климент совершил решительный переворот в понимании слова «педагог» в отношении к первоначальному его смыслу. Так в аристократических семьях называли слугу, обычно раба, в обязанности которого входило сопровождать ребенка в школу, оберегать от физической опасности и безрассудного поведения, следить за внешним видом, заботиться о соблюдении приличий и хороших манер. В древнем мире педагога презирали за его рабское положение. В эпоху Римской империи его статус уже предполагал уважение. Педагог не покидает ребенка даже дома. Если он грамотен, то может стать репетитором, помогая ребенку выполнять домашние задания. Но его роль в этом заведомо ниже роли квалифицированного учителя.

И вот Климент сопоставляет Божественное Слово, явившее нам себя в Священном Писании, со смиренным слугой-педагогом, творчески переосмысляя утверждение античного мыслителя Сенеки о том, что «философ — педагог человечества». С другой стороны, он использует понятие «божественная педагогика», введенное в оборот его современником и соотечественником, проповедовавшим в Галлии, св.Иринеем Лионским для раскры-

тия смысла единственного в Библии упоминания слова «детовождение» («педагогика»), прозвучавшего из уст апостола Павла относительно заповедей Моисея и пророков в деле вразумления иудеев.

Климент решительно расширяет сферу действия Божественного Слова-Логоса: от сурового, но справедливого Отца и Законодателя иудейского народа в Ветхом Завете к добродетельному Педагогу как нравственному воспитателю всего человечества и духовному Учителю христианских истин в Новом Завете. Для Климента естественно также сравнивать Христа с целителем, тренером, с проводником по незнакомой местности и т.д., так как все это всегда входило в обязанности педагога. В результате понятие «педагог» расширилось до вселенского масштаба.

Центральные понятия всего сочинения Климента — «дети» и «возрождение». По мере отказа человека от прежней очень тесной материальной зависимости от общества, совлечения с себя одежды «ветхого человека» (младенческого, подзаконного) и принятия во время крещения «новой», духовной, человеку дается возможность возвращения его божественного подобию путем подражания или следования за Педагогом, т.е. Христом, и обретения статуса «Божьего дитя». Для Климента дух детства определяется простотой сердца и наивностью, невинностью неискушенной злом чистоты, искренностью и открытостью, отсутствием претензий, уловок, хитрости и лицемерия. Именно «чада Божии» готовы к самоопределению и самосовершенствованию.

Для нас, безусловно, интересно, каким предстает со страниц книги Климента образ Иисуса как Учителя. Сначала Он убеждает (рассказывает), воспитывает (показывает) и только потом учит — наделяет Духом и Силой Своего слова. Иисус представлен Климентом прежде всего учителем душевности, воспитателем нравственного императива, т.е. идеальным педагогом: «Практика, а не теория, область Педагога; не обучение, а нравственное улучшение — вот Его цель; жизнь мудреца, а не ученого Он хочет начертать перед нами». Обращает на себя внимание то, насколько иной смысл, чем сейчас, вкладывали Отцы Церкви в понятие «ум» (логос). Это вовсе не рассудок человека, а прежде всего его способность созерцать идеальные образы, «град Божий» (отсюда «Божественное гражданство») — ее и называли духовной частью человека или «умной», проявляемой в силе заветного слова.

Данный труд весь пронизан полемическим тоном, что естественно. Но в то же время критика Климента лишена проклятий и унижения противника. И это понятно, ведь полемика ведется вокруг темы «духовного детства» и «божественной педагогики». У кого за спиной сама Истина, тот не будет проявлять словесную агрессию, потому что нравственно он уже исцелен и по отношению к духовному противнику испытывает лишь отеческую заботу.

«Новая» (духовная) одежда неизбежно влечет за собой новый образ жизни. Изумляет, насколько бережно и тактично Климент

дает советы своим единомышленникам, богатым гражданам Александрии, как вести себя христианину, пока еще изгою и сектанту, чтобы не бросить ни малейшей тени на образ их Божественного Педагога. Эти советы не устарели до сих пор (например, как относиться к выпивке или сквернословию), так как основаны прежде всего на здравом смысле и умении заглядывать в завтрашний день. Мы включили их в этот том.

Святитель Григорий (IV век), глава христианской церкви города Ниссы (Малая Азия), в своем труде «Об устроении человека» обращался уже к широкому кругу почитателей христианства, когда оно стало государственной религией Римской империи. Он прекрасно понимал, что стать христианином в одночасье, после объявления об этом в указе правителя невозможно, и потому спокойно, неспешно, очень образно и доходчиво, мы бы даже сказали — доверительно, рассказывает о том, как в христианстве понимается сущность и природа человека — **основа и зерно этого мирозерцания**. Он опирается при этом и на последние к тому времени научные изыскания, и на медицинские представления, и мы, кстати, видим, что древние прекрасно ориентировались в этой сфере. Читать это и сегодня чрезвычайно интересно. Мало того, в труде много научных прозрений и догадок, которые только сегодня находят свое адекватное объяснение (об этом см. в комментариях к публикации Григория Нисского).

Но самое главное, надо было объяснить вчерашним язычникам, что такое быть Образом и Подобием самого Бога. Это очень важное место для понимания святоотеческой антропологии. И в античной философии было учение о человеке как микрокосме, в котором проявляются те же элементы — огонь, воздух, вода, земля, что и во Вселенной, и он подчиняется тем же законам движения, что и звезды на небе. Св. Григорий подчеркивает новый масштаб понимания природы человека в христианстве, выводящий ее причину за рамки тварного мира в мир метафизический (в переводе с греческого «сверхфизический»), духовный.

Как утверждает св. Григорий, есть «прототип» — Прообраз, первоначальный образец, вечно сущий Бог, несотворенный, никогда не убывающий. Есть сотворенный образ Божий, совмещающий божественную и земную природу, получивший индивидуальное бытие — человек Адам. А так как творение не может пребывать без изменения, Адам, по данной ему свободе, решил испытать силу именно своей земной природы и совершил грехопадение. При этом образ Божий в человеке остался, но подобие Божие он потерял. С грехопадения началась история человечества.

«Второй Адам» — Христос — во всей полноте обладает и образом и подобием, восходящими уже не к Адаму, но к самому «прототипу». С этого времени перед человечеством поставлена другая задача — не выживать, подобно потомкам Адама, а преобразовать свою природу в деятельности, уподобляясь Христу или образу.

Григорий Нисский для характеристики деятельности употребляет два разных слова: «энергия» и «сила». Процесс творения мира — это энергия, человеческая способность к деятельности — это «сила». Восходить к образу — значит становиться «сосудом», вмещающим «царственную энергию» — Благодать или Святой Дух. Переход этой возможности в действительность есть переход природной силы (потребности) в энергию созидания. Их совпадение, резонанс Григорий определяет словом **синэргия** (понятие, заимствованное современными космологами для описания взаимодействия сложных открытых систем, в том числе и социальных).

Синэргия стоит на страже становления человека и его индивидуальности (от потенциальной возможности в семени до совершенства, то есть совпадения внутреннего и внешнего человека в духовной личности — см. главу XXIX). Только она является для Святых Отцов свидетельством истинного развития человека, к которому предназначен весь тварный мир. Где нет творчества, там изменение захватывает только плотскую часть человека. Вот почему индивидуальность в христианстве определяется талантами человека, а не его характером или темпераментом. И как мы помним из евангельской притчи, талант не только нельзя зарывать в землю, но его надо всеми силами души преумножать.

Очень важный пункт антропологии Григория Нисского, утверждающий право человека на тайну о себе, так как она отражает неизъяснимую тайну Первообраза. В таком взгляде на человека уже заложены методы и «глубинной», и «вершинной», и «христианской» психологии. В.В.Зеньковский, русский богослов, философ и психолог XX в., называл это явление «метафизическим ядром» личности.

Есть и обратная сторона у данного постулата: человек только тогда человек, когда имеет способность к чувству, объединяющему веру и разум, помогающему переживать свою включенность в тайну мироздания. Ее не открыть с помощью науки (хотя она, несомненно, расширяет наши знания о мире), с помощью магии и эзотерических знаний (хотя, конечно, они расширяют поле наших взаимодействий в мире) — в ней можно жить или не жить: это тайна христианской любви, чуда невидимого, но реального. И если в IV веке открытие знания о существовании этой тайны на целое тысячелетие перевернуло сознание жителей огромной Римской империи, то в XIX веке произошел обратный процесс. Руками философов-материалистов тайна была закрыта, «духовное ядро» личности приравнено к комплексу ее неполноценности, так что человек в своем научном описании опять принял образ «социального животного» (выражение Аристотеля), а в XX веке еще и «взбунтовавшегося животного», каковым он и предстает сегодня в реальных социальных процессах. В этом контексте труды Григория Нисского вновь звучат актуально, как тогда — в IV веке.

Надо сказать, что книги Григория Нисского отличаются особой убедительностью благодаря их удивительной сердечности, интонации диалога и доверия к разуму собеседника. Св. Григорий первый заговорил о цели воскресения человечества, о том, что конец истории лучше ее начала, когда грех становится невозможен вовеки. Подкупает, насколько уверенно и спокойно св. Григорий говорит о преображении человека или об «обождении» — самой трепетной стороне христианства. Именно данное положение св. Григория Нисского стало отправной точкой для учений русских мыслителей В.Соловьева о Богочеловечестве и Н.Федорова о воскрешении. (Более подробно о пересечении их взглядов см. в книгах современного философа С.Семеновой.)

Две последние публикации, включенные в данный том и развивающие святоотеческую антропологию, — Ефрема Сирианина (IV в.) и Иоанна Лествичника (VI в.), как раз имеют непосредственное отношение к «обождению», к обретению человеком духовного сознания. Для нас очень важно было прикоснуться к этому кладезю живого опыта преобразования нашей испорченной природы именно потому, что совершить «восхождение» должен в первую очередь педагог — «детоводитель» по определению. А изучение маршрута — первая заповедь путешественника, вступившего на Путь.

Духовное воспитание — это прежде всего процесс само-совершенствования. Без стремления к идеалу он немислим. Однако сегодня духовное воспитание часто сводят к холодному морализаторству и нравственному педантизму, сродному фарисейству. Как правило, такая педагогика не достигает цели, в ней нет критериев и четких ориентиров, на какие душевные силы надо опираться человеку при работе над собой. Между тем Святые Отцы, первыми проверив на себе «методику преобразования», оставили поразительные по своей точности и глубине самонаблюдения над душевными, сегодня мы говорим психологическими, процессами, происходящими с человеком, вступившим на путь просветления, очищения своих чувств и ума.

Духовный самоанализ, опиравшийся на особую способность человека к рефлексии 3-й степени (после осознания своих чувств и мыслей), развивший и доводивший ее до пробуждения «внутреннего наблюдателя», помогал человеку отвоевывать из плена подсознания свои мотивации, контролировать биологические инстинкты и руководить ими. То, что приписывается как открытие в психологии З.Фрейду, вовсе ему не принадлежит. Он лишь описал давно известное, но хорошо забытое в XX в. явление в другой понятийной системе. Однако при этом человек потерял свой духовный статус. Фрейд свел к биологической природе психические процессы и лишил их идеальной перспективы.

У духовных Отцов были точные ориентиры в «науке о душе». Есть божественный Образ и его извращение в человеке, приводящее к появлению «страстей» или «грехов», а в результате —

к «безОБРАЗию». В этом рассуждении важно увидеть четкое разделение страстей (их надо учиться отсекаать для исправления души) и самих душевных способностей, всегда направленных на добро. Согласно святоотеческой антропологии, зло рождается от недостатка любви, в результате чего искажается само понимание добра, оно становится иллюзорным. Об этом поучение Ефрема Сириянина.

«Иллюзия добра» — это суета, которой посвящает свою жизнь человек и тем самым все дальше уходит от своей сущности. И как есть восхождение в сферу духа («сверхсознания»), так есть и схождение в глубины своего подсознания по 8 ступеням «смертных грехов», где живут инстинкты, биологическая энергетика которых, согласно евангельской традиции, олицетворена в образах бесов. Их свойства, особенности «физиономии», характерные проявления стали предметом пристального рассматривания первых пустынножителей христианской церкви III—V вв., причем у каждого подвижника был свой особый стиль описания этих смертных грехов, о чем свидетельствуют тома Добротолюбия — дошедшего до нас из глубины веков сборника их самонаблюдений при работе над собой (см. Приложение).

Имена смертных грехов нам всем хорошо известны. Это чревоугодие, похоть, сребролюбие, гнев (ненависть), печаль, уныние, тщеславие, гордыня. Увидеть их не в другом, а в себе — значит покаяться. Покаяние — это более высокий уровень сознания, способность человека не только видеть себя со стороны, но и руководить своей волей. Без этой способности пускаться в дело воспитания невозможно. Дети неосознанно подражают нам **во всем** — и нашим достоинствам, и нашим недостаткам. Преодолевший их в себе может помочь в этом другому. Но накопивший их в себе рискует «заразить» ими даже чистую душу ребенка. Вот почему древние подвижники усиленно искали глубинные причины греха.

Согласно Ефрему Сириянину, корень страстей, живущих в сердце, это самолюбие. Оно проявляется в трех привычках, а те уже порождают извращенные чувства и дурные поступки.

САМОЛЮБИЕ

Привязанность к телу	Рассеянность ума	Привязанность к людской славе
Леность.	Неведение	Завистие
Праздность.	(незнание истины о человеке).	духовной родины.
Чревоугодие.	Гнев, печаль.	Сребролюбие.
Блуд.	Уныние.	Тщеславие, гордыня.

Грехи побеждаются добродетелями. Ефрем Сириянин первый попытался их систематизировать.

3. О том, что человеколюбив Педагог

Являясь и человеком, и Богом, Господь (Христос) во всем помогает человеку и всем радуется его. Будучи Богом, прощает Он грехи; являясь человеком, Он воспитывает его до безгрешности.

NB Обратите внимание на фундаментальный тезис раннехристианской педагогики: «человек любезен Богу». Как же он может быть нелюбезен земному учителю? Требование изначальной доброжелательности к ученику — как это не похоже на «обычную» школу!

Потому с правом человек любезен Богу, (потому) что он есть творение рук Божиих. Все остальные вещи Бог произвел Своим всемогущим словом, а человека сотворил собственноручно и вдохнул в него нечто такое, что одному Ему, Богу, свойственно. Человек, рукой Божией и по образу Божию сотворенный, самим Богом созданный, собою представляет, значит, существо Богу любезное или из-за самого себя, или же он со-

здан из-за чего-либо другого.

Если человек любезен Богу из-за самого себя, то безусловно благой Бог решил относительно человека в Своем совете, значит, нечто доброе, и очарование любви в человеке есть нечто такое, что мы называем дыханием Божиим. Если же предположить, что человек любезен Богу из-за чего-либо другого, то Бог и сотворил человека из-за этого чего-то; значит, творение без человека не могло быть совершенным: потому что тогда оно не могло бы дойти до мысли о своем Творце.

Без людей Бог не создал бы и тех вещей, которые Он сотворил ради людей. Первоначально сокровенную в Нем одну волю Свою Бог выполнил в совершенстве через внешний акт творческого Своего всемогущества, так что человек сам в себе состоит причиной своего бытия. И Бог видел, кого имеет в человеке; и человек стал тем, чем сделать его благоволил Бог. Нет ничего такого, чего Бог не мог бы привести в исполнение. Следовательно, человек — творение Божие, любезен Богу непременно из-за самого себя...

Да и каким образом он не был бы любим Богом, когда ради него послан был долу из самых недр Отца едиnorodный Сын Божий, Слово (Логос), предмет, преизобильный источник нашей веры, Господь, который сам ясно исповедует и объявляет: *Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня* (Иоан. 16, 27); и опять: *и возлюбил их, как возлюбил Меня* (Иоан. 17, 23)?

NB Климент разделяет обучение жизни и обучение наукам. Первое осуществляется через следование заповедям, праведному примеру и неисполнение запрещенного.

Итак, чего же хочет от нас Педагог? О чем проповедует Он и словом, и делом? Он дает заповеди и запрещения; одни — ясно — для исполнения, другие — в предупреждение с нашей стороны деяний, противоречащих тем заповедям. Но столь же несомненно,

Речь идет об обучении поведению, а через него — о воспитании помыслов. Активность воспитательной стратегии противопоставляется чисто вербальному преподаванию.

что есть еще и другой род слова, учительное слово; оно обращено к интеллектуальной способности, излагает тонкости, содержанием его служит созерцание тайн. Однако же на сей раз мы не будем говорить об этом слове.

Но прилично, чтобы и мы, со своей стороны, самим делом свидетельствовали любовь к Тому, который столь любвеобильно ведет нас стезей совершенства: чтобы мы жили по предписаниям Его заповедей, чтобы заповеданное мы не только творили, а запрещенного избегали, но и примерами нравственной жизни частью себя предостерегали, частью ободряли; таким образом мы будем уподобляться в своем образе действий Педагогу, а слово Его об *образе и подобии* (Быт. 1, 26) по возможности будет исполняться.

Живя, блуждаем мы как бы в густой какой тьме; поэтому необходимо нам верный и сведущий путеводитель по жизни. Но лучшим путеводителем является, конечно, не кто-либо из слепых, который, по выражению Писания, слепых заведет в яму, но Логос, имеющий глаз пронизательный и прозирающий в сердце. Как нет света, который не светит; как нет ничего подвижного, что не двигалось бы; никакой любви, которой не была бы вызываема любовь, — так не существует и ничего нравственно доброго, что не было бы полезно и спасительно.

NB *Христианство стремилось построить взаимоотношения между людьми, в том числе и в педагогическом процессе, на принципе любви к Богу и к ближнему, что было ответом на любовь Бога к человеку. Базовая формулировка этого принципа содержится в Первом послании Апостола Павла к Коринфянам, входящем в состав Нового Завета.*

Итак, последуем заповедям, которые Господь своей жизнью возвещает; потому что Логос, видимой плотью облекшийся, наставлял то той то иной добродетели вместе и словом, и примером. Если Логос будет принят нами за закон, то узнаем мы, что Его законы

и заповеди — пути к небу кратчайшие и ближайшие. Это — законы любви, а не устрашения.

4. О том, что Логос является Педагогом и мужей, и жен

Объемля это благое руководство Любви любовью же все полнейшей и сильнейшей, доверимся — цепляясь за столь крепкий канат веры — Господу в убеждении, что добродетель эта должна составлять дело в равной мере как мужей, так и жен. Потому что если у них обоих Бог один и тот же, то, значит, оба они имеют и одного и того же Педагога; значит, они имеют и церковь единую; значит, один и тот же существует для них закон меры, тот

В *Идея наличия общечеловеческих норм, с которыми должен соотноситься себя человек, очень важна для любого педагога — как духовного, так и светского. На это Климент особо обращает внимание своего читателя.*

же естественный стыд, та же пища, те же брачные отношения, те же дыхание, зрение, слух, рассуждение, надежда, христианская любовь; все это должно быть им равно свойственно. Но если все условия жизни для них общи, то они участвуют в равной степени, значит, и в благодати, один и тот же для них путь спасения, одинаково ценна для них христианская любовь; а потому подлежат они, значит, и одному и тому же воспитанию их Логосом...

Здесь (на земле) существует различие между мужским полом и женским; а по ту сторону гроба этого различия нет. Награда за святую здесь, на земле, участливую жизнь обещана не мужу или жене, а человеку вообще, награда там, где половые влечения, собою здесь разделяющие два людских пола, исчезнут. Существует и общее название для мужа и для жены, это слово «человек»...

5. О том, что все, ищущие истины, суть чада Божии

Что педагогика есть доведение детей до чего-то, открывается из самого этого слова. Рекомендуются им, следовательно, детей, о которых говорится в Писании, из виду не терять, и потом приравнять к ним Педагога. Дети — это мы. Писание часто называет нас этим почетным именем; еще чаще оно выражает это простое религиозное понятие символически, попеременно употребляя для этого различные другие слова...

Мужей, состоявших на положении учеников, называет Он детьми. — Говорится также, что *приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки, и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходиться ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное* (Мф. 19, 13—14).

В *Для настоящего учителя все его ученики — дети. Человек обучается бесконечно — всю жизнь он открыт для воспитания. Эта открытость наша к наставляющему нас — детская по своей природе. Учитель, обучающийся у ребенка, — тоже ребенок. Нет непреодолимой границы между миром детей и миром взрослых. Кто может учиться, тот ребенок и потому выше и сильнее взрослого. Но и увлечь ребенка на неверные пути легче, чем взрослого.*

Что Господь хотел сказать этим, истолковал Он сам в словах: *если не обратитесь, и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3). Не о возрождении иносказательно говорит Он здесь, а рекомендует нам для подражания простоту детского чувства. И Дух пророческий нас именует детьми. *Дети*, — говорит Он, — *срывали с маслин и с пальм ветви и, идя навстречу Господу, восклицали: Осанна сыну Давидову! Благословен грядый во*

имя Господне (Мф. 21, 9; Иоан. 12, 13), т.е. «свет, слава и хвала со смиренной любовью Господу», ибо таково значение слова «Осанна» в переводе³.

Побуждая учеников быть внимательными к Нему, так как Он к Отцу хочет возвратиться; сообщением, что вскоре Он разлучится с ними, пробуждая в слушателях ревность к тому, чтобы они тем в большем изобилии запасались плодами с древа истины, с него срывали их во множестве, как никогда еще до тех мгновений, Господь опять при этом случае их называет в Евангелии *детьми*. *Дети!* — говорит Он, — *недалго уже быть Мне с вами* (Иоан. 13, 33)... И когда Господь говорит: *Агнцы да станут одесную Меня* (Мф. 25, 33), под этим словом Он имеет в виду детей с их простым умом, потому что по своей природе дети суть агнцы, а не мужи и не овцы. Агнцам же оказывает Он предпочтение, высоко ценя в людях невинность и простоту ума, незлобливость их природы...

Удивительным и таинственным образом простоту души Господь обозначает через детский возраст. Он называет нас то *детьми*, то *птенцами*, иногда *младенцами*, в ином месте *сынами*, часто и *юношами*, и *молодым народом*, или *новым народом*. *Моим рабам*, — говорит Он, — *дано будет имя новое* (новое, т.е. юное, небесное, не употреблявшееся, простое, детское, истинное имя), *которое будет благословляемо на земле* (Ис. 65, 15).

Опять же Он образно называет нас *жеребятами*, не носившими ярма греховного, свободными от уз зла; в простоте чувства устремляющимися к Отцу; не конями, ржущими на жену ближнего (Иер. 5, 8), но свободными и новорожденными; играющими от радости веры, скачущими вперед к истине; быстро движущимися по пути к спасению, ногами попирая и круша вещи сего мира. Он... не указывает этим на помолодение человечества, произведенное Христом, и на никогда не стареющее небесное бытие простых чувством...

NB Климент формулирует произительную по своему звучанию мысль: наилучшее и наилучшее занятие в этом мире — воспитание детей к добродетели.

Поэтому и мы в наименование прекраснейших и высших из благ жизни привносим слово «дети» и называем их [блага] «воспитанием детей» (т.е. «педагогия»). Воспитанием детей мы считаем сдружение их с добродетелью от младенчества.

Яснее смысл наименования *детьми* раскрыл нам Господь по поводу происшедшего между апостолами спора, кто из них больше (т.е. властнее). Тогда Господь поставил между ними дитя и сказал: *Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном* (Мф. 18, 3). Имя *дети* употреблял Он, следовательно, не для обозначения несовершеннолетнего возраста, как полагали некоторые; и слова Его *Если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* не как вздор какой нужно пони-

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. — глава Издательского Дома

Асмолов А.Г.

Бордовский Г.А.

Дарчия М.Д.

Загвязинский В.И.

Зуев Д.Д. — главный редактор

Кезина Л.П.

Матросов В.Л.

Неменский Б.М.

Ниорадзе В.Г.

Никандров Н.Д.

Петровский А.В.

Рябов В.В.

Сартания В.Ш.

Шадриков В.Д.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКВА**

мать; потому что мы не маленькие дети, которым свойственно валяться на земле... напротив, с чувством, обращенным вперед, отвращаясь от мира и грехов, лишь краями одежд своих касаясь земли, как если бы мы только видимым образом принадлежали земному миру, стремимся мы к мудрости священной, которая лишь людям, изошрившимся во зле, кажется глупостью. Поистине дети, следовательно, суть те, которые признают единого Бога Отцом, состоя людьми простыми, невинными и чистыми почитателями Единорога⁴. К движущимся вперед в Логосе (Слове) взывает Он и говорит, что не должны они заботиться о вещах земных, и приглашает их лишь к Отцу обращаться, подражая детям... И кто эту заповедь исполняет, тот как перед Богом, так и перед миром поистине есть как бы малое дитя: перед миром он является таким потому, то здесь его глупцом считают; перед Богом — потому, что он любим Богом.

Но если *один есть Учитель*, Учитель Небесный, как утверждает Писание (Мф. 23, 8), то с последовательностью и все люди на земле могут быть названы учениками⁵, ибо в действительности дело обстоит так: совершенство заключено в Боге, Постоянном Учителе; детское же и несовершенно свойственно нам, постоянно состоящим на положении учеников. Поэтому и во многих местах пророческих писаний совершенное обозначено словом *муж...* Но всего прекраснее объясняет апостол это существенное понятие в Послании к Ефесянам, говоря: *доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова: дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения, но истинною любовью все возвращали в Того, который есть глава, Христос* (Еф. 4, 13—15)...

Здесь будет уместно объяснить и слово «малютка». Оно вовсе не тождественно слову «глупый», а значит «тонко чувствующий»; слово это собой означает, следовательно, новорожденного, души кроткого, тихого, нежного.

Особенно ясно так объяснил это слово блаженный Павел, сказав: *Мы могли явиться как Апостолы Христовы; но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими* (1 Фес. 2, 7).

Дитя, следовательно, тихо; и, в особенности, нежно, мягко и просто, бесхитростно и нелицемерно, прямодушно и искренне, а эти черты суть основы простоты и правдивости... Потому и невесту обыкновенно называют «нежною» и отрока «мягкосердечным». Мягкосердечны же мы, если не упорствуем, отказываясь слушаться уговоров, если обнаруживаем готовность творить добро, если не питаем в своем сердце ненависти, если чувство свое не пятнаем злобой и лживостью. Древнее поколение было *лживо и жестокосердно* (Деян. 2, 40; Фил. 2, 15; Мф. 12, 39; Мк. 8, 38), хор же детей, т.е. мы, *новый народ* (2 Кор. 5, 17), нежны как ди-

тя. Чистосердечными детьми апостол в Послании к Римлянам восхищается; и он дает, так сказать, определение детей в словах: *Но я желаю, чтобы вы были мудры на добро, и просты на зло* (Рим. 16, 19).

Мы связываем ведь со словом «малютка» смысл не отрицательный, хотя хулители детства и называют нас безумцами. Но вы смотрите, как этим они оскорбляют Господа, за безумцев считая в Боге ищущих себе прибежища. А когда они — вот это стоит того, чтобы в то вслушаться, — считают детей простодушными, то мы радуемся этому возрасту определению. Простодушны души новорожденные, после древнего безумия лишь недавно став разумными, в юном виде явившись в соответствие Новому Завету, лишь недавно только мы Бога научились познавать по пришествию Христовом. Потому что *Отца не знает никто кроме Сына и кому Сын хочет открыть* (Мф. 11, 27; Лк. 10, 22). Юн народ новый в отличие от древнего; научился он познавать новые блага.

И мы достигаем полного возраста никогда не стареющей добродетели. Постоянно наше познание зрело, постоянно мы юны, постоянно нежны, постоянно новы. Тем людям, которые примкнули к новому Логосу, и свойственно быть новыми. Но что в вечном принимает участие, тому свойственно быть и бессмертным. Поэтому выражение «детский возраст» для нас равно весне жизни, ибо истина в нас не стареет и наши нравы насыщаются (дышат) истиной...

В *Здесь еще одна важная мысль, связанная с детством, с образом ребенка. Постигнув какую-то истину, открыв спрятанную в себе добродетель, человек молодеет, становится ребенком по отношению к своему открытию, к почитаемой им истине.*

Всякое слабое и нежное творение, по причине своей слабости нуждающееся в помощи, представляет собой нечто приятное, достолюбозное и прекрасное; и обыкновенно все с готовностью помогают такому малому существу... подобно этому и Небесный всех Отец принимает прибегающих к Нему и вследствие возрождения их Святым Духом видит в них благовейных своих чад, любит их, поддерживает, защищает их и из-за этого на-

зывает каждого из них чадом...

Могу я в подтверждение вышеизложенного привести и другой важный момент. Самого Господа Дух Святой именует младенцем... Кто такой этот младенец? Это — тот, по образу которого и мы — дети. О Боже великий! О Младенче совершенный! Сын в Отце и Отец в Сыне! И не должно ли после этого быть совершенным воспитание детей через этого Младенца, который, руководя нас, своих малых детей, состоит общим нашим достоянием? Он распростер свои руки к нам. О сем Дитяти и Иоанн [Креститель] свидетельствует: *Се Агнец Божий* (Иоан. 1, 29, 36). Поскольку Писание малых детей называет агнцами, то и Бога Логоса (Слово), нас ради вочеловечившегося и во всем нам стать

подобным восхотевшего, назвало *Агнцем Божиим*, т.е. Сыном Божиим, Дитятей Небесного Отца⁶.

6. Против полагающих, что наименование «детьми» и «младенцами» означает первоначальную ступень обучения

Вдобавок да будет позволено нам показать неправоту унижающих эти наименования. Писание именует нас «детьми» и

NB *Другое понимание детства — как мира заблуждений, незрелости и малоценности сознания ребенка. Метафора «детскость» могла употребляться как в положительном значении, так и в отрицательном. Оба значения уже есть в Новом Завете.*

«младенцами» с отношением не к детскому состоянию у нас учения и малоценности его, какими чертами ложно характеризуют его кичащиеся своим знанием (1 Кор. 8, 1). С возрождением мы тотчас достигаем и совершенства, к которому стремимся. Ибо в крещении мы воспринимаем в свою душу свет Богопознания. Но тот не может быть назван несовершенным, кто познает совершенное; и пусть никто не порицает меня за утверждение, что я Бога знаю. Это выражение любезно Логосу, ибо если *Сын освободит вас, то истинно свободны будете...* (Иоан. 8, 35—36).

Через крещение мы залучаем свет в душу, со светом получаем право на сыновство, с сыновством — совершенство, с совершенством — бессмертие. *Я сказал, говорится, вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы* (Пс. 81, 6). Этот акт именуется различно: благодатью, просвещением, совершенством, омовением. Омованием называется оно потому, что в крещении омываются ваши грехи; благодатью — потому, что в нем освобождаемся мы от наказания за грехи; просвещением — потому, что в нем усматриваем мы небесный спасительный свет, т.е. Бога познаем. Совершенством называем мы отсутствие всякого недостатка; но чего же недостает тому, кто Бога познает? Подлинно было бы делом бессмысленным нечто, не имеющее полной степени совершенства, именовать даром Божиим. Будучи совершенным, Бог и дары расточает, конечно, совершенные (Иак. 1, 17)... *Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь* (Иоан. 5, 24). Следовательно, лишь вера и возрожденные представляют собой совершенство в жизни. Потому что Бог не творит ничего плохого...

NB *Какие слова о воспитании, просвещении, возрождающих человека, и о настоящей жизни!*

С понятием о человеке, возрожденном и просвещенном, неразрывно связывается понятие и о человеке, выведенном из тьмы; это дано уже буквальным смыслом тех слов: во све-

те те люди ходят с того самого момента (просвещения и возрождения). Как сон отряхнувшие со своих вежд тотчас становятся душевно бодрствующими; или лучше сказать: как те, кто силятся прояснить свое ослабляемое подтеком зрение, помогают глазу не привлечением в него света извне, а удаляют препятствие из глаза, освобождая таким образом глазной зрачок; подобно этому и мы, при помощи Духа Святого омыв в крещении подернутый туманом и закрытый тьмой греха глаз своего духа, после того имеем его чистым, здоровым и светлым. Бога познаем мы потому только, что (в крещении) изливается на нас с неба Дух Святой. Привходит в наш глаз небесный луч, сообщающий ему способность видеть небесный свет. Подобное и дружит с подобным, святое дружит со своим первоисточником, а этот по преимуществу именуется светом. *Вы были некогда тьма, а теперь — свет в Господе* (Еф. 5, 8). Потому-то и человек, полагаю я, называется светом⁷.

«Но, — возражают, — крещеный получает дар еще несовершенный». — Допустим; но он ходит *в свете, и тьма не объяла его* (Иоан. 1, 5); а между светом и тьмой нет какого-либо состояния промежуточного.

Действительно, иное дело цель, к которой кто-либо стремится и которой он достигает, и иное дело лицо, к ней стремящееся и ее достигающее. Стремление есть, так сказать, вера этой жизни, цель же есть исполнение обетований в вечности. Но сам Господь ясно отождествляет оба эти момента в спасении словами: *Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день* (Иоан. 6, 40)⁸. Мы веруем поэтому в свое совершенство, насколько оно возможно в этой жизни. Мир этот Он понимает под выражением *последний день*, до наступления которого он будет *сохраняться* (ср. 2 Петр. 2, 4, 9; 3, 7, где *сохраняться* означает существовать) и с наступлением которого он разрушится.

Вера есть совершенство учения; потому и говорит Он: *Верующий в Сына имеет жизнь вечную* (Иоан. 3, 36). Поэтому, если вследствие веры свойственна нам жизнь, что иное в последующее время предстоит нам, как не наследование жизни в небесной ее форме?... вере несвойственны какие-либо недостатки, и она делает верующих ожидающими (исполнения обетований) не только по отшествии из этого мира, но уже и здесь, на земле всех их без различия наделяет залогами (осуществления обетований)... и тогда исполнится над нами слово: *По вере вашей да будет вам* (Мф. 9, 29)...

NB Понятие «гнозис», столь важное для Климента, не очень легко объяснить современному читателю. Это познание,

Как вследствие опытности неопытность исчезает; как с избытком недостаток прекращается: так вследствие просвещения тьма должна исчезать. А под тьмой должно разуметь неведение,

но особов — познание глубоких истин. Это комплекс знаний, но не обычных, а имеющих жизненный смысл. Это способность к познанию, но даруемая лишь достойным ее, в особых случаях, поскольку гнозис в неподготовленных руках может склонить к ереси.

вследствие которого мы в грехи впадаем, оставаясь слепыми для истины. Гнозис есть, следовательно, то просвещение, которым прогоняется неведение и в котором нам даруется орган зрения.

Но уже и в оставлении худшего содержится познание лучшего. Ибо, что неведением держится в болезненно связанном состоянии, то познанием славно разрешается. Оковы эти быстро разбиваются верой человека и Божественной благодатью, которая в крещении в Логоса от грехов нас исцеляет. Все наши грехи (в крещении) омываются, и тотчас же мы перестаем ходить путями зла. Благодатное действие просвещения состоит, следовательно, в том, что мы оставляем по омовению прежние нравы. Но так как с просвещением восходит над нами солнце гнозиса, озаряя наш дух, то мы, (до тех пор) неведающие, тотчас слышем «учениками», осведомленными в учении. А если так, то когда же мы слушали учение? Подлинно, нельзя определить с точностью момента этого. Катехизическое оглашение только ведет к вере; значит, в самом крещении научает нас Дух Святой.

Что вера составляет общее для всего человечества спасительное средство и что Бог, правосудный и людей любящий, одинаково благоволит ко всем, об этом ясно учит апостол в словах: *А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере. Итак, закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы вам оправдаться верою; по пришествии же веры мы уже не под руководством детоводителя* (Гал. 3, 23—25). Слышите ли? Мы не стоим более под законом, зиждущимся на начале страха, а руководимы Логосом, Педагогом свободы. Потом апостол присовокупил изречение, в котором ничего нет о предпочтении некоторых лиц. *Ибо все вы, — говорит он, — сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе* (Гал. 3, 26—28).

Не так, следовательно, нужно дело понимать, что одни в Логосе суть гностики (одаренные познанием), а другие остаются людьми душевными (которым свойственна жизнь лишь общая со всеми одушевленными существами), но так, что все мы, по оставлении плотских пожеланий, имеем равное достоинство перед Господом, все духовны...

То, следовательно, что скрыто от мудрых и разумных этого мира, открыто младенцам. По справедливости мы называемся чадами Божиими, мы, отложившие *прежний образ жизни ветхого человека* (Еф. 4, 22), совлекшие с себя одежду, *которая оскверне-*

на плотию (Иуд. 23, 2; Кор. 5, 4), облекшиеся в бессмертие Христа (1 Кор. 15, 53), дабы возрожденным в новый святой народ нам сохранить в себе незапятнанным (нового) человека (Еф. 4, 24). И младенец (этот) как вскормленник Божий чист от беспутств и злодеяний.

Но предоставим дальнейшее изложение этого предмета лучше Павлу, нас освобождающему от этого изложения, потому что в Первом Послании к Коринфянам он пишет так: *Братья, не будьте дети умом: на злое будете младенцы, а по уму будьте совершеннолетни* (1 Кор. 14, 20)... Двойкий смысл имеет слово «младенец». *А как стал мужем*, говорит Павел опять, *то оставил младенческое* (1 Кор. 13, 11). Он понимает здесь не несовершеннолетний возраст и вообще не период времени определенный, а также и не высшее таинственное учение, назначенное для мужей, — потому что состояние детства он простирает далее границ его, он, о себе утверждающий, что возвещает о Божием признании нас за чад, — но под младенцами понимает он бывших подчиненными закону, страшившихся, как дети чучела страшатся; под мужами же он понимает повинующихся Логосу, имеющих право на самоопределение.

Мы, верующие, достигаем спасения, выбирая оное по свободе; страх отличается в нас разумным характером, а не неразумным. Свидетельствует об этом сам апостол, называя Иудеев наследниками по Ветхому Завету, а нас — наследниками обетований. *Еще скажу*, пишет он, *наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего: он подчинен попечителям и домоправителям до срока, отцом назначенного. Так и мы, доколе были в детстве, были поработены вещественным началам мира. Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление* (Гал. 4, 1—5). Обрати внимание:

В *Детство амбивалентно. Простая чистота внимающего ребенка обращается его несвободой, зависимостью, нерешительностью, неопытностью. Истинное воспитание устраняет это. С истинным воспитателем человек становится взрослым, совершенным, отвечающим за себя. Вкушающий молоко истинной педагогики постепенно мужает, оставаясь по отношению к наставнику почтительным ребенком.*

рабов страха и греха апостол наименовал здесь детьми, верующих же назвал сынами и признал их совершеннолетними, в отличие от детей, состоящих под законом. *Посему ты уже не раб*, говорит он, *но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа* (Гал. 4, 7)... Детство во Христе, по сравнению с законом, есть совершенство. Мы должны здесь наше детство под защиту взять...

Такое иносказание совершенно согласуется с приведенными словами апостола: *Я поил вас молоком, а не (твердой) пищей питал...* Можно под молоком разуместь проповедь, всюду

разлившуюся, а под пищей веру, которая по прослушивании огласительного учения упрочняется до фундамента и которая, будучи много надежнее огласительного учения, уподобляется пище, какую душа ассимилирует своему телу.

О пище этого рода в других местах Евангелия Иоаннова Господь говорил символически и иным образом: *Ешьте Мою плоть и пейте Мою кровь* (Иоан. 6, 54). Очевидно, Он говорит здесь иносказательно о вере и обетовании... Но вера сложена и связана из двух составных частей: из тела, т.е. собственной веры, и из души, т.е. надежды, подобно тому как и Господь состоит из плоти и крови. В самом деле, надежда есть кровь веры; надеждой вера удерживается в согласии сама с собой, как бы оживляющей душой. Если же надежда, подобно вытекающей крови, испаряется, то потухает и живость веры.

Логос для новорожденного человечества является всем: отцом, матерью, воспитателем. *Ешьте Мою плоть*, — говорит Он, — *и пейте Мою кровь* (Иоан. 6, 53). Столь соответственной здоровью пищей снабжает нас Господь. Он предлагает нам свою плоть и изливает в нас свою кровь, способствуя через то росту своих чад. О, дивное таинство! Он повелевает нам оставить прежние плотские увлечения, равно как и прежнее потаканье им, следовать же другому, Его Христа образу жизни, — Им, насколько то возможно, внутренне проникаясь, Его в себе самих воспроизводя. Спасителя в груди нося, чтобы через то могли мы обуздывать желания своей плоти...

Логос и есть грудь Отца. Естественно поэтому, что единственно Он нам, детям, молоко своей любви изливает; отсюда происходит, что только мы, из этой груди молоко сосуем, только мы одни блаженны. Потому и говорит Петр: *отложите всякую злобу и всякое коварство, и лицемерие, и зависть, и всякое злословие»* и как новорожденные младенцы возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение, ибо вы вкусили, что благ Господь (1 Петр. 2, 1—3)...

У меня есть пища, — говорит Господь, — *которой вы не знаете. Моя пища есть — творить волю Пославшего Меня* (Иоан. 4, 32, 34). Здесь вы имеете дело с другой пищей, которую точно так же, как молоко, нужно понимать в переносном смысле: это воля Божия. — Но и полнота собственных Его страданий в несобственном смысле называется чашею (Мф. 20, 22; Мк. 10, 38; Иоан. 18, 11), поскольку лишь выпить ее и опорожнить до дна было Его обязанностью. Так исполнение воли Отчей для Христа было Его пищей, а для нас, Его чад, Он сам служит питанием: мы всасываем в себя оное из небесного Логоса. Отсюда понятие «искать» (стремиться, желать, домогаться) в греческом языке передается через понятие «к груди тянуться», потому что младенцам, стремящимся к Логосу, молоко в обилии источают человеколюбивые груди Отца...

Таким образом, о Логосе под различными чувственными образами говорится. Называется Он пищей, плотью, питанием,

хлебом, кровью, молоком; всем этим Господь состоит для нас, в Него верующих, дабы мы возрастали в Нем...

7. О лице нашего Педагога и Его воспитательном методе

Мы показали, что всех нас Писание именует детьми; и не только детьми оно называет нас, последователей Христовых, но и неопытными младенцами. Теперь, наблюдая в ходе мыслей последовательность, мы скажем о том, кто состоит нашим Педагогом. Имя ему Иисус. Но иногда Он называет Себя и пастырем и говорит: *Я есмь пастырь добрый* (Иоан. 10, 11). В метафорическом сем выражении, взятом от пастырей, вожатых стад, под пастырем нужно разуместь Педагога, т.е. заботливого руководителя детей, рачительного пастыря существ неопытных. Дети бывають умом просты; поэтому образно они называются овцами. *И будет, говорится, одно стадо и один Пастырь* (Иоан. 10, 16). Логос, приводящий нас, детей, к спасению, по всей справедливости поэтому состоит Педагогом. Педагогика же Его состоит в Божественной религии, в наставлении, как должно служить Богу, в обучении, приводящем к познанию истины. Вот руководство подлинно верное, потому что оно движется по направлению к небу.

Слово «Педагогика» употребляется в различных значениях. Под ним разумеется воспитываемый и обучаемый; потом — воспитывающий и обучающий; им обозначается, в-третьих, сам акт воспитания; в четвертых, передаваемые учения, например заповеди. Согласно же с волей Божьей педагогика состоит в усмотрении истины по прямому направлению к Богу, в неустанном впечатлении на себе дел вечно ценных.

Как полководец через то держит армию в порядке, что заботится о здоровье солдат; и как кормчий правит кораблем, имея в виду сохранить жизнь пассажирам: подобным образом и Педагог наш, в любвеобильной своей заботливости о нас, своих детях, учит нас такому образу жизни, который ведет к спасению. Но и вообще чего без ущерба для справедливости мы просим у Бога, то при послушании Педагогу дается нам. Подобно тому теперь, как кормчий не всегда по ветру лавирует, но иногда ставит корабль передней его частью против всех толчков ветра: подобным образом и Педагог наш не соображает с нравами

NB Если античный педагог сопровождает дитя, вверяемое ему в семилетнем возрасте после кормилицы и няньки, лишь до наступления юности (лет 18—19), то Педагог-Христос не оставля-

и обычаями, дующими в мире, и не предоставляет им своего питомца на произвол, как какую-нибудь лодку. Педагог не дозволяет, чтобы Его питомец влиянием мирских нравов увлечен был к жизни животной и беспутной, но внушает ему, чтобы правильными своими веслами, т.е. своим

ет ребенка в этом мире вплоть до его возвращения в мир небесный. Педагогика христианства есть, таким образом, не только школьная педагогика, но и педагогика всего жизненного пути. В христианской системе человека никогда не оставляют вниманием, воспитанием, наставлением, сопровождением в этой «школе жизни».

сей куда Я сказал тебе (Исх. 32, 33—34). В этом месте Господь оказывается Учителем педагогики. И в самом деле, через личность Моисея Господь был Педагогом ветхозаветного народа; лично же, лицом к лицу, Он состоит Руководителем новозаветного народа; потому что вот, говорит Бог Моисею, Ангел Мой пойдет пред тобою (Исх. 32, 34). В образе доброго Ангела⁹ и Руководителя во главе ставится власть Логоса... В качестве Педагога и Судьи вместе с тем Логос и судит Ему непослушных. Человеколюбивый Логос

ВВ *Осудить так, чтобы ученик исправился, а не разуверился — вот ежедневный иску́с и проклятие школьного педагога, который, как сапер, не имеет права ошибаться. Судить и вести — в каких пропорциях мы сочетаем педагогические жезл и посох, атрибуты судьи и вождя (пастыря)?*

разумением, держался он твердо единственно ветра истины, доколе — не потерпев никакого вреда — бережно взлелеянным дитем не войдет он в гавань небесную. Потому что так называемые у язычников «отеческие нравы» — это вещь преходящая; Божественное же воспитание есть сокровище вечно ценное...

И Моисея Педагог научил, как должно руководить детьми. Потому что Господь говорил к Моисею: кто согрешал предо Мною, изглажу из Моей книги. Итак, иди, (сойди), веди народ но не осуждает их за них, чтобы они исправились, потому что Господь хочет лучше обращения грешника, чем смерти (Иезек. 18, 23). Нас же, — подобно детям, знающим грехи лишь по слуху, — должен удерживать от подобных преступлений уже страх перед угрозой, что и с нами поступят точно так же... Итак, кто же мог бы воспитать нас человеколюбивее Господа? Ранее древний народ имел ветхий завет; законом народ древний был воспитываем в страхе (Рим. 8, 15), и Логос был простым Ангелом. Народу же

новому и юному дарован и завет новый и юный; пришел в мир Логос, страх превращен в любовь, и прежний таинственный Ангел рождается в образе Иисуса...

Закон есть древняя благодать, данная Логосом через Моисея; потому и говорит Писание: Закон дан чрез Моисея (Иоан 1, 17); не Моисеем, но Логосом через Моисея, Его слугу; поэтому приличествовало закону быть и временным. Вечные же благодать и истина произошли чрез Иисуса Христа (Иоан. 1, 17). Обращайте внимание на слова Писания. В отношении к закону говорится только: дан был; истиной же, которая есть благодать Отца, состоит вечное дело Сына; и о ней не говорится, что она дана была, но

что она произошла через Иисуса (Иоан. 1, 17), без которого ничто не произошло (Иоан. 1, 3)...

Пророчество дает Ему и жезл (прут) в руки, жезл воспитания, господства, власти, дабы кого не уврачует через убеждение, того Педагог этот мог исцелить угрозой; а кого не исцелит жезл (прут), того пожрет огонь. Наблюдай заботливость, мудрость и власть Педагога: *будет судить не по взгляду очей Своих, — говорится, — и не по слуху ушей Своих решать дела. Он будет судить бедных по правде и дела страдальцев земных решать по истине* (Ис. 11, 3—4). И устами Давида говорит Он: *Строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня* (Пс. 117, 18). Потому что от Господа быть наставляемым и воспитываемым — это спасение от смерти. Эти Твои педагогические жезл (судейский) и посох (пастырский) *да утешат меня*, сказал Псалмопевец (Пс. 22, 4), т.е. нашел я утешение в этой власти Педагога достопоклоняемой, утешительной, спасительной¹⁹.

8. Против полагающих, что благость и правосудие взаимно себя исключают

Есть еще некоторые, утверждающие, что (судейский) жезл, угрозы и устрашения собой исключают благость Божию. Но, очевидно, они плохо понимают Писание, в одном месте так говорящее: *боящийся Бога обратится* (Сир. 21, 7), и не думают о величественнейшем доказательстве Божия человеколюбия, а именно о том, что ради нас Господь человеком стал. Пророк обращается к Нему с таким молением в задушевном тоне: *Вспомни о нас, потому что пыль мы* (Пс. 102, 14), т.е. тронься сожалением о нас, потому что слабость плоти Ты на самом себе испытал.

О полнейшей Господа, нашего Педагога, благости и о том, что в этом отношении Он в высшей степени достохвален, свидетельствует то, что от полноты человеколюбия относится Он сострадательно к слабой природе каждого человека в частности. *Не существует ничего такого, что Господу было бы ненавистно* (Прем. Сол. 9, 25). Ибо невозможно, чтобы что-либо Он ненавидел и однако же восхотел существования того, что Ему ненавистно... Но если ничто из того, что волей Божией произошло, Богу не ненавистно, то остается признать, что все то Ему любезно.

NB А мы говорим: религия унижает человека...

Болезнь же всего другого Богу любезен человек; и естественно: потому что человек есть прекраснейшее из Его творений и существо, способное любить

Бога. Следовательно, Бог человеколюбив; человеколюбив, соответственно, и Логос.

Но если кто к кому-либо любовь питает, тот желает тому и пользы. Лучше же доброго ничего нет; следовательно, доброе полезно... И из благосклонности к кому-либо содействовать

пользе того, это не иное что значит, как о том человеке заботиться. А что о человеке Бог заботится, это Он свидетельствует самим делом, дав нам в Педагоги Логоса, истинного Сопомощника Богу в Его человеколюбии.

Существенный признак в понятии добра не тот, что оно есть часть добродетели. Потому и правосудие не потому есть нечто доброе, что отчасти оно осуществляет собой добродетель, — оно ведь и есть сама добродетель, — но потому, что оно из-за себя самого и само по себе есть нечто доброе. С другой стороны, и полезное называют добрым не потому, что оно приятно, но потому, что оно полезно. Но все это применимо к правосудию; оно есть нечто доброе, потому что представляет собой добродетель; оно есть нечто доброе и потому еще, что из-за сущности своей желательно, а не из-за того, что оно приятно; потому что не льстиво оно судит, но воздает каждому по его заслуге; полезное в нем обуславливается полезной его сущностью. Всеми составными частями понятия добра определяется, следовательно, и понятие правосудия. Оба понятия равномерно принимают участие в одинаковых атрибутах. Но вещи, которые характеризуются одинаковыми атрибутами, являются и равными, и подобными друг другу. Следовательно, правосудие есть нечто доброе.

Говорят: «Может ли Господь быть человеколюбивым и благим, когда Он гневается и наказывает?» Здесь уместным нахожу, по возможности вкратце, это разъяснить. Метод строгий для правильности воспитания детей полезен; он имеет значение необходимого в воспитании вспомогательного средства. Многие из страстей искоренимы лишь при посредстве наказаний, объявлением строжайших заповедей и преподаванием некоторых (строжайших) умозрительных основоположений.

Так, например, порицание для страстей душевных есть некоторого рода хирургическая операция. Страсти суть гнойные наросты (на теле) истины: через порицание как бы через надрезание они бывают вскрываемы. Порицание походит на лекарство, затверделые наросты страстей разжижающее и неприглядность некоторых сторон жизни от грязи очищающее; что заросло слишком и обросло плотию высокомерия, то порицанием выравнивается и смягчается; человека оно вновь оздоравливает и обновляет. Подобным образом и увещание на душу больную действует как бы диетическое правило; оно советует, что ей должно в себя принимать; но оно и запрещает, указывая, чем не должна она питаться. Но и порицанием, и увещанием имеется в виду доставлять нам спасение и вечное здоровье...

NB *Учитель, воспитатель — лекарь души, земледелец во «внутреннем саде». Такой образ, перейдя из античности (Цицерон) в христианское средневековье, обусловил почетное место «хирургическим» средством воздействия на ученика. Умеренные наказания никому не казались странными — ни наставникам, ни наставляемым.*

В Как важно для педагога владеть «ИСКУССТВОМ упрека»! Обратите внимание, как на последующих страницах Климент тщательно прописывает определения внушения, укоризны, упрека, обличения, пристыживания, вразумления, поношения, обвинения, жалобы, насмешки, негодования и т.д. Делается это, прежде всего, с целью дать в руки «душевному лекарю» самые разнообразные инструменты, чтобы он не калечил воспитанника, а применяя к нему лечение, сообразное с его собственной природой (характером) и с природой (и серьезностью) его «болезни».

Как увещание и приглашение естественны для Логоса советующего, так порицание, упрек и укоризны свойственны Логосу похваляющему. Ему свойственно особое искусство в порицании. Порицание есть признак благорасположенности, а не ненависти. И друг, и враг порицают; но враг это делает со злорадным хохотом, а друг — от сердечной благорасположенности. Не из ненависти Господь обращается к человеку с упреками, — Он мог бы всех людей вель и смести с лица земли за их грехи, — но Он за нас даже страдал. Педагог, именно потому, что Он благ, весьма искусно предлагает увещание в форме упрека; человека ленивого Он побуждает поношением как бы бичом. Иногда старается Он подействовать на известного человека и сменой формы увещания. На кого похвала не действует, того понуждает Он порицанием; а кого порицание не

приводит на путь спасения, те как бы трупы какие бывают пробуждаемы для истины поношением...

Виноградная лоза, если ее не подрезать, разрастается в ветви (уходя в них всей своей силой): так и человек. Логос, являясь как бы каким садовым ножом, отсекает размножающиеся на человеке наросты, принуждая его своими чувствами не в страсти вливаться, а плод приносить. Но упреки, обращенные к грешникам, имеют ту же самую спасительную цель; потому что Логос сообразуется в них с особенностями каждого человека; то кнут употребляет он при этом, то узду...

Тот же самый Логос, который налагает на нас наказания, Он же есть и наш Судья. О нем говорит Исаия: *Господь возложил на Него грехи всех нас* (Ис. 53, 6), на Него, т.е. как на исправителя нашего и освободителя нас от грехов. По этой-то причине Он только один может и прощать грехи, Он, от Отца поставленный нам в Педагога; Он только может отличать послушание от непослушания. Но кто грозит, тот не имеет неперменного желания свой гнев насытить и угрозу выполнить, но, приводя в страх, через то отрезает в нас склонность к греху; человеколюбие Его обнаруживается и в том, что Он медлит и показывает, что последует, если бы кто остался в грехе. Не как жалящая змея, Он не тотчас ранит. Бог благ; и прежде, чем до дела у Него дойдет, Господь долго увещевает... Но это искусство в нас страх вселять, дабы мы не грешили, есть доброе искусство... Наказание Бог посылает не от гнева, но исходя из право-

В *С этим трудно согласиться. Вечно правый учитель — что может быть опаснее для педагога?!*

судия... Каждый из нас сам же напрашивается на наказание, потому что сам он по своей доброй воле грешит. Виновником наказаний состоит, следовательно, тот, кто их на себя на-

кликает; Бог в них не виновен¹¹...

Куда Господь обращается своим лицом, там мир и радость; а откуда отвергает его, туда начинает прокрадываться зло. Бог же не хочет зреть на зло, потому что Он благ. Если же Он откуда-либо отвергает свое лицо, то делает это из-за людского неверия, и там развивается зло... Добру же по самой его природе свойственна ненависть к злу. Поэтому, пожалуй, еще может быть допущено, что неверующих Бог наказывает, — наказание служит ведь во благо и к пользе наказываемого; оно есть исправительное средство против упорных; — но нельзя того допустить, что Бог мстителен. Мщение есть воздаяние за зло, происходящее в интересе того, кто отомщает за себя. Но Кто учит нас *молиться за врагов* (Мф. 5, 44), тот, конечно, не жаждет мести... Бог являет нам первообраз правосудия на одних и тех же весах: в лице Господа Иисуса, который, состоя как бы языком весов сих, Бога познавать дает нам. О Нем и Божественная мудрость говорит ясно: *и милость и гнев — во власти Его; силен Он помиловать и излить гнев. Как велика милость Его, так велико и обличение Его* (Сир. 16, 12—13). Сожаление есть мотив порицания, а спасение того, к кому относится порицание, есть цель порицания.

Все же, что Бог, Отец Господа нашего Иисуса, благ, об этом может сказать нам и сам Логос. Он говорит о своем Отце: *Он благ и к неблагодарным и злым* (Лк. 6, 35). И далее: *будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6, 36). Он говорит даже прямо: *Никто не благ, как только один Бог* (Мф. 19, 17) *на небесах* (5, 12). Кроме того, в другой раз Он говорит: *Отец Мой повелевает своему солнцу восходить над злыми и добрыми* (Мф. 5, 45)... Но и Логосу как Спасителю из заботливости о спасении некоторых не чуждо обращаться к ним с поношениями; потому что это представляет собой одно из спасительных средств Божеского человеколюбия; из него появляется красный цвет стыда и возникает страх перед грехом. Если можно порицать, то уместно и поносить. Бывают времена, что на душу, дошедшую до бесчувствия к печали, нужно раны наложить, но не смертные, а целебные, так как малая печаль предохраняет от вечной смерти.

Велика мудрость Педагога в воспитании, и Его метод в отношении цели многообразен. О людях добродетельных Педагог свидетельствует; призванных зовет Он к лучшему; тех, кто неправду хочет учинить, с самого начала Он отклоняет от того и приглашает их обратиться к жизни лучшей. Ибо ни один из этих моментов не остается не засвидетельствованным; изо всех же

свидетельств исходит высшая благодать. И аффект гнева — если только предостережение Божие можно назвать гневом — имеет исходным началом человеколюбие, потому что Бог до страстного состояния нисходит из-за человека; ради него Божественный Логос и человеком стал.

**9. О том, что дело одной и той же власти
благодетельствовать и правосудно наказывать и еще
(продолжение) о воспитательном методе Логоса**

Вполне властно, следовательно, применяя все способы своего мудрого искусства, Воспитатель человечества, наш Божественный Логос заботится о спасении своих чад. Он внушает, укоряет, упрекает, обличает, грозит, исцеляет, обещает, дарует. Многими как бы удилами Он обуздывает неразумные стремления людей. Коротко: Господь поступает с нами точно так же, как мы с нашими детьми... Поэтому рассмотрим по пророческим свидетельствам **воспитательный метод** этого Человеколюбца. (Здесь и далее выделено составителем.)

Внушение есть порицание, протекающее из заботливости и посредствуемое точным разумением дела... Величайшим доказательством любви Божией к человеку служит то, что, видя бесстыдство народа, брыкавшегося и закусывавшего удила, все-таки Бог зовет его к обращению и устами пророка Иезекииля говорит: *сын человеческий, ты будешь жить у скорпионов; не бойся их и не страшись лица их. И говори им слова Мои, будут ли они слушать или не будут* (Иез. 2, 6—7). Здесь обнаруживает Он две стороны: Божественную — предвидя будущее, и человеколюбивую — удостаивая одаренную свободной волей душу приглашения обратиться. И у Исаии, «заботясь о народе», Он обращается к нему с внушением, говоря: *Этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня* (Ис. 29, 13)... Заботливость здесь проявляется в том, что, избличая грех, Педагог через противопоставление ему указывает и целебные средства.

Укоризна есть порицание, высказываемое по поводу чьего-либо постыдного поведения; цель такого порицания — возбудить нравственное чувство...

Упрек есть порицание легкомысленным и нерадивым. Этой формой педагогического порицания пользуется Господь, когда говорит у Исаии: *Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владельца своего и осел ясли господина своего, а Израиль не знает (Меня)* (Ис. 1, 2). Не ужасно ли, если ведущий Бога Его забывает? И в другом месте, после сурового порицания, обращенного к народу, присоединяет Он: *они оставили Меня, говорит Господь* (Иер. 1, 16).

Обличение есть укоризненный выговор или порицание с присоединением укоризненных слов. Этим воспитательным средством Педагог пользуется у Исани, говоря: *Горе непокорным сынам, говорит Господь, которые делают совещаия, но без Меня; и заключают союзы, но не по духу Моему* (Ис. 30, 1). Как бы некую острую вытравляющую жидкость в некоторых отдельных случаях применяет он устрашение, зажимая уста народу и обращая его на путь спасительный. Подобно этому шерсть при окраске ее обыкновенно вытравляется, чтобы она приняла окраску на более продолжительное время.

Пристыживание есть публичный упрек за грех. В качестве необходимого воспитательного средства Бог применяет его, если вера в народе исчезает. Так Он говорит у Иеремии: *Подивитесь сему, небеса, и содрогайтесь, и ужаснитесь, говорит Господь. Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекали себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды* (Иер. 2, 12, 13)... Но жесткость и позор пристыживания Он смягчает через Соломона, молчаливо воспитательную свою любовь к детям возвещая словами: *Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его, ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец сыну своему* (Притч. 3, 11—12; Евр. 12, 6; Откр. 3, 19), потому что только человек грешный уклоняется от обличения (Сир. 32, 19). Совершенно последовательно поэтому говорит Писание: *Пусть наказывает меня праведник: это милость; пусть обличает меня: это лучший елей, который не повредит голове моей* (Пс. 140, 5).

Вразумление, наставление на путь истинный есть порицание, действующее на рассудок. И этого педагогического момента Бог не оставил без применения...

Посещение есть сильнодействующий упрек. Этой формой воспитания пользуется Господь в Евангелии. *Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе* (Мф. 23, 37). Двойным обращением выражается сила упрека. Потому что кто Бога знает, как он может преследовать служителей Божиих? *Потому, говорит Он, представляется дом ваш пуст. Ибо сказываю вам: отныне не увидите Меня, доколе не воскликните: Благословен грядый во имя Господне* (ст. 38—39). Не хотели вы принять Его любви, познакомитесь с Его всемогуществом.

Поношение есть чрезвычайно гневное обращение. Поношением, как бы неким спасительным средством, пользуется Господь...

Обвинение есть порицание творящих неправое...

В *Посещая воспитанника, педагог оказывается в ситуации психологически сложной, но благоприятной, по мысли Климента, для воспитательной работы. А между тем как часто у педагога нет ни сил, ни времени, ни желания приходить домой к своим ученикам, видеть окружающую их повседневно среду!*

Жалоба (на судьбу) есть искусно скрытое порицание, прикровенно имеется в виду обратить этим на путь спасения. Бог пользуется им у Иеремии: Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником. Горько плачет он ночью (Плач Иер. 1, 1—2).

Насмешка есть осмеивающее порицание. И этим вспомогательным средством пользуется Божественный Педагог...

Негодование есть правосудное пеняние, или выговор своевольничавшим. Воспитателем такого рода был Господь у Моисея: Но они развратились пред Ним, они не дети Его по своим порокам, род строптивый и развращенный. Сие ли воздаете вы Господу, народ глупый и несмысленный? Не Он ли Отец твой, Который усвоил тебя (Втор. 32, 5—6)? И у Исаии говорит Он: Князья твои — законпреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою; не защищают сироты (Ис. 1, 23).

ВБ *Страх перед осуждением со стороны учителя, равно как и страх перед осуждением со стороны Бога — есть, согласно христианской педагогике, одно из важнейших условий достижения любви между учителем и учеником, любви человека к Богу. Как ни парадоксально, страх есть начало пути к любви. Но страх здесь необычный. В нем не только и не столько боязнь наказания, но и опасение разочаровать наставника, быть объектом его «нелюбви», потерять духовную связь с ним, не соответствовать его идеалам, и еще многое другое, подобное перечисленному. Поэтому такой страх спасителен, он выводит душу на путь совершенствования, не позволяет ей сойти с этого пути.*

Вообще эти искусственные средства для пробуждения страха суть кладь спасения. Но посредствовать спасению есть дело существа доброго. Он *обличает и вразумляет, и поучает, и обращает, как пастырь стадо свое. Он милует принимающих вразумление и усердно обращающихся к закону...* Прекрасно не грешить, но хорошо и это, если грешник обращается; подобно тому как очень хорошо всегда здоровым быть, но прекрасно и выздоравливать после болезни. Так и устами Соломона повелевает Он: *Ты накажешь его розгою и спасешь душу его от пресподней (Притч. 23, 14).* И опять: *Не оставляй юноши без наказания; если накажешь его розгою, он не умрет (Притч. 23, 13).*

Пристыживание и упрек, как уже самое слово показывает¹², суть бичевание души, в наказание за ее грехи; они предохраняют ее от смерти, и позволивших себе вдаться в разнузданность они в чувство приводят... Если же делаешь зло, бойся (Рим. 13, 4), говорит апостол. Потому в некоторых случаях он и к общинам относится, по примеру Господа, строго. Так с

полной откровенностью и видя духовную немощь своих слушателей, пишет он к Галатам: *Неужели я сделался врагом вашим, говоря вам истину (Гал. 4, 16)?* Подобно тому как не здоровые

ДОБРОДЕТЕЛИ

МУЖЕСТВО	БЛАГОРАЗУМИЕ	ЦЕЛОМУДРИЕ	СПРАВЕДЛИВОСТЬ
Смирение, кротость, твердость, великодушие, нелицемерие, независтливость.	Терпение, добросердечность, неразражительность, негнеивливость, простота, неосуждение.	Вера, Надежда, Любовь, молитва, благоговение, желание обожения, Боговедение.	Правдолюбие, уважение чужой, свободы, сострадательность, милосердие, щедрость.

Добродетелей-то больше, чем грехов, и потому грехи побеждаются:

чревоугодие — воздержанием,
 блуд — Божественной любовью и влечением к будущему,
 сребролюбие — сострадательностью к бедным, нестяжательностью,
 гнев — добросердечием и любовью ко всем,
 печаль — духовной радостью,
 уныние — терпением, твердостью и благодарностью перед Богом,
 тщеславие — тайным деланием добродетелей и молитвенным сокрушением,
 гордость — неосуждением и неуничтожением других, почитанием себя последним...

Проходит 200 лет, и появляется необходимость в деле преобразования человека двигаться дальше. Возникает идея духовной лестницы, т.е. определенной упорядоченности и постепенности в духовном труде. Ее ступени описывает игумен Синайского монастыря Иоанн, за что и был назван Лествичником. Идея лестницы, ведущей на небо, взята из Ветхого Завета, из истории праотца 12 колен израилевых Иакова. Во время бегства своего от брата-близнеца Исава он улегся отдохнуть в Вефиле (будущем Вифлеме), положив камень под голову, и уснул. Во сне он увидел поставленную на землю лестницу, достигавшую неба, по которой спускались и поднимались ангелы Божии.

При разности стилей у Святых Отцов была одна общая посылка и аргументация, связанная с символическим прочтением Библии. (Не забудем, что в пустынь уходили образованные люди.) Вот яркий пример такого прочтения. Страницы Библии, повествующие об историческом факте побега древних иудеев из египетского плена (Исход), интерпретируются христианскими подвижниками и мудрецами как начало духовного преобразования человека. Египет и Фараон — это наша материальная (перстная) природа, на страже которой стоит военачальник страстей Амалик (потомок Ноева сына, Хама), то есть наш эгоизм. Победить его мы сможем, только если перейдем «море грехов» (Крас-

ное море) «посуху» и под предводительством духовного учителя. Иоанн Синайский тоже обращается к символике бегства иудеев из Египта. Только покинув биологическую (рабскую) почву, человек может услышать Бога в «горящей, но неопалимой купине» духа на вершине смирения, как его услышал Моисей на горе Синай в пламени несгораемого куста.

Преображение начинается с чуда — с крепкого желания человека вернуться на духовную родину, хотя путь этот узок и труден. Как мир творился словом Бога, так и Лествичник помогает подвижнику лепить новую душу с помощью «Слова». Каждое «Слово» — ступень (или «степень») восхождения — посвящено глубокому осознанию человеком внутреннего мотива того или иного своего поступка. И 1-я ступень этой лестницы — «Слово об отречении от жития мирского», в котором говорится о необходимости расставания со своей «ветхой одеждой» плотского человека, которая так крепко приросла к нам, что кажется нашей сущностью. Отречение от нее и есть «отречение от мира».

Всего в «лестнице» 30 ступеней — по годам возрастающего и взрослеющего Иисуса. В 30 лет он вошел в силу Христа и стал благовествовать. На эту высоту и приглашает подвижников Иоанн, при этом он уверен, что на нее «все могут взойти». А труд его, «Лествица», послужит на этом пути и острым скальпелем, удаляющим опухоль себялюбия, и обжигающей спиртовой примочкой на раны, и ледяным душем, отрезвляющим и дающим надежду на выздоровление. (Такую же строгость к себе, необходимую в деле самосовершенствования, в современной литературе мы встречали только у индийского философа XX в. Кришнамурти. Конечно же, он не читал Иоанна Лествичника, но совпадения поразительны. Это говорит о том, что в духовном восхождении есть общие законы, обязательные для всех, идущих по этому пути.) Иоанн не только бесстрашно обнажил скрытую борьбу человека со своим подсознанием, но и наделил его верным компасом, указывающим на цель восхождения.

Вера в свое педагогическое призвание поможет и нам отложить печаль о несовершенстве мира, быть готовыми к духовным странствиям вместе со своими подопечными, которые умеют делать больше, чем кажется на первый взгляд. Много значит в этом странствии выбор маршрута, ориентиров, «капитана», т.е. идеала, и послушание и верность ему, готовность к самодисциплине, умение бороться с вредными привычками, не трусить и не отчаиваться, помнить о дне расставания, который приходит хоть и ожидаемо, но всегда не вовремя, чтобы максимально отдать себя делу и не испортить мелочью впечатления от путешествия. Детство — хрупкий корабль, в нем все как будто прозрачно и легко, а на самом деле — серьезно и глубоко. Малая царапина может оказаться в будущем большой трещиной. Что же делать? Иметь кротость и безгневие, не помнить зла и не мстить, советует Иоанн.

имеют нужду во враче (Лк. 5, 31), поскольку они чувствуют себя хорошо, а *больные* нуждаются во врачебном искусстве: подобно этому и для нас, в жизни болеющих постыдными пожеланиями, предосудительной невоздержанностью и питанием в себе иных страстей, необходим Спаситель. Но Он пользуется не только «мягчительными целебными средствами», но и острыми. Горькие корни останавливают распространение гангренозных нарывов, подобным образом и страх спасителен, хотя и горек. Совершенно точно так же и мы — так как больны мы — нуждаемся в Спасителе; так как мы заблуждаемся, то необходим для нас путеводитель; так как слепы мы, то необходим для нас руководитель; для нас, жажущих, необходим живой источник, питье из которого жажду навеки утоляет (Иоан. 4, 13—14); так как мертвы мы, то нуждаемся в жизни; так как овцы мы, то необходим для нас пастырь; так как дети мы, то необходим для нас Педагог.

Вообще, все человечество нуждается в Иисусе, дабы, оставшись без руководства, не оказаться нам решительнейшими грешниками и не подпасть осуждению; отделенные же от сора, мы можем быть приняты в житницу Отца. Ибо *лопата в руке Господа*, которой Он отделяет от пшеницы солому, подлежащую огню (Мф. 3, 12; Лк. 3, 17). Стоит нам лишь захотеть, и высокую мудрость святейшего Пастыря и Педагога, Вседержителя и Отчего Слова (Логоса) мы можем узнать из слов, в которых образно Он называет себя пастырем овец (Иоан. 10; 11, 14)... Он говорит у Иезекииля: *И что хромо, Я обвяжу, и большое исцелю и заблудшее возвращу; и то буду Я на пастбище водить, на мою святую гору* (Иез. 34, 14—16). Таковы обетования доброго Пастыря...

Не пришел Я, чтобы пользоваться услугами, но чтобы служить (Мф. 20, 28; Мк. 10, 45). Поэтому Он изображается в Евангелии *утрудившимся* (Иоан. 4, 6), за нас труды переносящим, обещающим собственную свою жизнь *отдать для искупления многих* (Мф. 20, 28). Только такого пастыря Он признает *добрым* (Иоан. 10, 11). Следовательно, *щедролюбив Он, величайший, собственной своей жизнью за нас жертвуя. Он принес с собой людям спасение и человеколюбие, захотев быть человеком и назвавшись братом*

ВВ *Но как же часто педагога, будучи «братьями учеников по крови», хотят быть их господами! Нужно ли это? Каждый из нас ответит на этот вопрос по-своему. И в этой дискуссии слово Климента Александрийского занимает не последнее место.*

людей: хотя мог быть их Господом. До такой степени Он благ, что за нас Он даже умер.

Но и *правосудие* Его при этом взывало: «Если вы ко Мне придете, будете настроены искренне, то и Я буду расположен к вам; если же придете ко Мне с чувствами лживыми, то и Я окажусь по отношению к вам уклончивым», говорит Господь воинств. Упреки, обращенные к грешникам, на-

званы здесь «путями кривыми»; чувство же прямое и естественное символически обозначено в имени Иисуса иотою¹³... Вот причина гнева: ...знает Он, что люди из страха перед Ним обращались к Нему, перед тем презрительно относившись к Его благодати. Потому что доброе, если оно является постоянно в форме благодати, по большей части мало ценится; если же Бог к своему увещанию человеколюбиво присоединяет устрашение своим правосудием, тогда служат Ему.

Есть два вида страха. Один соединен с благоговением. Такой страх питают граждане к дельным из своих властителей; такой страх питаем мы к Богу и разумные дети — к своим отцам. Потому что *необезженный конь бывает упрямым*, — говорится, — *а сын, оставленный своей воле, делается дерзким* (Сир. 30, 8). Другой вид страха соединен с ненавистью. Такой страх питают рабы к своим суровым господам; такой страх питали евреи к Богу, считая Его властителем, а не Отцом. А различие большое, думаю, между служением Богу вынужденным и служением Ему добровольным, утверждающимся на свободном выборе; между тем и другим расстояние равно целому небу.

Но Он, милостивый, — говорится, — *прощал грех, и не истреблял их; многократно отвращал гнев Свой и не возбуждал всей ярости Своей* (Пс. 77, 38). Обращай на то внимание, как правосудный элемент у Педагога обнаруживается в порицании, а благостный — в милосердии! Потому поет Давид, или, лучше сказать, через него Дух Святой, так: *Правосудие и правота — основание престола Твоего; милость и истина предходят пред лицем Твоим* (Пс. 88, 15).

И подобно тому как человек некрасивый не может считать зеркало вещью дурной на том основании, что он видит в нем истинный свой образ; и подобно тому как врач еще не может быть считаем больным за человека злого,.. подобно этому и тот, кто порицает нас, еще не является зложелателем для больной души: Он ведь не влагает в душу грехов, а только указывает на присущие ей недостатки, чтобы отвлечь ее от таких склонностей.

Бог, следовательно, сам по себе благ; правосуден же Он из-за нас; да и правосуден-то Он потому, что благ... Он восхотел стать и Творцом мира, и Отцом. Эта-то именно любовь и проникнутые ею Его отношения к миру сделались началом и правосудия Его, который Своим солнцем возжег и Своего Сына послал¹⁴,.. вынуждая человечество к спасительному изменению расположения, потому что то правосудие было благим. Ты же не слушаешься Бога: вменияй поэтому себе самому в вину, что приближаешься к себе Судью.

Особо сказано в «Лествице» о «многоглаголании и молчании». Говорить, оказывается, можно по-разному: по существу — из тишины душевной, и от «недержания» языка, когда ум (Логос) не участвует в этом процессе. Осуждение ближнего — всегда ложь, так как не знаем мотивов его поступков. Лучше оправдать другого и осудить себя — экономнее будет для дела и души. Однако уныние, то есть лишение себя оптимизма, — смертный грех. Пессимизм (и отсюда лень) — это бессилие «безлюбости», когда уходит вера в начатое по любви дело. Победа над унынием возводит нас на 13-ю ступень: «Кто подлинно одержал эту победу, тот во всем будет искусен».

Позади остались болезни души. Впереди — борьба с телесными страстями. «Лукавым владыкой» именуется Лествичник чревоугодие, пьянство, а вместе с ними и сластолюбие, т.е. блуд. Одна из важных ступеней восхождения — целомудрие. По смыслу древних Отцов, «целомудрие» означает не частную и конкретную добродетель воздержания («девства»), а трезвение и мудрость во всем, когда человек приобретает целостность, соединяя в себе разум и веру, и хранит себя от всякого дела, слова и помышления, неугодных Богу, — хранит свой храм.

В христианстве «Храм Божий» — это человек. Огонь жизни возжег в нем Бог, а вот поддерживать его в алтаре души должен сам человек: не погасить в равнодушии и не довести до пожара страстей. Храм без алтаря — не храм, а сарай. По Иоанну, «мертвецы» — это как раз те, кто загасили духовный огонь любви в сердце, стали бесчувственными, превратились в пустую оболочку. Сколько вокруг нас ходит таких людей-«нелюдей». Их можно узнать по особой страсти к деньгам, богатству и славе и нелюбви к честному труду.

Любовь к Богу и людям всегда трудолюбива. Лествичник ссылается на Василия Великого и преподобного авву (старца) Дорофея, которые говорили, что трояким образом можем мы угодить Богу: или благоугождаем Ему, боясь муки, и тогда находимся в состоянии раба; или, ища награды, исполняем повеления Божии ради собственной пользы, и посему уподобляемся наемникам, или делаем добро ради самого добра, и тогда находимся в состоянии сына. А сыну бояться нечего, и потому духовный человек не знает страха, кроме «страха Божьего», которым древние обозначали не страх раба, а благоговение и стыд сына перед Отцом, «ибо в ком нет страха, тот или исполнен любви, или умер душою».

Позади 20-я ступень: «Восшедший на нее принял в сердце своем свет». Со светом в душе можно смело исследовать дальше глыбу айсберга духовного тщеславия, в подводной (т.е. подсознательной) части которого прячется «безумная гордость» и лукавство игры с самим собой, когда «уничтожение паче гордыни». Этот айсберг не обойти и не объехать. Или он потопит вас, и тогда ваш «Титаник» пойдет ко дну духовного поражения, или вы его

растопите, но не столько жаром активной деятельности, сколько тихой энергией кротости, простоты, незлобия, самоиронии и готовности учиться на своих ошибках.

«Узкий путь» — это выполнение заповедей Христа, объявленных им в Нагорной проповеди, путь, ведущий в Царство Небесное — в Царство радости и любви. Иоанн распускает ступени по мере выполнения подвижником заповедей Христа — заповедей блаженства. С наслаждения начинается грехопадение, жизнь и смерть. Блаженство, радость и преображение ожидают тех, кто преодолел «притяжение ветхой земли». Земля же обетованная, или Горний Иерусалим, или Царство Небесное всегда впереди — это земля духовных даров, находящаяся за «морем грехов».

Со ступени 26-й наступает преображение. И начинается оно с приобретения духовного разума, умения различать добро и зло в их истинном свете. Только с этого момента можно действительно помогать людям, так как даются подвижнику духовные дары: «восхищение ума, Христово вселение, изобилие осияния Божия, бездна разума, дом таинств, хранилище откровений (ясновидение), спасение человеков». Если Промысел Божий простирается на всех, то помощь и хранение Божие подается только верным. Милости Божией удостаиваются его соратники, а утешения Святого Духа и Благодати — любящие Его сыны. По Лествичнику, где собраны тело, душа и дух, там и Бог посреди их.

На 30-й ступени нашего «духовного альпиниста» ожидает награда: приобретение трех добродетелей — Веры, Надежды и Любви, которые и есть духовная одежда человека, обещанная в Новом Завете. Дар педагога обретается на вершине духовной лестницы. Недаром Ш.А.Амонашвили начинает свой трактат «Школа жизни» с описания именно этих качеств педагога как главных в нашей профессии.

Лествичник оставил мудрейшие советы «наставнику словесных овец», духовному пастырю и детоводителю. И первое, что бросается в глаза, это то, что педагогическое призвание приравнивается к творческому и духовному дару. Истинному педагогу, как об этом писал еще Климент Александрийский, можно и грозить, и наказывать, но делает он это всегда вовремя и в меру — так, что «овцам» все понятно, не обидно, а наоборот, стыдно за содеянный проступок.

Но самое главное в педагогической работе — это собственный пример наставника. Лествичник взывает: «Спасенный! Спасай ведомых, убиваемых страстьми. Ибо в этом состоит величайшая почесть, данная от Бога разумному созданию, и она выше всякого делания и видения смертных и бессмертных!» Потому что у Бога три ипостаси: Он и Слово, и Любовь, и ...Педагог!

Дорогие коллеги! Нам трудно сегодня работать, так как социальная среда заражена всеми смертными грехами, которые пре-

10. О том, что один и тот же Бог через посредство одного и того же Логоса и удерживает от грехов, угрожая, и спасает человечество, ободряя

Показав, что карательный элемент в воспитательном методе целесообразен и спасителен, что применение его со стороны Логоса необходимо и что он может иметь следствием изменение образа мыслей и расположений и грехи собой сдерживать, теперь мы обратим внимание и на благость Логоса, ибо что правосуден Он, это уже показано. Он зовет нас ко спасению, обращаясь к нам с особенно прекрасными к сему приглашениями; в них согласно с волей Отца Он охотно раскрывает нам частью нравственно прекрасное, частью полезное. При этом обратит внимание на следующее. Нравственно прекрасное составляет предмет речей похвальных, полезное же — предмет лишь советов.

Указывать на полезное Педагог благоволит через Соломона, говоря здесь: *к вам, люди, взываю Я, и к сынам человеческим Я обращаю голос мой. Слушайте, потому что я буду говорить важное и т.д.* (Притч. 8; 4, 6). *Советует же* Он здесь *спасительное*, потому что совет имеет целью или *поощрение к какому-либо делу*, или отклонение от него. Последнее Бог имеет в виду, когда говорит через Давида: *Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, не стоит на пути грешных, не сидит в собрании развратителей; но в законе Господа воля Его* (Пс. 1, 1).

Совет может быть тройким. Во-первых, для него берутся примеры из времен прошедших... Во-вторых, пользуются для него наблюдаемым в настоящем, тем, что как бы руками можно осязать... На основании предвидения вещей будущих слагается третий род совета, в котором Бог грозит грядущими событиями... Бог пользуется всякого рода воспитательными средствами, лишь бы призвать человечество к спасению.

Обращаясь с ободрением, Он отклоняет от грехов, с одной стороны, притупляя пожелания, с другой — *вливая надежду спасения*. Так Он говорит у Иезекииля: *Если вы обратитесь от всего сердца и скажете: Отец, то внимать вам буду как народу святому* (Иез. 18; 33). И опять говорит Он: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф. 11, 28). Всего яснее Он приглашает к доброму через Соломона в таких словах: *Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум!* (Притч. 3, 13). Потому что доброе бывает ищущим находимо и бросается оно в глаза ему (ср. Притч. 2, 4; Иер. 2, 24 и т.д.)...

У Моисея Педагог по свойственному Ему человеколюбию *обещает еще и награду* ревностно ищущим спасения, ибо Он говорит здесь: *Я введу их в землю (добрую), как я клялся отцам их* (Втор. 31, 20). И далее через Исаию говорит Он: *Я приведу на святую гору Мою, и обрадую их* (Ис. 56, 7). Есть у Него еще и другой

род воспитания — *ублажение*. *Блажен*, — говорит Он у Давида, — *который не стоит на пути грешных. И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет* (через это намекнул Он и на воскресение); *и во всем, что ни делает, успеет* (Пс. 1, 1—3). Таковыми хочет Он иметь нас, дабы мы были блаженны. И опять, указывая на другую выравнивающую чашу весов, на правосудие, говорит Он: *Не так — нечестивые (не так); но они — как прах, возметаемый ветром (с лица земли)* (Пс. 1, 4).

Указав на наказуемость греха, на летучесть и ветренность его природы, Педагог подал совет не лишать себя виной права на пользование всеми преимуществами свободного человека; а, пригрозив соответственным наказанием, Он

В Добрый человек есть свободный человек, а виноватый такую свободу теряет, пока не исправится.

обнаружил благодатную свою благость, через то весьма искусно пригласив нас вместе с тем и к открытию красоты добра в себе самих, и к разумению интереса свыкаться с ним. И к гнозису (высшей созерцательной муд-

рости и жизни) *Он зовет нас*. Указывая на награду за гнозис, Он приглашает мудрецов стремиться к ней. И даруя заблуждающемуся прощение, *Вразумись, Иерусалим, чтобы душа Моя не удалась от тебя*, — говорит Он, — *работай рукою твоею, как обиратель винограда, наполняя корзины* (Иер. 6, 8—9). Усматриваешь ли благость в правосудии, советуящем изменение расположений? И подходит Он у Иеремии к заблуждающемуся со светильником истины. *Так говорит Господь: Остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему и найдете покой душам вашим* (Иер. 6, 16). Ведет же нас Он к покаянию, желая нам спасения...

Следует нам для защиты наших положений сослаться и на философов, которые утверждают, что только доброе достохвально, а дурное достойно порицания... Люди, не поддающиеся врачеванию угрозами, порицанием и пристыживанием, приводятся к поведению надлежащему, подобно как железо огнем, молотом и наковальней; а те, которые сами собой веры держатся, те состоят как бы автодидактами¹⁵ и как мужи свободной решимости поощряются похвалой.

Ибо будучи похваляема,

Добродетель подобно дереву возрастает¹⁶...

Между тем изобретены бесчисленные другие способы *приглашения к добру и для отпугивания от зла*. *Нечестивым же нет мира*, говорит Господь (Ис. 48, 22; 57, 21). В этом смысле устами Соломона Он повелевает своим чадам обращать на себя внимание. *Сын мой! если будут склонять тебя грешники, не соглашайся. Если будут говорить: «иди с нами, сделаем засаду для убийства, подстережем непорочного без вины, живых проглотим их, как преисподняя* (Притч. 1, 10—12)...

тендуют на место образца и идеала. Педагогическая общественность уже давно бьет тревогу по этому поводу, но пока безуспешно. Не будем же ждать циркуляров из разного рода министерств, а давайте спасать наших детей от равнодушия и холода социальной среды уже сейчас — в меру нашей собственной способности нести им Веру, Надежду и Любовь. И в этом есть истинный гуманизм *христианской педагогики*, направленной на очеловечивание человека, на пробуждение в нем духовного инстинкта к подражанию своему Пробразу.

Как писал русский философ И.Ильин, «человек не может «помочь всем», но именно поэтому он любовно пытается помочь тем, кого Господь посылает ему в жизни. Всем помогать может только Бог... Но каждый из нас призван излучать лучи доброты, любви, благожелательства, сострадания и милосердия навстречу всем и всякому, кого Господь пошлет ему на земном пути. Всякий из нас призван к тому, чтобы в общении с другими людьми втайне взывать к духу их инстинкта, к их сердцу и к их живой совести; — доверять им и уважать их как бы в «кредит», пробуждая этим в них их дух, их сердце, их совесть и поднимая их в их собственных глазах, как бы внушая им «свет» и воспрещая им «тьму». И в довершение всего, молясь о них, об их духовном пробуждении и просветлении» (*Ильин И. Аксиомы религиозного опыта.* — М., 1993, с.437).

Пусть этот том Антологии поможет нам всегда быть на высоте своего *призвания*.

И.А.Бирич

От первого читателя

Передо мной редкие книги восточной патристики — литературы Отцов Церкви, созданных Климентом Александрийским и Григорием Нисским. Написанные убедительным философским языком, они несколько не устарели, хотя нас разделяет немногим меньше 2000 тыс. лет. Я нашел в этих авторах мудрых собеседников и постарался понять их внутреннее устремление раскрыть нам истину христианской веры.

В.Г.Безрогов

Во времена древнейшие Логос воспитывал через Моисея, после того — через пророков. Впрочем, и Моисей пророк. Закон его есть воспитание разнузданных детей,.. отклоняя их от грехов, обращая к исполнению заповедей, приводя к повиновению истинному Педагогу, т.е. все тому же Логосу, настаивающему на исполнении закона, ибо закон был для нас детоводителем ко Христу, как говорит Павел (Гал. 3, 24).

Отсюда ясно, что Педагогом нашим является единый истинный, благий и правосудный Иисус, Сын по образу и подобию Отца, Божественный Логос. Ему Бог Отец передал нас, подобно тому как любящий и заботливый отец вверяет своих детей благородному воспитателю. Об этом Отец ясно возвестил: *Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте* (Мф. 17, 5). Этот Божественный Педагог вполне достоверен, тремя прекраснейшими свойствами будучи украшен: знанием, благоволением и нелицеприятием: знанием, потому что Он является мудростью Отца: *Ибо Господь дает мудрость; из уст Его знание и разум* (Притч. 2, 6); нелицеприятием — потому что Он — Господь и Творец мира: *Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть* (Иоан. 1, 3); благоволением — потому что Он собой пожертвовал за нас; *пастырь добрый полагает жизнь свою за овец* (Иоан. 10, 11), и Он пожертвовал ею. Но благоволение — есть не что иное, как желание добра ближнему ради него самого¹⁸.

12. О том, что Педагог, согласно с отеческим своим образом мыслей, в отношениях к нам проявляет как строгость, так и благодать

По изложении доселе занимавшего нас предмета время было бы нашему Педагогу Иисусу нам истинную жизнь изобразить и воспитать действительно христианского человека. В самом деле,

NB *Гностики — приверженцы религиозного учения, смешивающего христианские, иудейские, эллинистические, иранские верования в единый комплекс, основой которого была идея об антагонистической борьбе света и тьмы, человека и мира, духа и материи. Логос в этой системе суровый боец, немилосердно расправляющийся со сторонниками тьмы, с заблуждающимися.*

характер Логоса вовсе не так ужасен (как рисуют его гностики), но не расплывается Логос и в благодати. Он дает заповеди, характерной же чертой их является их выполнимость.

И мне думается, это Он человека из пыли образовал, а возродил его водой, укрепил же его, дух в него вдохнув; это Он воспитал его через свое слово до сыновства; через свои святые заповеди это Он указывает человеку правый путь к спасению, сына земли через свое пришествие (на землю) преобразуя в человека святого и небесного, и таким образом особенно точно исполняя Божественное слово:

Во времена древнейшие Логос воспитывал через Моисея, после того — через пророков. Впрочем, и Моисей пророк. Закон его есть воспитание разнузданных детей,.. отклоняя их от грехов, обращая к исполнению заповедей, приводя к повиновению истинному Педагогу, т.е. все тому же Логосу, настаивающему на исполнении закона, ибо закон был для нас детоводителем ко Христу, как говорит Павел (Гал. 3, 24).

Отсюда ясно, что Педагогом нашим является единый истинный, благий и правосудный Иисус, Сын по образу и подобию Отца, Божественный Логос. Ему Бог Отец передал нас, подобно тому как любящий и заботливый отец вверяет своих детей благородному воспитателю. Об этом Отец ясно возвестил: *Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте* (Мф. 17, 5). Этот Божественный Педагог вполне достоверен, тремя прекраснейшими свойствами будучи украшен: знанием, благоволением и нелицеприятием: знанием, потому что Он является мудростью Отца: *Ибо Господь дает мудрость; из уст Его знание и разум* (Притч. 2, 6); нелицеприятием — потому что Он — Господь и Творец мира: *Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть* (Иоан. 1, 3); благоволением — потому что Он собой пожертвовал за нас: *пастырь добрый полагает жизнь свою за овец* (Иоан. 10, 11), и Он пожертвовал ею. Но благоволение — есть не что иное, как желание добра ближнему ради него самого¹².

12. О том, что Педагог, согласно с отеческим своим образом мыслей, в отношениях к нам проявляет как строгость, так и благодать

По изложении доселе занимавшего нас предмета время было бы нашему Педагогу Иисусу нам истинную жизнь изобразить и воспитать действительно христианского человека. В самом деле,

В Гностики — приверженцы религиозного учения, смешивающего христианские, иудейские, эллинистические, иранские верования в единый комплекс, основой которого была идея об антагонистической борьбе света и тьмы, человека и мира, духа и материи. Логос в этой системе суровый борец, немилосердно расправляющийся со сторонниками тьмы, заблуждающимися.

характер Логоса вовсе не так ужасен (как рисуют его гностики), но не расплывается Логос и в благодати. Он дает заповеди, характерной же чертой их является их выполнимость.

И мне думается, это Он человека из пыли образовал, а возродил его водой, укрепил же его, дух в него вдохнув; это Он воспитал его через свое слово до сыновства; через свои святые заповеди это Он указывает человеку правый путь к спасению, сына земли через свое пришествие (на землю) преобразуя в человека святого и небесного, и таким образом особенно точно исполняя Божественное слово:

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

(150 — ок. 215)

Знаменитый учитель и писатель александрийской (Египет) церкви раннего христианства. Выходец из знатного рода Титов Флавиев, он родился и получил прекрасное образование в Афинах. Долго искавший истину в эллинской философии и мистериях, объехавший всю Грецию, Восток и Палестину, Климент в 180 г. приехал в Александрию — философскую столицу мира, где скрещивались пути западной и восточной мудрости. Он стал учеником Пантена, возглавлявшего тогда огласительную¹ христианскую школу, которая, по преданию, была основана еще евангелистом Марком. Александрийская школа славилась своим высоким уровнем преподавания богословия. В 190 г. Климент становится ее главой. В процессе обучения он старался слить воедино Евангелие и культуру. Он был первым из тех, кто вывел богословие на высоту системы духовной мудрости. На исходе II в. Александрия превратилась в центр христианского эллинизма, а к концу III в. население египетской столицы было уже по преимуществу христианским. В 202—203 гг., во время гонений церкви со стороны римского императора Септимия Севера, Климент бежал в Малую Азию, в Кесарию Каппадокийскую, где через сто лет будут возрождены традиции александрийской школы богословия в трудах Отцов Церкви, входивших в Каппадокийский кружок и подготовивших почву для первых Вселенских Соборов, для принятия христианства римским миром.

ПЕДАГОГ²

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Чему, открыто наставляя в том, обещает научить Педагог

Если в (нравственном) человеке различать такие три сферы как: склонности воли, (внешние) действия и страсти, то склонности воли будут относиться к области действий увещевающего Логоса. Он учит Богочтению и, как (бы) в корабле килевой брус, определяющий собою его строение, закладывает основания в здании веры: побуждаемые Им, мы отречаемся от старых заблуждений; вследствие восприятия новых спасительных истин духовно молодеем...

NB *В этой трехчленной системе страстями названы внутренние эмоциональные порывы. Христианская педагогика всегда обращала особое внимание на помыслы человека, считая их не менее важным объектом воспитания, чем собственно поведение ученика. Логосом у Климента названо Божественное Слово — атрибут Бога.*

Он освобождает человека от рабства мирским обычаям, которыми мы до того довольствовались, и воспитывает нас для единственно возможного спасения в Божественной вере... Если же этот Логос есть в одно и то же время и целящий, и законы поставляющий, (то и то и другое) относится к Его задаче. Потому для удобства мы будем называть Его одним словом «Педагог».

NB *Воспитание стойкости по отношению к несправедливой среде являлось одним из высочайших достижений педагогики раннего христианства. Твердости первых мучеников за веру, шедших на смерть (до узаконения христианской религии в 313 г.), но не соглашавшихся вернуться к прежнему — бездуховному — образу жизни, можно сегодня позавидовать на фоне разгула страстей..*

NB *Климент усиливает значимость педагога. Для него педагог прежде всего духовный врач, а педагогика — «лечение душевное», невостребованность — «болезнь души».*

Область Педагога — практика, а не теория; не обучение, а нравственное улучшение — вот Его цель; жизнь мудреца, а не ученого Он хочет начертать перед нами. Отчасти Логос является, конечно, и учителем, но это не главная при сем Его цель. Дело Логоса как учителя состоит, собственно, в раскрытии и объяснении положений веры. Но так как Педагог наш есть практик, то прежде всего занимается Он порядками нравственной жизни.

Поэтому, с одной стороны, Он приглашает к исполнению обязанностей, сообщая наичистейшие понятия о нравственнос-

Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему (Быт. 1, 26). Христос есть воплощение этих слов Божиих¹⁹.

К другим людям имеет ближайшее отношение только выражение: *по образу*; мы же, чада благого Отца, питомцы благого Педагога, имеем волю Отца исполнять, Логосу внимать, в истинно спасительной жизни нашему Спасителю уподобляться, уже здесь на земле быть озабоченными жизнью небесной, в которой некогда обоготворимся; уже здесь на земле, обладая в жизни Христа яснейшим образом небесного бессмертия и Божественным Его стопам следуя, стараемся мы помазать себя миром²⁰, блещущим вечной радостью и распространяющим из себя чистейшее благоухание. Ему только, нашему Логосу, приличествует за тем наблюдать, — и это действитель

NB *Подражание Христу — один из очень важных принципов христианской педагогики. Он распространяется на всех — и на учителей, и на учеников. Нет грани между учеником и учителем. Праведный ученик может стать по отношению к другим учителем, а учитель есть вечный ученик.*

тельно является Его сердечным делом, — каким образом жизни людей дать здоровое направление.

Но уже на земле Он *подготавливает нас к будущей жизни*, — когда мы ни в чем не будем нуждаться, — *приученные уже здесь довольствоваться малым*; уже здесь на земле Он подготавливает нас к путешествию в небесную жизнь через заповедь об одеждах, легко препоясываемых, и о ношах, мало обременительных, ибо Он учит, что каждый из нас есть Его собственная сокровищница. *Не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф. 6, 34), — говорит Он, чем хочет сказать, что тот, кто Христу себя препоручил, должен отдаться жизни, не имеющей сложных потребностей, удовлетворяющейся лишь самой собой, проводимой день за день. Потому что не в военное время, а *во времена мирные совершается наше спасение*. Война требует сложных приготовлений, жизнь раздольная требует больших издержек; мир же и чувство, проникнутое христианской любовью, простые и довольствующиеся малым братья не нуждаются ни в каком оружии и ни в каких сложных снаряжениях. Их пищей является Логос, которому, поскольку Он — учитель и воспитатель, препоручено и воспитательное руководство нами, у которого мы *научаемся довольству и беспритязательности жизни и вообще любви к сво-*

NB *Жизнь во Христе, для Климента, есть «мир» в противоположность «войне», которую ведет душа в этом мире, Христа в себе не имеющая. С точки зрения Педагога, религиозное образование успокаивает душу, вносит в нее лад простой и упорядоченной жизни. И далее идет удивительный образ: успокаивающий учеников своих учитель есть пища для их душ. Все ли мы готовы быть «поглощаемы» нашими учениками? И все ли ученики наши могут «съесть нас», не поперхнувшись и не попав в «больницу» отстраненности от школы?*

боде, человеколюбию, благородству стремлений. Но на ком лежит обязанность уподобляться общением добродетели единственно Божественному Логосу, тот уже не может власть в беззаботность и легкомыслие. Итак, старайся и не утомляйся; ты в такой мере окрепнешь, на какую меру крепости и не надеялся, о какой не мог и мечтать.

Иное образование получает философ, иное ритор, иное атлет: подобным образом и *благородный образ жизни, плод христианского воспитания, собой обуславливает красоту желаний и стремлений.* И что в деятельности воспитано, то отличную внешность имеет и в походке, и при сидении, во время принятия пищи, во время сна, спокойствия, в порядках жизни, во всем, что относится к воспитанности. Это руководство Логоса не является чем-либо неопределенным, но *представляет собой полную упорядоченность.* Потому Логос и называется «Спасителем»; Он ведь это для людей изобрел духовные лекарства в интересах их здоровья и спасения; Он *охраняет их благобытие,* указывает на вред, на причины страстей; это Он *отсекает корни неразумных желаний, предписывает воздержание, назначает большим спасительные противоядия.* Спасение человечества — вот подлинно величайшее, истинно царственное слово Божье...

13. О том, что нравственно доброе разуму (Логосу) соответствует, грех же разуму (Логосу) противен

Все, что несогласно с здравым разумом (Логосом)²¹, все то есть грех... Если теперь непослушание разуму (Логосу) есть источник греха, то *послушание разуму (Логосу),* которое *называемы верой,* не необходимо ли есть источник так называемого соответствия обязанностям? Ибо и самая *добродетель есть* ведь не иное что, как *порожденная разумом (Логосом) гармоническая настроенность души, обнаруживающаяся во всем образе жизни;* даже и самое возвышенное, сама философия, определяется так, что она является изучением здравости разума (Логоса); отсюда обо всем греховном по необходимости нужно, значит, думать так, что оно порождается уклонением от разума (от Логоса) и по справедливости называется «заблуждением»²².

Потому о первом человеке, согрешившем и оказавшем Богу непослушание, говорится: Уподобился человек скоту (Пс. 68, 13, 21), поскольку он уклонился от разума (от Логоса)... Кто погрешает против разума (Логоса), тот, значит, лишен его (Логоса); он — неразумное животное, преданное желаниям; сидят у него на шее всякого рода похоти... Послушание же есть не что иное, как повинование заповедям. Но эти тождественны с увещаниями, имеют предметом истину, руководят к последней цели желаний, к тому, что концом называется. Наш конец есть начало жизни вечной.

ти; с другой стороны, Он указывает современному поколению на нравственные образы времен прошедших. И то и другое весьма полезно. Первым: изображением обязанностей — имеется в виду достигнуть послушания им; вторым: указанием нравственных примеров — имеется в виду усилить впечатление подобным же образом: частью поощрить к подражанию добру, частью отпугнуть от зла. В итоге, благодаря силе убедительного содержания таких примеров, получается через это также исцеление от страстей.

Педагог укрепляет душу кроткими законами, как смягчающими лекарствами, и подготавливает больных к полному выздоровлению для истины. Потому что не одно и то же ведь (духовное) здоровье и гнозис. Последний есть плод учения, первое же есть следствие целебного искусства. Никто из больных душой не может сделать интеллектуальных приобретений прежде выздоровления; и ученика учащегося, и ученика больного ведь не одним и тем же пользуются, но стараются одного возвысить до гнозиса, другого довести до выздоровления.

Как при телесной болезни требуется врач, так и душевная немощь требует Педагога, чтобы Он наши страсти укротил; только уже позднее требуется Учитель, который мог бы душу ввести в чистый гнозис, с принятием которого она в состоянии была бы проникнуть и в тайны христианского учения. Поскольку теперь Логос, будучи всесторонним другом людей и постепенно приводя их к спасению, стремится давать нам воспитание вполне совершенное, то поступает Он прекрасно и весьма хозяйственно; сначала Он состоит Увещателем, потом — Педагогом и, наконец, — Учителем.

2. О том, что Педагог из-за грехов наших имеет попечение о нас

Наш Педагог, любезные мои, подобен Богу, Своему Отцу, которому Он является Сыном... Это — исполнитель воли Отчей, Бог в видимом образе. Таков безукоризненный наш идеал; к духовному с Ним сходству считаем мы своей обязанностью из всех сил стремиться. Но Он безусловно свободен от человеческих страстей и поэтому является нашим Судьей, ибо только Он один без греха; мы же должны стремиться к ограничению своей греховности по возможности шире и полнее, доводя склонность к ней почти до ничтожества. Потому что ничего не следует добиваться с большей настойчивостью, чем освобождения себя от душевных болезней и страстей: это необходимо прежде всего. Потом остерегаться надо того, чтобы не впадать в грехи с легкостью и по привычке.

Высшей же степенью совершенства оказывается свобода от недостатков всякого рода. Это свойственно уже одному Богу. Ближайшим же к этому совершенством является не грешить

добровольно; это и свойственно мудрецу. Дальнейшая ступень совершенства состоит в том, чтобы не позволять себе недостатков добровольных; это свойственно тем, кто пользуется превосходным руководством Педагога. Низшая ступень совершенства состоит в том, чтобы не оставаться в грехе упорно. И из этого состояния возможен еще выход к спасению через изменение чувств и расположений и (через) вступление в борьбу с грехом...

Со своими советами Педагог состоит врачом по душевным нашим болезням... Врачебным искусством, по Демокриту, исцеляются телесные болезни, мудрость же освобождает душу от страстей. Наилучший же Педагог — Мудрость, Слово Отчее (Логос), Творец человека заботится о создании своих рук во

ВВ *Очень важным является тезис о предоставлении человеку не только заповедей, т.е. запретов и пожеланий, но и даров со стороны Божьей благодати. Все, что есть у человека, — родственники, имущество, знания, способности, — все это дары Бога, которыми человек обязан достойно распорядиться. Обучает его этому все тот же Педагог.*

всей его полноте и целостности; состоя главным врачом человечества, Спасителем, Он исцеляет и тело людей, и душу. *Встань*, — говорит Он к ослабленному, — *возьми посылки на коих ты лежишь и иди в дом свой* (Мк. 2, 11). И к умершему говорил Он: *Лазарь, иди вон* (Иоан. 11, 43). И умерший вышел из гробовой пещеры в таком состоянии, в каком он был до болезни.

Душу же, взятую саму по себе, исцеляет Он заповедями и благодатными дарами. С предъявлением ей заповедей Он даже и не особенно торопится, благодать же на нее (тотчас) изливает в изобилии. *«Прощаются тебе грехи»* (Мф. 9, 5; Мк. 2, 5), — говорит Он, обращаясь к нам, грешникам.

Согласно с Его домостроительством, мы состоим чадами Его

ВВ *В христианской педагогике человека рассматривают как почетного, даже главного жителя устроенной Богом вселенной. Как все в доме должно быть ради ребенка, ради будущего счастливой семьи, так и во всем мире главное внимание Бога — это люди, их воспитание. Поэтому рядом с каждым земным учителем есть высокий соратник — Логос Бога, т.е. Сам Бог.*

и между делами Его творческого всемогущества занимаем место почетнейшее и безопаснейшее. Творческой Его силой творится ведь и здание сего мира, и небесный свод, и диск солнечный; потом занята Она путями и прочих звезд из-за человека; далее же промышляет Она и о самом человеке, на которого усердие Ее обращено полной мерой; его считает Она за величайшее свое дело; его душу Она образовала по правилам разума и мудрости, а тело — по закону красоты и соразмерности. Следя за действиями человечества и правильностью их, Она вдохнула в него и Свое собственное начало благоупорядоченности.

Всецелое проникновение страхом Божиим осуществляет легальные обязанности на деле совершеннейшим образом, из мотивов нравственных. Это и вполне естественно, чтобы обязанности свои христианин исполнял не на словах, а на деле, ибо и образ мыслей душе христианской свойствен только один, деятельный. Деятельность же ее есть деятельность разумная, не отличающаяся от деятельности здоровой. Она состоит во всесторонне развитой рассудительности и в деятельности, способствующей достижению истины, осуществляемой при посредстве тела, принимаемого ею в союз с собой и при его содействующем участии...

Жизнь, до какой нас воспитывает христианство, есть стройная совокупность (система) действий, проникнутых разумом (Логосом)... Но и самые заповеди Господни представляют из себя ту же стройную совокупность. Имея вид изречений Господа, напоминаний Духа Божественного, они были записаны нам в назидание; и исполнение их как для нас, так и для наших ближних вполне обязательно. Будучи сохранены людьми, слова те обращены к людям же, подобно тому как отбитый мяч снова возвращается к играющему им.

Оттого *учение об обязанностях есть* необходимая составная часть Божественного воспитания; учение о них открыто нам самим Богом и нам предложено к исполнению как дело спасительное. И подобно тому как из предметов первой необходимости одни имеют соотношение с этой временной жизнью, обращение же с другими способствует окрылению, одушевлению для жизни блаженной: точно так же и из обязанностей исполнение одних имеет значение для жизни вообще, исполнение же других для жизни совершенной. Законы, и для жизни язычника имеющие значение, общеизвестны; а что к совершенной жизни относится, то из нее некогда разовьется жизнь на небе.

В *С 9-го по 13 главы Климент развернул перед нами педагогические методы духовного воздействия на тех, кто захотел вернуться к своему Образу и Подобию. Веер их разнообразен, но держится на одном корне — безусловном авторитете учителя, основанном на любви. Если суровые методы еще могут провоцировать страх в ученике, то поощрительные приносят духовные плоды любящим прежде всего учителя, а не себя.*

КНИГА ВТОРАЯ

2. Как должно вести себя в отношении питья

Употребляй немного вина, ради желудка твоего (1 Тим. 5, 23), советует апостол своему ученику Тимофею, пившему одну воду. Весьма целесообразно человеку больному и сырому рекомендует он употребление средства, содействующего компактности организма. Но при этом апостол советует пользоваться им умеренно, *немного*, давая понять этим, что употребление средства этого в дозе большей потребовало бы само для себя лекарства...

Достаточно, если безусловно будут воздерживаться от этого врачебного средства молодые люди обоего пола. Не годится к пылу юности присоединять жар еще горячительнейшей из всех жидкостей, т.е. вина: это значило бы к огню присоединять еще огонь. От такого смешения вспыхивают грубые и дикие пожелания и пламенные страсти, возникает горячность нрава. Молодые люди, внутренне разжигаемые, потом особенно склоняются к чувственности, так что губительное влияние вина открывается уже на их теле. Члены плотского вожделения созревают ранее, чем это необходимо; разжигаемые вином, эти люди становятся еще страстнее; груди и половые части припухают и начинают представлять собой картину уже распутства: рана душевная переносит пожар и на тело: бесстыдные движения ищут удовлетворения, людей, до того времени бывших добронормальными, склоняя к беззаконности; виноградный сок юности начинает литься через край стыдливости. Вот поэтому-то и нужно стараться всеми возможными средствами зарождающиеся страсти молодых людей заглушать, удаляя от них пламя этого огня, грозящего вакхическими опасностями, и вводя в них элементы, которыми жар уже курящейся их души охлаждался бы, пригкок соков к их половым частям которыми задерживался бы, и огонь страстей, уже начинающих в них возгораться, которыми был бы погашаем...

Вообще, особенно при размышлении о вещах божественных, пристойно не отягощать себя вином. «Вино, водой не разбавленное, не очень-то способствует размышлению», говорит (античный — *сост.*) комик, о том же, что оно всю мудрость заглушает и ниспровергает, я уже умалчиваю. Впрочем, вечером за ужином можно употреблять немного вина, если только мы не намерены тогда бываем заниматься чтением, которое высшей трезвости требует. Воздух тогда становится холоднее, чем во время дня, так что при ослаблении внутренней теплоты приходится ее поддерживать введением в организм тепла постороннего и извне. Но даже и в это время следует пользоваться вином умеренно; не должно и в это время доходить до разнузданного употребления для смешения вина целых чаш. ...Нрав людей, снаружи еще добрых, а внутренне уже испорченных, под влиянием вина обнаруживается во всей своей наготы; при разнузданной вольности речей за попойкой одежда лицемерия отлагается, рассудок

спать ложится, ...охмелением души стесняем и в своих отправлениях затрудняем; просыпаются необычные страсти и при изнеможенном состоянии духа утверждают свою власть над ним.

Людям уже старым для возбуждения энергии, ослабленной годами, и восстановления истощающихся сил можно позволять употребление вина в дозах и несколько больших. Уже охладевшую свою природу, потухающий пламень своего возраста, не опасаясь особенного вреда для себя, они могут возбуждать кровью виноградной лозы. У старцев, обыкновенно, уже не вспыхивает пламенных страстей; нечего им больше бояться кораблекрушений от опьянения. Твердо стоя на якорях разума и опытности, без особенных усилий они выдерживают бури страстей, возбуждаемые и освобождаемые от оков опьянением. Позволительно им занимать других за столом и более веселыми шутками. Но и для них в употреблении вина есть границы, определяемые скромностью и приличием: мышление должно при этом у них оставаться незабываемым, воспоминание свежим, тело под тяжестью вина не должно спотыкаться и колебаться; люди, в таких вещах сведущие, называют подобных людей порядочно зарядившимися. В самом деле, чем падать, не лучше ли будет не доводить себя до падения?..

Метко поэтому слово Священного Писания: *Отрада сердцу и утешение душе — вино, умеренно употребляемое вовремя* (Сир. 31, 31, 33).

6. О неблагопристойности в речах

От неблагопристойных речей мы не только сами должны воздерживаться, но строгостью своего взгляда, отворачиванием головы, так называемым морщением носа, а часто и жестким словом намордник набрасывать на уста и тем, кто вдается в такие речи. Ибо *исходящее из уст*, говорится, — *из сердца исходит* (Мф. 15, 18), обнаруживает в нем человека толпы или пошлого, язычника, невоспитанного, бесстыдного, а отнюдь не благородного, отличным образом благоприличного и мудрого.

Слушанию вещей неприличных и их рассматриванию — так как и то и другое равнозначает — Божественный Педагог для чад своих, о том заботящихся, как бы свой слух не оскорбить чем-нибудь, так сказать, в качестве плетня для ушей противопоставил речи мудрые, дабы зараза разговоров нецеломудренных не коснулась их и не поразила их души. И очи их обращает Он на созерцание (истины) прекрасного; лучше, говорит Он, ногами спотыкаться, нежели языком.

Отклоняя от этих непристойных речей, апостол говорит: *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе* (Еф. 4, 29). И опять: *А блуд и всякая нечистота и любостыжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым* (Еф. 5, 3). Если называющий своего брата «безумным» *подлежит геенне огненной* (Мф. 5, 22), то что сказать о пустословящем? Не имеем

ли мы и на этот счет изречений Священного Писания? *За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда* (Мф. 12, 36). И опять: *От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься* (Мф. 12, 37). Что же это теперь за спасительные для уха плетни и какие это воспитательные средства для очей скользких? Это общение с праведными. Здесь уши наши могут быть замкнуты и ограждены от покушающихся на отклонение нас от истины.

«Худыми сообществами развращаются добрые нравы» (1 Кор. 15, 33), говорит одно стихотворное изречение, и в смысле высшем апостол: *Отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру* (Рим. 12, 9). Кто со святыми обращается, тот освящается. Точно так же должно избегать слушания постыдных толков, рассказов и зрелищ. А еще полнее должны мы охранять себя от неблагопристойных действий, будет ли это в оставлении без прикрытия и обнажении некоторых частей тела, или же при воззрении на такие сокровенные части...

Не менее ревниво мы должны охранять себя от прилипания к нам речей неблагопристойных и со стороны; слух верующих во Христа должен быть защищен и от этого. Мне кажется, что именно в этом смысле Педагог запретил нам и слушать что-либо непристойное, нас охраняя от большей разнузданности... Удивительно поэтому старание, с каким Педагог борется против наших пороков и как Он заботится и об исторжении их. Заповедь: *Не прелюбодействуй* (Исх. 20, 14, 17) Он предупреждает и усиливает через такую: *Не пожелай* (Мф. 4, 28), ибо прелюбодеяние есть плод пожелания, сего корня негодного.

В согласии с этим Педагог запрещает распушенность в под-
держании нашего взаимного общения и через простой разговор;

В *Как дисциплинировать речь педагогов, сохранив и приумножив богатство русского языка? У каждого свой ответ. Но в любом случае речь наставника — огромный фактор в социализации индивида.*

этим запрещением пролагает Он как бы просеку между общением с добрыми и общением с разнузданностью. Быть в словах неразборчивым — это значит питать в себе склонность к нарушению благопристойности и в делах; соблюдать же и в выражениях мудрую ограниченность — это значит укреплять себя против желаний.

Ни в словах, которыми в нас нравственный стыд вызывается за некоторые органы, ни в самих этих частях тела, ни в половом сочетании брачной четы, что все обозначается через выражения, употреблением нимало и не опошленные, нет ничего такого, чем обозначилось бы в собственном смысле неприличное. Колено, икры (голенный мускул) и подобные члены не представляют собой чего-либо неприличного ни по наименованиям своим, ни по деятельности; половые же части человека составляют предмет стыда, а не позора. Непристойно, достойно стыда и срама и потому достойно наказания только противозаконное приведение в

действие; потому что истинно непристоен лишь грех и его дела. Соответственно этому под речами небагопристойными в собственном смысле можно разуметь говорение лишь о вещах греховных, например о любодееании, педерастии и т.п. Однако же нужно и праздно болтовни избегать. *При многословии, говорится, не миновать греха* (Притч. 10, 19). Разнузданность языка сама на себя потому навлекает наказание, что *иной молчит и оказывается мудрым; а иной бывает ненавистным за многую болтливость* (Сир. 20, 5). Да пустослов и сам себе бывает ненавистен: *Многоречивый опротивеет* (Сир. 20, 8).

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. Об истинной красоте

Прекраснейшей и важнейшей из всех наук несомненно является самопознание. Потому что кто сам себя знает, тот дойдет до

NB *Сам учитель есть инструмент для воспитания и обучения, который находится в его собственных руках как лекаря человеческих душ. Поэтому трудно представить учителя без самопознания. Как можно учить детей, не зная себя? Себя же через анализ прошлого своего опыта, через обсуждение с собой всей своей прошлой жизни мы можем совершенствовать и улучшать. Также и детей в классе очень полезно обучать самопознанию, рефлексии по поводу дел и помыслов. Только изучающий себя способен к подлинному, а не внешнему исправлению себя. Научение же исправлению себя, самосовершенствованию — что может быть более высокой для педагога целью?!*

познания и Бога; а кто увидит Его, как Он есть (1 Иоан. 3, 2), тот будет стараться Ему уподобиться; но это уподобление Богу состоит не в наложении на себя золотых украшений и не в пошении развевающихся одежд, а в добродетели и в сокращении до минимума своих потребностей. Лишь Бог один не имеет никаких потребностей, и это Ему радость доставляет, если Он видит нашу душу блистающей красотой познания, а наше тело облеченным в священную одежду умеренности.

Душе свойственны три силы: способность познавательная, называемая разумом: это — внутренний наш человек, господствующий над миром явлений, внешнему человеку повелевающий и составляющий предмет особого промышления Божия. Вторую часть души составляет та, которой гнев приписывается: это — сила животная, сосед диких желаний. Третья сила — это способность желательная; она многообразнее, чем Протей, — этот разные виды на себя принимающий морской дух, на всевозможные вещи готовый: на кокет-

ство, страстность и обольщение...

Заботливость о туалете легко приводит к распущенности нрава. Страсти разливаются, возгораются желания, красота блекнет; быстрее, чем лист опадает на землю, утрачивается она, если дуют

на нее бури диких чувственных желаний; и еще прежде наступления осени человек слабеет и умирает.

Желание бывает всем, принимает оно все виды и впадает в лживость, чтобы прикрыться от людей (т.е. скрыть от них истинные свои цели); человек же, в котором живет Логос, не прибегает к хитрым прикрасам, не принимает на себя разного рода видов: он носит на себе образ Логоса; он Богу уподобляется; он прекрасен, хотя и не красуется; он представляет собой истинную красоту; он — Бог; Богом такой человек становится, потому что этого хочет Бог.

Правильно поэту выражается Гераклит: «Люди — боги. Боги — люди». Особенно Логос представляет собой очевидное это таинство; Он есть Бог вочеловечившийся и человек обоженный; в качестве посредника Он исполняет волю Отца (Иоан. 4, 34); потому что, принадлежа к двум царствам, Он является между ними посредником; Он — Сын Божий и Спаситель людей; Божий слуга Он, а для нас — Педагог. И поскольку телесность представляет собой нечто рабское, как свидетельствует об этом св. Павел, то прилично ли об украшении рабыни заботиться подобно какому-нибудь продавцу невольников? Что именно плоть разумеется у апостола под образом рабыни, ясно из говорящего им о Господе: *уничижил Себя Самого, приняв образ раба* (Фил. 2, 7). Апостол называет внешнего человека рабом, имея в виду время, предшествовавшее принятию Господом вида рабского и плоти, (когда мы были рабами). Но Господь по Своему к нам милосердию сделал нашу плоть свободной. Освобождая плоть от порчи и из горького рабства, в которое она впала, Он облек ее одеждой нетления, наложил на нее украшение священное и небесное, это — бессмертие.

Есть еще другая сторона в человеческой красоте, это — христианская любовь. *Любовь*, по апостолу, *долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится* (1 Кор. 13, 4). Искусство наведения красоты (у перс. туалетное искусство. — *Ред.*) является суетным бахвальством; оно есть нечто натянутое и бесполезное; потому и прибавляет апостол: *Любовь не ведет себя неприлично*. А неприлично является все несогласное с истинным положением дела; неприлично поведение, отызывающее неестественность. Украшение есть нечто постороннее, к делу не относящееся; апостол это ясно выражает словами: *Любовь не ищет того, что ей не принадлежит* (1 Кор. 13, 5).

Ее подлинная собственность, думает он, есть истина; к нарядам же страсть добивается неких вещей, истине чуждых, — того, что вне Бога, вне Логоса и христианской любви. А что сам Господь имел вид вовсе не прекрасный, говорит о сем Дух Святой устами пророка Исаии: *мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми* (Ис. 53, 2—3). Кто захочет стать выше Господа? Не внешней кра-

сотою плоти блистал Он, а истинной красотой души и тела: красотой души в благотворениях, красотой тела в бессмертии плоти.

8. О том, что главная сила истинного и здравого учения в образцах и примерах

Если кто-нибудь из вас от роскоши совершенно откажется и будет вести простой образ жизни, то научится он легче переносить и невольные затруднения, потому что добровольные труды для него сделаются постоянной школой упражнений, подготавливающей его к перенесению ударов судьбы; и если бы кто оказался в нужде среди различных ужасов и печальных обстоятельств, то они уже не будут для него неожиданностью. Потому-то нам и сказано, что своим отечеством мы не должны считать эту землю: земными благами мы должны пренебрегать. Простота образа жизни есть благо надежнее и действительнее из всех благ; это — неисчерпаемая касса, из которой выданы производятся только для удовлетворения крайних нужд и по мере потребности.

ВВ *Весь мир есть Дом Божий. Люди в нем — домочадцы. Поэтому воспитание их — есть обустройство дома, порядка жизни в нем, «домостроительство», ведущее детей Божьих к спасению. На этом пути, говорит Климент, очень важны примеры.*

О добром воспитательном методе мы должны еще кое-что сказать в форме дополнительного эскиза в чертанной нами картине христианской жизни... Немаловажное значение в домостроительстве нашего спасения имеют примеры.

Если кто хочет высказать порицание жаркому занесиванию преступной склонности у чужих жен, тот будет иметь образец воздержанности от вожделений в верной любви жены Улисса к своему мужу²³. Лакедемоняне²⁴ принуждали своих рабов напиваться и, указывая на них детям, пользовались их колобродством в пьяном виде как некоторого рода врачеванием от этого порока и поощрением к воздержанной жизни... оно становилось для детей предостережением, останавливавшим их от впадения в подобное позорное состояние...

Одни из людей и поныне достигают спасения при помощи людей же, другие стремятся к добродетели и упражняются в ней самоучками. — «Нет того лучше, кто сам собой достиг разумения». — Таков Авраам, Бога искавший. — «Но благороден и тот, кто мудрое слово слушает». — Это ученики, слушающиеся Логоса. Из-за этого один *другом* назван (Иак. 2, 23), другие *апостолами*; одного и того же Бога один ищет трудом, другой о Нем проповедует; и тот и другой относятся к народу (Божию); и слушатели обоих (стопам их следующие): один осчастлививается исканием, другой находит свое блаженство в обретении...

Но наш Педагог, Друг людей, разнообразными образами приходит к людям на помощь, за одно их хваля, за другое порицая. На чужих падениях Он указывает нам, готовым ласть, позор оных; когда мы готовы совершить преступление, в качестве проводника и руководителя нашей души Он указывает нам на следующее затем наказание, любвеобильно стараясь произвести в нас отвращение к грехам указанием на людей, ранее за них наказанных. Такими примерами Он отклоняет одних от их злых расположений, других удерживает от подобных начинаний; третьих укрепляет в терпении, а некоторых исцеляет этой аналогичной теорией и доводит до улучшения...

Есть много подобных образцов, представленных Божественной мудростью перед нашим взором. Хочу я об одном из таких примеров упомянуть и вкратце его изложить... Жители Содома, в своей извращенности предавшись страстям чрезвычайным, под влиянием своей одичалости сделались бесстыдными искателями у чужих жен склонности, растлителями мальчиков. Всевидящий Логос, от которого никакое греховное дело не остается сокрытым, усмотрел это и, будучи недремлющим Стражем человечества, не отнесся спокойно к их непотребству. Чтобы удержать нас от подражания им, чтобы воспитать нас до мудрости Своей жизни, чтобы дать некоторым грешникам веское предостережение, чтобы из-за безнаказанности беспутства не допустить усиления роста его до бесстыдства, решил Он уничтожение Содома огнем (Быт. 19). Лишь немного из того наставительного пламени²⁵ излил Он на преступление содомитян, дабы страстность не осталась ненаказанной и чтобы ее врата не отворились слишком широко для рабов сладострастия.

Правосудное наказание содомитян, следовательно, служит для людей примером, внимание к которому ведет к спасению. Потому что кто подобным грехам не предается, за которые эти были наказаны, того никогда не постигнет и наказание, какое постигло этих грешников; кто избегает греха, тот избегает и несчастья.

11. Краткий очерк наилучшего (идеального) образа жизни

...Педагог, как мы выше сказали, позволяет нам надевать на себя простые одежды белого цвета, желая, чтобы между нами были в ходу не пестрящие произведения искусства, а простые, естественные. С помощью этого он заповедует нам от всего лживого и поддельного отказываться и стремиться только к простой и прямой истине... Как солдат, матрос, чиновник, так и мудрец, все они одеваются в одежды, лишь им свойственные, — не франтовские, а приличные и чистые.

Подобно тому как знаки, имеющие близкое соотношение с областью причин, указывают своей наличностью на нечто,

или, лучше сказать, доказывают собой существующее действие, как, например, дым свидетельствует об огне, хороший цвет лица и пульс — о здоровье: подобно этому белизна одежд свидетельствует о состоянии нравов между нами. Чистота и простота суть свойства мудрой умеренности; чистота ведь есть состояние, представляемое чистой и не запятнанной ничем постыдным жизнью, а простота есть состояние, отказывающееся от всего излишнего... Одежда должна и возрасту соответствовать, физиономии, фигуре, росту, жизненному призванию. Св. апостол столь прекрасно советует нам: *Но облекитесь в Господа (нашего) Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти* (Рим. 13, 14)...

Логос (разум) позволяет нам носить золотое кольцо на пальце, но не для украшения, а для наложения им в доме в хозяйственной заботливости печатей на то, что требует охраны. Конечно, если бы все люди были добрыми питомцами (Логоса), тогда не нужно было бы никаких печатей; были бы тогда одинаково добросовестны все: и господа, и слуги; но так как вследствие невежества и дурной воспитанности у людей часто развиваются склонности к дурному, то употребляем мы печати.

Впрочем, эту строгость должно немного ограничивать. Женам, живущим в достаточной брачной обстановке, иногда можно и снисхождение оказывать и позволять наряжаться с целью нравиться мужу. Но пределом их желаний при этом должно оставаться именно желание нравиться только своему мужу. С личным же моим вкусом несогласно, когда женщины много хлопочут об украшении своего тела; лучше пусть они очаровывают своих мужей искренней любовью, этим действительнейшим и столь естественным волшебным средством. Однако же, так как многие мужья о своей душе заботятся мало, то задача женщин, если они желают быть честными их женами, укрощать неразумные страсти и пожелания своих мужей, постепенно обращать их к простоте, приучать к несложным потребностям и к умеренности. Значение жизни состоит ведь не в обладании грубыми материальными благами, а в очищении себя от излишнего.

Подобно подрезанию перьев маховых крыльев должно подрезать, следовательно, и затей жен, отзывающие роскошью; они доставляют им преходящее удовольствие и суетную радость, а между тем, увлекаясь и занятые ими, они часто из клетки брака улетают. Поэтому жены, хотя и могут в надлежащее время наряжаться, но должны при этом в границах оставаться, руководствуясь чувством приличия, дабы через спесь от истины не уклониться. Но надлежит также, чтобы и мужья доверяли своим женам и все домохозяйство им предоставляли, поскольку они и даны им именно для той цели, чтобы быть помощницами в этом деле...

Обремененные золотом жены, кажется, страшатся, что сочтут их за рабынь, если они снимут с себя золото, оставшись без ук-

рашений. Но благородным чувством истины, пробой которому являются прекрасные душевные свойства, рабское клеймо раба усматривается не в покупаемости и продаваемости кого-либо, а в душевных расположениях. Нам же следует не казаться только свободными, но состоять такими на деле; в качестве питомцев Божиих мы являемся и усыновленными чадами Божиими. Оттого при стоянии, в движениях, в походке, в костюме, короче, во всей жизни, следует нам нечто такое соблюдать, что прилично лишь совершенно свободному человеку...

Касательно волос нужно соблюдать следующее. Волосы на голове мужчинам следует носить коротко остриженными, за исключением случая, если они были бы курчавыми; на подбородке же должна быть отпускаема борода. Будучи причесаны, волосы не должны слишком спускаться с головы на манер женских локонов; для мужчин достаточно бороды. А если кто бороду подстригает, то не следует, по крайней мере, совершенно ее до гладкости состригать; мужчине сообщается этим вид отвратительный, и состригание бороды даже до кожи собой напоминает выщипывание и выглаживание... Бороду, которая никаким образом не может беспокоить, нужно без малого цельной оставлять; она сообщает лицу достопочтенность и некоторого рода отеческую авторитетность. Многие бывают удерживаемы от греха и внешним видом своим...

Голова остриженная посему не только пристойна человеку нравственно серьезному, но предупреждаются тем несколько и головные боли, ибо голова тогда и к холоду, и к жаре привыкает; и другого рода вредные влияния влажности от нее устраняются, которые длинными волосами как будто губкой какой вбираются в себя и передаются мозгу.

Для жен же достаточно волосы слегка причесывать и сдерживать косу на затылке какой-нибудь простой и дешевой булавкой; и при простой прическе длинные волосы для жены разумной служат истинным украшением. Завиванием же волос в пукли на манер, как это делается у гетер²⁶, и распусканием их по плечам локонами и плетками лицо бывает безобразно; для составления этих искусственных косичек срезаются и выщипываются волосы; из страха прическу испортить такие женщины не смеют дотронуться до своей головы; из-за заботы как бы, забывшись, не сбить своей прически, они не осмеливаются даже спать спокойно. Накладывание же чужих волос на голову совершенно должно быть остановлено; украшать свою голову волосами другого, накладывать на нее мертвые косы поистине нечестиво; потому что на кого же пресвитер тогда возложит руку; кого благословит он?..

Тот же самый мотив запрещает нам и высший возраст с его достопочтенностью скрывать; следует это даруемое Богом украшение являть, особенно для молодого поколения, в качестве предмета почтения во всем блеске. Потому что иногда появление седой головы действует на разнузданных равносильно появле-

нию педагога и блеском седой головы юношеские пожелания бывают сдерживаемы.

И лиц своих женщины не должны пачкать вводящими в обман средствами обольстительного искусства, украшаться же должны красотой жены мудрой. Нечто весьма прекрасное представляет из себя, о чем я уже часто упоминал, первое всего красота душевная, когда душа бывает украшена Святым Духом, а жена — если блистает исходящим от Него светом праведности, рассудительности, великодушия, умеренности, любви к добру и стыдливостью; никакая из вешественных красок не может уподобиться красоте этих свойств. И уже только потом должно заботиться и о телесной своей красоте, о соразмерности одежды и обуви своим членам и частям тела, а равным образом и о цвете волос...

Телесная красота в крайне значительной мере обуславливается правильным соблюдением меры в еде и питье. Это способствует не только здоровью тела, но через него начинает тогда просвечивать и красота, как бы какая лучезарная. Из огненподобных элементов пищи развиваются свет и блеск, из водянистых — мерцание и мягкость, из сухих — крепость и плотность, из воздушных — легкость дыхания и равновесие соков. Но это — составные части, из которых слагается стройный и прекрасный образ Логоса. Красота есть благородный цвет здоровья; здоровье действует внутри тела и производит то, что на поверхности тела кожа цветет прекрасными красками.

NB Существует иной вариант перевода этой фразы: «...внутри тела; а красота производит...» (далее по тексту). Кажется, мелочь, но важная: один переводчик считал, что все от здоровья; другой — что красота, хотя и зависит от здоровья, но отчасти самостоятельна... Так или иначе, «педагогика красоты» Климента затрагивает повседневность каждого из нас.

полняя украшающим искусством человеческим Божие художественное творение... Самодетельность жен сообщает им истинную красоту; они упражняют свое тело ручными работами и сами готовят себе все, в чем нуждаются... Гражданки Божественного царства должны показываться в обществе в материях, купленных не на рынке, а дома сработанных и украшенных искусством их собственных рук.

Нечто чрезвычайно прекрасное представляет собой деятельная домохозяйка; она одевает в одежды своей работы и самую себя, и мужа. Все около нее дышит радостью: дети радуются, на мать глядя, муж — на жену, она сама, смотря на них,

все вместе о Боге думая; короче говоря: *Уста свои открывает с мудростию, и кроткое наставление на языке ее. Она наблюдает за хозяйством в доме своем, и не ест хлеба праздности. Встают дети — и ублажают ее, — муж, и хвалит ее: «Много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их». Миловидность обманчива и красота суетна*, говорит Божественный Логос устами Соломона (Притч. 31, 26—30). *Жена, боящаяся Господа, достойна хвалы. И опять: Добродетельная жена — венец для мужа своего* (Притч. 12, 4).

Вполне благоупорядочен далее весь внешний вид ее, взор; походка и голос, — не как у некоторых женщин, которые нечто театральное в себе имеют, ломанные движения танцоров принимают, при разговоре действуют подобно сценическим артисткам, подражая им в сладострастности своих движений, в плавности своей походки, в вычурности своего голоса, в обольщении маслянистостью своих глаз. *Ибо мед источают уста чуждой жены, и мягче ея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый; ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней* (Притч. 5, 3—5)...

Далее, нам должно быть чуждо всякого рода неприличие в походке. Важностью и медленностью должна отличаться она, но не быть при этом и вразвалку. Не следует выступать на путях павлином; не следует с откинутым назад затылком осматривать встречающихся, если бы кто-либо из них обратил на него свое внимание; это неистовство — самодовольно расхаживать по улицам как бы по сцене, так, что люди на него пальцами указывают. Не следует также, если в тесноте кто-нибудь будет столкнут с тротуара, снова стремиться занять на нем место при помощи слуг, как делают это господа изящные и разборчивые, желающие казаться энергичными, на самом же деле оказывающиеся женоподобными. Муж благородный ни в чем не должен обнаруживать признаков женственной изнеженности, ни в лице, ни другой какой-либо части тела. Следовательно, ни в движениях его, ни вообще во всей манере держать себя не должно быть ничего такого, что с достоинством мужчины было бы неогласимо.

Человек здравомыслящий и со своей прислугой не должен обращаться, как с подъяремным скотом. Петр хотя и заповедует слугам *со всяким страхом повиноваться господам, не только добрым и кротким, но и суровым* (1 Петр. 2, 18), но, с другой стороны, и господам приличествует ровность, терпеливость и дружелюбность. *Наконец, продолжает Петр, будьте единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосердны, дружелюбны, смиренномудры и т.д., чтобы наследовать благословение* некоторого прекрасного и достолюбезного (1 Петр. 3, 8—9)...

И мужчины не должны по ширюльням, кабакам и трактирам слоняться, пустословя с ничтожными личностями, западни измышляя женщинам и для возбуждения смеха тысячи непристой-

NB Для усиления риторического эффекта Климент дважды упоминает одну и ту же игру. Повторением запрета мы делаем его крепче.

ных вещей злоречиво о ближних рассказывая. И игра шестисторонними кубиками нам недозволительна, а также и игральными костями, каковым играм многие столь усердно предаются ради корысти. Такие безрассудные удовольствия свойственны лишь праздношатающейся лени; причиной их — ничегонеделание. Эти суетные вещи, не имеющие простоты и естественности, также изобретает нечистая любовь, которую те люди поддерживают и питают в себе. Но не следует радовать сердце удовольствиями, от которых можно получить вред. Внешний образ жизни у всех людей служит выражением их внутренних расположений. Но, что и естественно, общение только с людьми добрыми может сопровождаться пользой для нас; обращающиеся же с людьми дурными скоро сами становятся такими.

Божественная премудрость Педагога называет через Моисея общение с людьми дурными свинством, почему она и запретила древнему народу употребление свинины в пищу (Лев. 9, 7; Втор. 14, 8), показывая этим, что для признающих Бога недозволительно вращаться между людьми нечестивыми, которые, подобно свиньям, предаются плотским желаниям, принимают нечистые, страсти питающие кушанья и, возбуждая чувственный зуд, со злой радостью предаются служению Афродите. Но и употребление в пищу ястребов и быстрокрылых птиц плотоядных (хищных) и орлов запрещает Педагог (Лев. 11, 13; Втор. 4, 12). Не касаясь того, говорится, что хищностью свою жизнь поддерживает...

Наш Божественный Педагог, далее, не велит нам и на зрелища ходить... Воспрещенными для себя поэтому должны считать мы публичные зрелища и представления с их вздорным кривлянием и пустословием. Потому что каких только грязных деяний на этих сценах не представляется; каких только бесстыдных слов здесь скоморохи не произносят! Но кто в этих пошлостях находит удовольствие, тот приносит образы их с собой и домой. Те же, напротив, кто не соприкасается с чародейством этого рода и душевный мир кого остается не затронутым ими, не могут и в легкомысленные удовольствия вдаваться. Но даже и в том случае, если бы кто такие зрелища считал за шуточные, за устраиваемые для развеселения духа, я утверждаю, что немного же ума у заправил тех городов, где обеспокоены, как бы делом каким важным, забавами. Они питают собой честолюбие безрассудное, силы же здесь расходуются бессмысленно. Но и волнения, и возмущения на этих зрелищах вовсе не шутка и не развлечение. Тем более не следует устраивать такие удовольствия другим по побуждениям суетности²⁷.

Человек разумный никогда не предпочтет приятного доброму. Но говорят: «Не всем же быть философами». Неужели?

NB *Здесь Климент опять разводит гностиков (имеющих знания о мире) и истинных философов (по-гречески, «любящих мудрость»), утверждая, что мудрость, опирающаяся на веру и интуицию, гораздо быстрее приведет к любви, чем наука.*

А разве не все мы стремимся к вечной жизни? Что скажешь ты на это? Зачем же ты и веру принял? Можешь ли Бога любить и ближнего, не философствуя? «Да я и читать-то не умею», — быть может, скажет кто-нибудь. Если читать не умеешь, чем ты защитишься, если не слушаешь? Слушанию ведь не нужно учиться. Впрочем, вера во все и не есть достояние мудрых сего мира (1 Кор. 1, 26—27), а мудрых в

Боге. Бога и не зная грамоты можно познавать: свиток, содержащий положения этой веры и обращенный к людям, хотя и к простым и несведущим, есть однако же Божественный; это — Божественное самосвидетельство, именуемое Божественной любовью, это — книга печати духовной.

Но можно быть слушателем Божественной мудрости и вместе своему гражданскому положению соответствовать; ничто ведь не препятствует и дела мирские вести правильно и Богоугодно. Кто что-либо покупает или продает, поэтому пусть не назначает тому цены двоякой, одну — для продажи, другую — покупную; пусть называет он только одну истинную; через это останется он верным истине и хотя не получит прибыли, зато богат окажется справедливостью. Особенно от клятвы при делах торговых пусть всякий воздерживается, но и при других случаях. Такова должна быть философия как крупных торговцев, так и мелких. *Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя его напрасно* (Исх. 20, 7). Вопреки же сему поступающих, как то: сребролюбцев, лжецов, лицемеров, через игру истинной мелкие барыши получающих (2 Кор. 2, 17), извергает Господь из дома Своего Отца (Мф. 21, 12, 13; Мк. 11, 15—17; Лк. 19, 46), ибо Он не хочет, чтобы святой дом Божий был местом неправедной торговли или перепродаж, или вещественных барышей...

Мужчины, посвятившие себя Христу, во всей своей жизни должны не казаться лишь, а и быть столь же степенными и благопристойными, в каком виде и в церквях они оказываются: столь же скромными, богобоязливыми, любвеобильными. Но я недоумеваю, отчего это с переменой места они меняют и внешний вид свой, и поведение... Оставляя церковное собрание, отлагают они в сторону и святые чувства, навеянные в церкви Духом Божиим, и уподобляются большинству, среди которого вращаются. Или, лучше сказать: как скоро отлагают напускную и лицемерную эту степенность, делается очевидным, что она была лишь маской на истинной их духовной физиономии. По-видимому, с благословением выслушав слово Божие, они оставляют его там, где выслушали, а вне церковного собрания, как бы умом рехнувшись, в обществе нечестивцев себя не помнят от удоволь-

ствия; внимая игре арфистов и арфисток, из себя они выходят при выслушивании их любовного чирикания, приходят в исступление от пения под игру на флейте, хлопают в ладоши, выпивают, позволяя себя осыпать и пакостить всякого рода и другим сором и мусором, намственным, натащенным и накиданным течением и веянием времени...

Но если мы в Царство Божие призваны, то должны быть и гражданами этого царства, звания этого достойными, Бога любя и ближнего. Любовь же эта состоит не в целовании друг друга, а в благорасположенности... Если Богу должно молиться *тайне* даже и в доме-то нашем, в месте, куда не всякому позволено входить (Мф. 6, 6), то последовательно, чтобы и ближнего, которого после Бога мы более всего должны любить (Мф. 22, 39), обнимали мы любовью внутренне и таинственно, *пользуясь временем* (Кол. 4, 5; Еф. 5, 15, 16), ибо *вы — соль земли* (Мф. 5, 13). Говорится: *кто громко хвалит друга своего с раннего утра, того сочтут за злословящего* (Притч. 27, 14)...

Для мудрых не довольно сердце чистое иметь; они должны к тому стремиться, чтобы и во внешнем поведении быть выше всякого порицания и устранять всякий повод заподозрить себя, чтобы безупречность их была полной; нам следует быть не только верными, но и оказываться такими, и притом оказываться достойными верными. *Остерегайтесь*, — говорит апостол, — *чтобы нам не подвергнуться от кого нареканию, ибо мы стараемся о добром не только пред Господом, но и пред людьми* (2 Кор. 8, 20, 21).

12. Дальнейший очерк наилучшего (идеального) образа христианской жизни, составленный на основании различных мест Свящ. Писания

Жалкому образу прежней нашей жизни противопоставлена преграда, крест Господа, через который мы как бы каким палисадником отгорожены и отделены от наших прежних грехов. Возрожденные, поэтому пригвоздим мы себя к кресту жизни, соответствующей истине (нашему имени, нашей двойкой природе, согласию между словом и делом. — *Прим. пер.*); войдем в самих себя и поревнуем о святости жизни. *Ибо очи Господни обращены на праведников и уши Его — к воплю их. Но лице Господне против делающих зло* (Пс. 33, 16, 17). *И кто сделает вам зло, если вы будете ревнителями доброго* (1 Петр. 3, 13)?..

Снова посему Педагог повторяет: *Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли* (Ис. 1, 19). Под благами земли разумеет Он человеческое счастье: красоту, богатство, здорье, телесные силы, материальные средства к жизни. Но кроме этих благ нас ожидает истинное счастье, о котором написано: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9), счастье истинное у истинного Царя, который есть Раздаватель, но и Страж этого счастья. Но, побуждая нас

стремиться к достижению этого счастья по ту сторону гроба, Он говорит о счастье земном: Божественный Логос в качестве Педагога возводит ведь нашу человеческую слабость к умозрению духовному через образы чувственные...

Действительно, Педагог немного желает. Разрешая узы закона, Он желает лишь одного, чтоб мы не боялись Его (Рим. 8, 15), но чтобы Его любили, следуя с этих пор за Ним охотно и без сопротивления, по силе предоставленной нам свободы добровольной веры... Так, одна из Его заповедей содержит как бы в зерне все правила и положения Его Божественной морали: *и как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними* (Лк. 6, 31). В двух нижеприводимых заповедях содержатся, равным образом, и все другие, как нам сказал об этом Сам Господь в таких словах: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях, присовокупил Он, утверждается весь закон и пророки* (Мф. 22, 37, 39, 40; Лк. 10, 27). И когда некто спрашивал Его: *Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?* — Он, в свою очередь, спросил: *Знаешь заповеди?* А когда вопрошатель отвечал утвердительно, Он сказал: *Так поступай, и будешь жить* (Лк. 18, 18, 20; 10, 25—28)...

Он побуждает нас к добру также и наградами. *Прийдите, сказал Он, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира, ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне* (Мф. 25, 34—6). А когда мы что-либо из этого Господу оказали? Опять-таки сам Педагог пусть нам скажет об этом. Относя любвеобильное благодеяние братьев к Своему Собственному Лицу, Он говорит: *Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне: и пойдут праведники в жизнь вечную* (Мф. 25, 40, 46).

Таковы заповеди Логоса, таковы напоминания Его. Не на скрижалях каменных (2 Кор. 3, 3) перстом Господним начертаны они, но на полотняных скрижалях сердца написаны, лишь бы эти были не разбиты. Жестокосердых же иудеев скрижали именно потому и разбиваются, что эти истины веры имели быть напечатлены на сердцах юных христиан. Но и тот и

NB Речь идет о Скрижалях Завета, двух каменных плитах, на которых были начертаны данные Моисею 10 заповедей: 4 на одной плите и 6 — на другой. Их носили с собой кочевники-евреи, соорудив для этого короб, называемый Ковчег Завета. На столбах его помещали в наиболее священную часть переносного храма (скинии) — в святая святых. Начертание столь же значимых заповедей в душах учеников еще более прочно. Далее Климент противопоставляет имеющим заповеди лишь на камнях, которые не вечны, поскольку хрупки и разбиваемы, тем, кто навечно имеет их запечатленными в своем сердце.

другой закон служат Логосу в воспитании человечества, один — через Моисея, другой — через апостолов...

Это немногое из многого, быстро пробегая по Свяш. Писаниям, Педагог предлагает ради примера своим чадам, с помощью этого исторгая из них, так сказать, с корнем зло и заключая грех в границы. Но есть в свяш. Писании множество заповедей, предназначенных для отдельных лиц... Многое в Писании и символически выражено, многое — и в притчах; такие притчи очень полезны для тех, кто при случае на них наталкивается. «Но не Мое дело, говорит Педагог, еще и об этом беседовать; для изложения тех святых учений нужен Учитель, к которому теперь и предстоит нам обратиться (идти)». Задача Педагога теперь для меня окончена; предстоит теперь Учителя слушать.

КОММЕНТАРИИ

1. **Оглашение** (греч. «катехизис») — ознакомление с христианским учением желающих вступить в церковь и готовящихся принять крещение. Данная традиция появилась вместе с созданием первых христианских общин в I в., когда апостолы и их ученики благовествовали среди иудеев и язычников. Собранные в Новом Завете послания апостолов — живых свидетелей Богоявления в мире — основали фундамент христианского богословия, которое стало развиваться в огласительных школах; это вызвало необходимость подготовки христианских учителей, катехетов (в переводе с греч. «наставник»), которые в течение года готовили кандидатов для вступления в церковь, учили их молитвам, посту, христианскому образу жизни. Эту функцию и выполняла школа Пантена в Александрии. Древние христиане вообще проявляли в деле христианизации населения большую осмотрительность и осторожность. Они научали христианским истинам только тех, кто уже обнаруживал склонность к принятию их веры.

2. Настоящая публикация является сокращенным вариантом книги «Педагог. Творение учителя церкви Климента Александрийского» (М., 1996). Данное издание подготовлено по первому русскому переводу Н.Н.Корсунского, вышедшему в Ярославле в 1888—1889 гг. «Педагог» лишен вступления. Книга начинается так, как будто автор продолжает прерванный ранее разговор с читателем, уже знакомым с основными положениями автора.

3. Во времена Христа восклицание это было равносильным латинскому «Vivat!».

4. Единорог здесь как символ единобожия.

5. Именно ученичество зафиксировано в древнерусском слове «человек», если возводить первый корень в этом сложном слове к санскритскому «чела». Вообще в этом слове спрятано много духовных смыслов, но и «ученик века» (или «вечный ученик») в нем присутствует тоже.

6. Образ Божественного Младенца, принявшего условия жизни на Земле и посредством которого человечество вскармливается духовным молоком истины, разработанный в христианской апологетике, потряс ранних христиан. Это потрясение вылилось в создание ими и почитание икон Богоматери с младенцем (само действие написания образа возводится к евангелисту и художнику Луке). Это почитание пережило тяжелое столетие (VIII в.) иконоборчества в Византии, вспыхнуло с новой

силой в эпоху средневековья, перешагнуло границы страны и вместе с христианством попало на Русь, стало характерным признаком Православия и дожило до нашего времени. Не Божий ли промысел стоит за этим?

7. Этимологическая игра: слово «муж» (греч. «фос») происходит от того же корня, который лежит в основе глаголов «свечу, на свет вывожу» (так равным образом: «говорю, утверждаю»). Но муж называется, конечно, как существо словесное, которому словом естественно освещать свою мысль и вообще свое внутреннее состояние. (*Примечание переводчика.*)

8. Не то это значит, что все в одинаковой степени будут блаженны, но только то, что все верные могут одинаково достигнуть блаженства. Некоторые же из еретиков (валентиниане) отрицали это, они различали три рода людей: 1) материальных или земных, для которых спасение совсем невозможно; 2) живущих лишь жизнью одушевленных существ, опирающихся только на одни дела и простую веру, а совершенного знания не имеющих; это все принадлежащие к церкви; 3) духовных (греч. «пневматикон»), к которому принадлежат люди, имеющие знание совершенное («гнозис»), почему люди этого рода и называли себя гностиками. Мечтая о себе, они считали, что достигнут блаженства не вследствие добродетели или веры, но по самой своей природе сделаются блаженными и, кроме того, больше будут прославлены, чем остальные люди. Вопреки этим еретикам Климент утверждает, что спасение одинаково доступно всем, содержащим истинную веру.

9. В греческом тексте здесь игра слов, потому что понятие «добрый Ангел» писателем выражено словом «евангелие», передающим всю полноту его как «вести радостной». (*Примечание переводчика.*)

10. «Жезл» служит символом исправительной кары, но и благотворительности, и утешения, и царской власти. Здесь Псаломщик говорит о «жезде силы». Именно с ним апостолы, исправляя нравы от пороков, с разумом не согласимых, отвлекая людей к жизни, приличествующей людям разумным, «вселенную обтекли», развивал эту мысль позже св. Иоанн Златоуст.

11. Мысль Платона: «Вина на избирающем; Бог не виновен», — говорит Платон в конце книги X своей «Политики».

12. Говоря так, Климент имеет в виду, конечно, этимологию лишь слова «упрек», происходящего от одного корня с глаголом «ударять»; «пристыживание, избличение, порицание» по происхождению родственно с глаголом «говорю». (*Примечание переводчика.*)

13. Климент Александрийский йоту (I) в имени Иисус относит к прямоте и единству, подобно тому как другой автор, Корипп, пишет: «И прямая первая буква твоего имени, не гнушаяся никогда, собой обозначает твою непреклонность». (*Примечание переводчика.*)

14. Солнце и Христос представляют собой некоторого рода параллелизм, ибо чем служит солнце для мира физического, тем является для мира существ разумных Христос, который потому и называется обыкновенно Солнцем правды, Светом мира и т.п. Отсюда близкие по значе-

нию слова «просвещение» и «просветление», далеко разошедшиеся, однако, в XX в.

15. **Автодидакты** — самообучающиеся.

16. Мысль, встречающаяся у Пиндара в одной из его Немейских од: «Юношески живые похвалы собой добродетель ободряют; тогда в своем росте она, как дерево от рос, быстро движется вперед». Овидий пишет на эту тему: «Похваляема будучи, добродетель возвеличивается и в похвале для себя находит весьма действительное поощрение».

17. **Евкрасия** (греч.) — «хорошее смешение, умеренность».

18. По-гречески «евнойа». Аристотель пишет: «Желающих доброго называют доброжелательными, благосклонными, благоволительными». Климент прибавляет далее «ради него самого» и не напрасно, потому что кто ради себя добра другому желает, тот «филатос». (*Примечание переводчика.*)

19. Употребленное в Кн. Бытия (1, 26) выражение, что Бог создал людей по образу своему и по подобию, Климент понимает так, что подобие Божие сравнительно с образом у него выходит совершеннее: этот последний свойственен всем людям как существам разумным, первое же — только тому, кто располагает свою жизнь согласно с законом Божиим, т.е. добродетельному. В другом месте он пишет: «Образ человек получил тотчас по сотворении, подобия же должен достигать через совершенство жизни после того»; «Мудрец, имеющий в себе образ и подобие, есть тот, который, насколько то возможно, подражает Богу, ничего по возможности не оставляя, что относится к приобретению подобия, ведя жизнь воздержанную, отличаясь терпением, честностью, господствуя над душевными страстями, из своего, имени уделяя по силам, и словом, и делом благодетельствуя». Полного и совершенного подобия Богу в этой жизни, по Клименту, кроме Христа никто не достигал. «Христос есть истинный образ Божий, человек же — образ Христа или образ Образа».

20. На основе помазания, получаемого при крещении, вводится образ «помазания горним миром», т.е. приобщения через праведное воспитание и поведение на земле к «тому, небесному миру», к райскому чертогу.

21. Под здравым разумом стоики понимали высший критерий истины. Только истина каждый раз выходила у них относительная. Климент, пользуясь терминологией стоиков, счастливо выходит из их затруднения, разумя под здравым разумом (Логосом) учение Христа Спасителя.

22. В русском слове «заблуждение» кроме «блуда» скрыт еще один смысл — «блуждание в потемках», когда происходит нечто, неосвященное светом Логоса, — и тогда человек совершает нравственный промах, попадая вместо цели в пустоту. Это и есть древнее значение слова «грех» — «дыра».

23. Речь идет о Пенелопе — согласно Гомеру, жене Одиссея.

24. **Лакедемоняне** — жители Спарты.

25. В другом месте Климент пишет: «Под огнем разумеется сила добрая и стремительная, гибельная для худших и спасительная для лучших. Потому и разумным у пророков называется этот огонь».

26. На монетах и на мраморных изваяниях можно видеть изображения как женщин с разделенными на отдельные пряди волосами, так и мужчин. Подражали в этом волосам и бороде Юпитера, для чего волосы наворачивали на нагретые стержни. Особенно это было в обычае у старых весталок, подражающих юным гетерам — жрицам любви.

27. Здесь имеются в виду те, кто для снискания народной благосклонности и ради честолюбия входили в чрезвычайные издержки на устройство шумных зрелищ. Римская история полна такими примерами. Да и не мудрено, если идеология Римской империи перед ее падением выражалась просто и доходчиво: «Хлеба и зрелищ!»

СВЯТОЙ ГРИГОРИЙ НИССКИЙ

(ок. 335 — ок. 394)

Представитель греческой патристики (литературы Отцов Церкви), церковный писатель и богослов, заложивший основы святоотеческой антропологии. С 371 г. епископ Каппадокийского города Ниссы (Малая Азия), в 379 г. был избран митрополитом г. Севастии (Армения). Активно участвовал в разработке формулы троичности Бога и христианского символа веры, который был принят на Втором Вселенском Соборе в Константинополе (381). Вместе с Григорием Богословом (Назианзином) — будущим первым константинопольским патриархом — входил в Каппадокийский кружок христианских писателей и ученых, который возглавлял епископ Кесарии Василий Великий, старший брат Григория Нисского. Кружок выступал за объединение церквей на принципах Первого Никейского Вселенского Собора (325), вместе с тем для него характерно позитивное отношение к античной культурной традиции. Григорий Нисский вслед за Климентом Александрийским развил основы христианской экзегетики — дисциплины, занимающейся истолкованием Библии на основе ее семантического, этимологического, символического и концептуального анализа, стремясь к реконструкции смысла и содержания Священного Писания с использованием философской методологии и понятий.

ОБ УСТРОЕНИИ ЧЕЛОВЕКА¹

Предисловие²

...Достоинно уразумел Божие творение только один — сам истину созданный по Богу и в образ Сотворшего преобразивший душу Василий, общий наш отец и учитель³, который своим созерцанием сделал удобопонятным для многих высокое устройство вселенной и устроенный истинною премудростью Божией мир сделал ведомым для тех, кто знанием св.Василия сам подводится к его созерцанию.

Но мы, неспособные даже дивиться ему по достоинству, тем не менее задумали прибавить недостающее к рассмотренному Великим Василием — не для того, чтобы подделкой опорочить его труд (ибо нельзя оскорблять его возвышенные уста, приписывая им наши слова), но для того, чтобы не думали, будто слава учителя оскудела в его учениках⁴...

Ведь нужно, я думаю, из всего, относящегося к человеку, ничего не оставить неисследованным: ни того, что, как веруем, произошло прежде, ни того, что, как надеемся, обнаружится в будущем, и ни того, что созерцается ныне. Ведь старание наше окажется меньше обещанного, если, когда предлежит нам рассмотрение человека, мы упустим что-либо связанное с этим по содержанию. Но и то, что кажется в человеке противоположным — ведь не одно и то же произошло в нем изначально и ныне видится у его природы⁵ в качестве некоего неизбежного следствия, — следует нам связать между собой на основании указания Писания, а также на основании выводов, находимых путем рассуждения. Тогда все содержание нашего слова будет, пожалуй, показывать связность и упорядоченность того, что кажется противоположным, но [на самом деле] направлено к одной и той же цели, потому что божественная сила так находит надежду безнадежному и исход невозможному...

Глава II

Почему человек последний в творении

...После того Творец показал в мире человека, чтобы тот был и зрителем Его чудес и чтобы стал господином, вкушением приобретающего разумение Подающего, а через красоту и величие видимого исследуя неизреченную и паче слова силу Сотворившего... И поэтому двойную опору Творец полагает в его устройении, приравняв к земному божественное, чтобы сродством к тому и другому и свойственно для каждого из них он испытал бы Бога через божественнейшую природу, а земные блага испытывал бы однородным с ним чувством.

Глава III О том, что природа человека досточестнее всей видимой твари

...Но только к устройению человека Творец всего приступает осмотрительно, чтобы и вещество приготовить для его состава, и форму его уподобить красотой известному первообразу, и предложить цель, ради которой будет создан, и создать природу, ответственную ему и подходящую по своим энергиям, как требуется для предлежащей цели.

Глава IV О том, что устройство человека во всем обнаруживает начальственную его власть

...Подобно тому как в этой жизни мастера каждому орудию придают вид соответственно надобности, так и наилучший Мастер сотворил нашу природу как бы сосудом, нужным для царственной деятельности (энергии), устроив, чтобы и по душевным преимуществам, и даже по телесному виду она была

такая, как требуется для царствования. Ибо душа обнаруживает собой царственность, совсем далекую от тупой приниженности, потому что, не имея владыки над собой и будучи самовластной, она самодержавно располагает своими хотениями. А у кого это может быть, кроме царя? Да

NB *Заметьте, что господство человека над миром опирается на человеческие добродетель и праведность. Понимали бы это наши ученики...*

и к тому же, стать образом природы Владычествующего всем — это не что иное, как то, что в момент сотворения природа [образа] была сделана царственной.... через подобие Царю всего, [она] стала как бы одушевленным образом, приобщенным первообразу и достоинством, и именем. Она не облечена в порфиру и не скиптром и диадимою показывает свое достоинство (ведь и в первообразе этого нет), но вместо пурпура покрыта добродетелью, которая царственнее всех одежд, а вместо скиптра опирается на блаженство бессмертия, вместо же царской диадимы украсилась венцом праведности, так что во всем доказала свое царское достоинство точным уподоблением красоте первообраза.

Глава V О том, что человек — подобие божественной царственности

...Это не румяна и белила, и не какая-нибудь смесь их..., и не черная линия, которой изображаются брови и глаза... Вместо же всего этого — чистота, бесстрастие, блаженство, всего дурного отчуждение и все остальное в этом роде, чем сформировывается

в людях подобие Богу. Такими цветами Творец собственного образа изобразил нашу природу. Если же и другое отыщешь, чем передаются черты Божественной красоты, то и для него найдешь в точности сохраняющееся в нашем образе подобие. Божественность есть ум и слово, ибо *искони бе Слово* (Ин. 1, 1). И пророки, согласно Павлу, имеют ум Христов, в них *глаголющий* (1 Кор. 2, 16). Не далеко от этого и человеческое. Видишь в себе самом и слово, и разумение, подражание истинному уму и слову. Бог также любовь и источник любви. Ибо так говорит великий Иоанн: *Любовь от Бога есть и Бог любовь есть* (1 Ин. 4, 7—8); это же сделал и нашим лицом Зиждитель природы. Ибо говорит: *О сем разумеют еси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35). Следовательно, без нее переменяются все черты образа. Божественное за всем наблюдает, все слышит и все испытует. И ты имеешь восприятие сущего через зрение и слух и ищущее и испытующее разумение сущего.

Глава VI

Исследование о сродстве ума с природой

...Ибо одна есть способность (сила) — сам вложенный ум, который, появляясь в каждом из чувств, постигает сущее. Он через глаза созерцает являемое; он через слух понимает глаголемое, употребляет приятное и отвращается от того, в чем нет удовольствия; пользуется рукою для чего хочет, беря или отбрасывая ею, как рассудит полезным. Итак, даже в человеке хотя и различными оказываются устроенные природой для чувства органы, но тот, кто через все действует и все движет и соответственно каждому пользуется всем по мере надобности, один, причем, несмотря на различие действований (энергий), не изменяет природы. Как же тогда в Боге из-за разнообразия сил кто-то усматривает многочастность природы? Ибо *создавый око*, как говорит Пророк, и *насаждей ухо* (Пс. 93, 9), этими деятельностями (энергиями) запечатлел человеческую природу как некоторыми характерными приметам тех образцов, что в Нем. Ибо *сотворим*, говорит, *человека по образу Нашему*...

Глава VIII Почему облик человека прямой, и тут же некоторая философия о различии душ

...Облик человека прямой и тянущийся к небу, и смотрит он вверх. И этим обозначается его начальственность и царское достоинство. Ведь одно то, что из всех сущих таков лишь человек, а у всех прочих тела поникли долу, ясно показывает различие в достоинстве тех, кто преклонился перед владычеством, и возвысившейся над ними власти. У всех прочих передние конечности

тела — ноги, потому что согнувшееся всегда требует подпорок; но в устройении человека эти конечности стали руками.

Ведь прямому стану достаточно было одного основания, надежно стоящего и на двух ногах. Но, помимо того, содействие рук помогает потребности слова... Ибо Слово учит нас, что в трех различиях (растительной, животной и человеческой природы) усматривается жизненная и душевная сила. Одна сила — только растительная и питательная, подводящая то, что нужно для роста питаемого; она называется природной и усматривается в растениях. Ведь и в растительном можно заметить некоторую жизненную силу, но не причастную чувству. Но кроме того есть и другой вид жизни, который включает и первый, но прибавляет к нему управляемость через чувство; он есть в природе бессловесных. Они не только питаются и растут, но имеют и чувственное действие (энергию) и восприятие. А последняя (совершенная) жизнь в теле находится в природе словесной, то есть человеческой: она и питаемая, и чувственная, и причастная слову, и управляемая умом. Пусть же и в нашем слове будет принято такое деление: из всего сущего одно — умное, а другое телесное⁷...

А поскольку, согласно этой последовательности, из принявших жизнь через плоть чувственное может быть само по себе без умной природы, но словесное не иначе возникнет в теле, как только срастворившись с чувственным, то поэтому последним после произрастающего и пасущегося был устроен человек, ведь природа известным путем последовательно шла вперед к совершенству⁸. Ибо всякая идея душ срастворена словесному сему животному, человеку, ибо он питается по природному виду души, к этой же способности (у него) прирождена чувственная, которая по своей природе занимает середину между умной и вещественнейшей сущностью — настолько грубее первой, насколько чище последней. Далее имеет место усвоение и растворение умной сущности в тонком и световидном из чувственной природы, так чтобы в составе человека были все три эти природы. Как и от Апостола мы этому научаемся, когда говорил он,... да сохранится всеосвершенная благодать и тела и души и духа в пришествие Господа (1 Сол. 5, 28), говоря «тело» вместо «питательная часть», «душою» означая чувствующее, а «духом» — умное...

Слово объясняет то же различие, сердцем называя совершенно телесное состояние, душою — среднее, а помышлением — высшую природу, умную и творческую силу. Отсюда и Апостол знает три различных произволения, именуя плотским то, которое печется о чреве, о его сладострастии; душевным — то, что в середине между добродетелью и злом, возвышается над последним, но не вполне причастно первой; духовным — то, которое созерцает совершенство божественного гражданства...

Таким образом, природа как бы из ступенек, то есть из отличительных признаков жизни, совершает путь восхождения от самого малого к совершенному. А поскольку человек есть словес-

ное животное, нужно было устроить орган тела, соответствующий потребности слова... Ради этого и приданы телу руки... Ведь если бы человек был лишен рук, то, несомненно, у него, по подобию четвероногих, части лица были бы устроены соответственно с потребностью питаться... Потому, если бы не имело тело рук, то как бы образовался у него членораздельный голос, когда устройство гортани не было бы приспособлено к потребности произношения?... Но теперь, когда телу дана рука, уста удобно служат слову. Следовательно, руки являются особенностью словесной природы, измышленной Зигжителем для удобства слову*.

Глава IX О том, что для пользования словом устроен облик органов человека

...Поскольку Творец даровал созданию Своему боговидную благодать, придав Своему образу подобия Своих собственных благ, то поэтому все блага, кроме ума и рассуждения, Он дал от Своих щедрот человеческой природе. Об уме же и рассуждении нельзя [в точном смысле] сказать, что дал, но что уделил, положив на образ украшение собственной Своей природы... так и человеческий ум, изобретатель всяческих мыслей, поскольку не может показать стремлений разумения душе, понимающей с помощью телесных чувств, как будто искусный правитель, касаясь одушевленных этих органов, через их звуки явными делает сокровенные мысли. Музыка человеческого органа — это, известным образом, смешанная музыка свирели и лиры, словно поющих вместе друг с другом в одном совместном звучании... Щеки, язык и устройство гортани... — все это многообразно и разнообразно представляет движение смычка по струнам, очень быстро настраивающееся при необходимости на

NB *Поэтичность физиологии наполняет глубоким смыслом все, что есть в человеке (как и во всей природе). Наставляемый таким образом уже не может относиться к себе приземленно-наплевательски; он знает, что анатомия — это не только ЧТО, но и ПОЧЕМУ и ЗАЧЕМ.*

требуемые тона. А разжатие и сжатие губ делает то же самое, что пальцы, закрывающие отверстия для воздуха в свирели, — то есть ту же гармонию мелодии.

Глава X О том, что ум действует через чувства

...Действование (энергия) же этого органа двояко: одно — в произведении гласа, а другое — в восприятии мыслей извне... Это, мне кажется, больше всего достойно в нас удивления. Какова же просторность этого внутреннего места, в которое стекается все вливаемое слухом? Кто летописцы входящих в него слов? И каковы вместилища для влагаемых слухом мыслей? И почему, хотя

влагаемое многочисленно и разнообразно, не происходит смешения и ошибки при помещении каждого на свое место? И равно можно дивиться действию зрения. Ведь так же и через него ум схватывает то, что вне тела, и привлекает к себе облики явлений, запечатлевая в себе черты видимого. Как будто обширный город принимает сошедшихся в него [людей] через разные входы, но люди не все сходятся в каком-нибудь одном месте города, а одни идут на рынок, другие в дома, третьи в церкви или располагаются каждый по своему выбору: на улицах, в переулках, или в театре, — подобным этому мне видится град ума, внутри нас населенный, который через чувства наполняет различные входы; а ум, изучая каждого из входящих и вынося суждение, отводит соответственное ему место в ведении.

Глава XI

О том, что природа человеческая несозерцаема

...*Кто разуме ум Господен?* — говорит Апостол (Рим. II, 34). А я вдобавок скажу: кто уразумел свой собственный ум?... Как он рассеивается в чувственной многочастности? Как в единственности — множественное? Как в множественном — единое?... Ведь если бы природа образа постигалась, а первообраза — была бы выше постижения, то такая противоположность созерцаемого в них обличила бы погрешительность образа. Но поскольку природа нашего ума ускользает от познания, и это по образу Создавшего, то, значит, она точное подобие превосходящему, своей собственной неведомостью являя отличительную черту неприступной природы...

Глава XII Исследование, в чем должно полагать владычественное, здесь же и физиология слез и смеха, и некоторое естественное рассмотрение общности по веществу, по природе и по уму.

Потому да умолкнет ныне всякое гадательное суесловие тех, кто в какие-либо телесные члены заключает умственную энергию, из которых одни полагают владычественное в сердце, а другие говорят, что ум находится в мозге, поддерживая эти мысли каким-нибудь поверхностным правдоподобием...

Ведь как в первом случае от страдания напрягаются тонкие и незаметные отдушины каналов и стесняют внутреннее расположение внутренностей, возгоня влажное испарение к голове и оболочке головного мозга, которое, в большом количестве принятое полостями мозга, оттуда по каналам в основании мозга поступает к глазам, где при сжимании бровей влага выталкивается по каплям (капли называются слезами), — так, представь себе, когда в противоположном состоянии каналы расширены больше обычного и ими на глубину втягивается сколько-то воздуха, тог-

да оттуда он вновь выталкивается природой через канал, ведущий ко рту, причем этот воздух порывистым и кипучим движением выталкивают все внутренности совместно, а особенно, как говорят, печень. И потому природа, чтобы устроить удобный выход воздуха, расширяет ротовой проход, при выдыхании раздвигая щеки. Происходящее в таком случае называется смехом. И так, на основании сказанного нельзя ни в печени полагать владычественное, ни из-за кипения крови вокруг сердца при состоянии раздражения думать, будто в сердце местопребывание ума, но все, о чем говорилось, нужно связывать с устройством тела.

NB *Учением в те времена называли любое теоретическое знание, направленное на разъяснение чего-либо. В том числе понятие «учение» вмещало в себя и термин «наука». Именно это значение имеет в виду здесь.*

формируясь чертами того, что явлено ему, как будто [отражение в] зеркале, то, согласно той же самой аналогии (с зеркалом), мы

NB *«Умный человек красави!» Повесить бы такой плакат над входом в каждую школу?!*

приходим к выводу, что и управляемая умом природа связана с умом и сама украшается красотой прилегающего к ней, делаясь как бы зеркалом зеркала. Природа же [человека] владычествует и удерживает то вещественное в ипостаси (т.е. материальную составляющую этого индивидуального существа), в котором (вещественном) она предстает взору. И так, пока одно обладает другим, причастность к истинной красоте проходит через весь ряд пропорциональным образом, украшая всякий раз через находящееся выше то, что непосредственно к нему примыкает¹⁸. Но если произойдет расторжение этого благого сродства, иными словами, будет, наоборот, превосходящее следовать низшему, тогда само вещество, уже отступившее от природы, обнаружит свое безобразие (потому что вещество само по себе бесформенно и неустроенно, и бесформенностью его испортится и красота природы, которая украшается умом). И так происходит передача уродства вещества через природу самому уму, так что в чертах создания уже нельзя будет увидеть образа Божия. Ибо тогда подобный зеркалу ум создает образы (идеи)

Какое важное для нас наблюдение, заключающееся в том, что именно красота и благо, присутствующие образу, формируют вещество природы, и здо-

Но об уме должно полагать, что он по неизреченному логосу срастворения равнозначно прикосновен каждому члену...

И мне кажется, что рассмотрение в этой части является более соответствующим природе, потому что из него можно познать более тонкое учение...

А так как, по сказанному, ум украшается подобием красоты Первообраза, что явлено ему, как будто [отражение в] зеркале, то, согласно той же самой аналогии (с зеркалом), мы приходим к выводу, что и управляемая умом природа связана с умом и сама украшается красотой прилегающего к ней, делаясь как бы зеркалом зеркала. Природа же [человека] владычествует и удерживает то вещественное в ипостаси

оборотной стороны благого, а обнаружения сияния добра отмечает, отражая в себе бесформенность (т.е. бессмысленность — *сост.*) вещества. И таким образом происходит возникновение зла, которое осуществляется через не-

ровые человека в том числе. Предательство блага и красоты оборачивается для человека оскудением ума, ослаблением доброй воли и безобразием естества.

заметное лишение прекрасного. Прекрасно же все, что имеет свойственное Первому Благу; то, что происходит вне этой связи и уподобления, всегда непричастно красоте... Итак, узнаем, что в человеческом составе ум управляется Богом, а умом управляется вещественная наша жизнь, когда она в

естественном состоянии, а когда отклоняется от естества — отчуждается и умной энергии...

Глава XIII

Учение о причинах сна... и сновидений

...Но мы говорим, что только разумную и упорядоченную деятельность (энергию) разума должно относить к уму, а все сфантазированные во сне вздорные призраки, по нашему мнению, создаются бессловесным видом души как некие жалкие подобия деятельности (энергии) ума. Ведь когда душа отрешена сном от чувств, тогда она неизбежно оказывается и вне энергии ума. Потому что ведь через чувства в человеке происходит срастворение с умом; потому, когда чувства останавливаются, неизбежно успокаивается и разумение. Доказательством служит то, что фантазирующему часто представляется нелепое и невозможное, чего не было бы, если бы душа и тогда управлялась рассудком и разумением. Но мне кажется, что во сне более досточестные силы души успокоены (говорю об энергиях ума и чувств), и только питательная ее часть остается действующей. В ней-то запечатлеваются запоминающей [способностью] этого вида души подобия чего-то бывающего наяву и отголоски производимого чувством и разумением. Все это как встретилось, так и живописуется, когда у запоминающей [способности] души такого вида остаются какие-то отголоски.

Итак, обо всем этом фантазирует человек, и тогда он имеет дело не с явлениями через связь с ними, а обманывается какими-то перемешанными и беспорядочными обольщениями... И вот память нарушается вследствие этого, и предведение, дремлющее из-за [наброшенных на него] лживых покровов, вдруг во [внешних] подобиях фантазирует то, чем заняты наяву, и оттого [эта способность] часто возвещала то, что сбывалось. Ведь и у скудного естества есть что-то помимо телесной грубости, чтобы смотреть на вещи. Впрочем, сказанное нельзя понимать так, будто [во сне] будущее делается ясным и понятным. Но поскольку объявление будущего бывает искаженным и двусмысленным, то те, кто истолковывают подобное, именуют [вещи сны] некоей загадкой...

Потому что, хотя все люди управляются собственным умом, немногие удостоены явного собеседования с Богом, так же и ес-

тественное сонное мечтание происходит одинаково и равноценно у всех, но только некоторые, а не все, бывают во сне причастны какого-либо божественнейшего явления. А у всех других если и бывает во сне какое-нибудь предведение, то лишь названным выше образом... Самая обычная разновидность сновидений общая для всех, и она многообразно и многовидно происходит в мечтаниях. Потому что или, как сказано, в запоминающей [способности] души остаются отголоски ежедневных занятий, или часто бывает, что состояние спящих отражает потребности тела. Ведь так жаждущему кажется, что он у источников, и нуждающемуся в пище — что он на пиру, и юноше в цвете возраста мечтается соответствующее его страсти...

И многим из обучавшихся врачеванию тоже кажется, что по различию страданий и сонные видения бывают разными у больных: одни у желудочных, другие при болезнях оболочки мозга и еще другие у горячечных, неодинаковые у тех, кто страдает от желчи, и у тех, кто [мучается] от флегмы, и снова разные у тех, кто [страдает] наполнением соков и [наоборот] их лишением. Отсюда можно видеть, что питательная и растительная сила души имеет нечто и от умной, сорассеянное в них через срастворение, что некоторым образом уподобляется той или иной потребности тела и фантазиями согласовывается с преобладающей страстью. Еще и по состоянию нравов у многих различаются сновидения. Одни мечтания у мужественного, другие у трусливого; иные сны у распущенного, иные у целомудренного; об ином грезит щедрый и об ином — ненасытный. И такие мечтания запечатлевают в душе отнюдь не разумение, а бессловесное расположение: о чем привычна [ему] забота наяву, образы того создаются и во снах.

Глава XIV О том, что не в части тела ум. В ней же различие телесных и душевных движений

...Бывает же, что следует за природными стремлениями ум, становясь им как бы слугою. Ибо часто предводительствует природа тела, которая влагает и ощущение скорбного, и воделе-

В *Если мы так часто обманываем свой собственный ум, то как сделать так, чтобы наши дети и ученики обманывались меньше? Мне кажется, один из способов — как можно подробнее «проговаривать другим самого себя». Учитель, раскрывающий себя, свои думы и помыслы, свои*

ление приятного; в таких случаях она задает первое начало, создавая либо стремление к еде, либо вообще какое-нибудь побуждение к наслаждению, а принявший все это ум собственной своею сообразительностью изыскивает средства к тому, чего страстно хочет тело. Но так бывает не со всеми людьми, а только с находящимися в порабощении, с теми, кто рабски служит своим логосом (разумом) стрем-

чувства и планы по поводу учеников, менее склонен власть в самообман. Также и ребенок, ученик, чем больше он «проговаривает себя», тем развитей у него самопонимание, четче воля, сильнее память.

лениям естества и союзу ума со сладким для чувств и раболепно льстит им. С более совершенными же так не бывает. У них предводительствует ум, избирая полезное логосу (разуму), а не страсти, а естество следует по следам предводителя... Истинная и совершенная душа — одна по естеству, умная и невещественная, и посредством чувств применена вещественной

природе. А все вещественное, пребывающее в превратности и изменчивости, если приобщится одушевляющей силе, то приведется в движение роста, а если отлучится от жизненной энергии, то движение разложится в истление. Итак, не бывает ни чувства без вещественной сущности, ни умственной силы без чувственной энергии.

Глава XV О том, что душою в собственном смысле и является, и называется душа словесная...

...И поскольку душа имеет совершенство в умственном и словесном, то все, что не таково, может быть только одноименным душе, не будучи в действительности душою, но лишь некоторой жизненной энергией, приравненной душе по названию...

Глава XVI В ней исследуется, каков смысл образа...

...Как малое и недостойное грезилось благородство человека некоторым из внешних, которые сравнением со здешним миром пытались возвеличить человеческое. И говорили, что человек есть маленький мир, составленный из тех же стихий, что и всё. Но, громким этим именем воздавая хвалу человеческой природе, они сами не заметили, что почтили человека отличиями комара и мыши. Но в чем же, по церковному слову, величие человека? Не в подобии тварному миру, но в том, чтобы быть по образу природы Сотворшего. Итак, что же за слово «образ»? Может быть, спросишь: как уподобляется бестелесное телу? Как временное — вечному? Переменчиво изменяемое — неизменному? Страстное и истлеваемое — бесстрастному и нетленному? Всячески свыкшееся и совоспитанное со злом — совершенно непричастному к злу? Ибо далеко отстоит известное о Первообразе от происшедшего по образу. Ведь образ именуется так в собственном смысле, если имеет подобие прототипу. Если же подражание далеко от предмета, то оно уже не будет его образом, но чем-то другим. Как же человек, смертный, страстный и кратковечный, есть образ неповреждаемой, чистой и присносушей природы? Но истинное учение об этом может ясно знать одна настоящая Ис-

тина. А мы, насколько вмещаем, в догадках и предположениях изыскивая истинное, понимаем исследуемое так...

...тому, кто сравнивает нас с Богом, необходимо признать одно из двух: или Божественное страстно, или человеческое бесстрастно, — если основание (логос) уподобления того и другого предполагается общим. Если же и Божественное не страстно, и наше не чуждо страсти, то остается разве что другой какой-нибудь смысл (логос), по которому утверждаем истинность божественного гласа, сказавшего о происхождении человека по образу Бога...

Следовательно, должно с точностью изучить речения. Ибо мы обнаружим, что нечто иное произошло по образу, и иное ныне оказывается бедственным. *Сотвори Бог, говорит, человека, по образу Божию сотвори его.* Творение созданного по образу обретает конец. Затем повторяется слово об устройении, и оно говорит: *Мужа и жену сотвори их.* Думаю, всякому видно, что это разумеется вне прототипа: *Ибо во Христе Иисусе*, как говорит Апостол, *несть мужеский пол ни женский* (Гал. 3, 28). Но Слово говорит, что человек разделен на мужской пол и женский. Следовательно, устройство нашей природы как-то двойственно: одно в нем уподобляется Божественному, а другое разделено этим различием... И учение это таково. Человеческая природа есть середина между двумя крайностями, отстоящими друг от друга, — природой Божественной и бесплотной и жизнью бессловесной и скотской. Ведь в человеческом составе можно частично усматривать и то и другое из названного: от Божественного — словесное и разумеваемое, что не допускает разделения на мужское и женское, а от бессловесного — телесное устройство и расположение, расчлененное на мужское и женское. Ведь то и другое из этого обязательно есть во всем причастном человеческой жизни. Но, как мы узнали от рассказавшего по порядку о происхождении человека (антропологии), первенствует в нем умное, а вместе с ним прирождено человеку общение и сродство с бессловесным...

Бог по природе Своей есть все то объемлемое мыслию благо, какое только есть вообще. А точнее сказать, будучи превыше всякого разумеваемого и постигаемого блага, Он творит человеческую жизнь не почему-нибудь другому, но только потому, что благ. А будучи таковым и из-за этого стремясь к созданию человеческой природы, Он показал силу Своей благодати не наполовину — дав что-нибудь из присущего Ему, но завистливо отказав в причастии Себе. Напротив, совершенный вид благодати состоит в том, чтобы привести человека из небытия в бытие и сделать его нескучным в благах. А поскольку велик подробный перечень благ, то его нелегко объять числом. Потому Слово гласом своим совокупно обозначило все это, говоря, что человек создан по образу Божию. Это

NB В этом педагог — со-
участник Божественного
плана.

ведь все равно что сказать, что человек сотворен по природе причастником всякого блага. Если Бог — полнота благ, а тот — Его образ, то образ в том и имеет подобие первообразу, чтобы быть исполненным всякого блага. Следовательно, в нас есть идея всяческой красоты, всякой добродетели и премудрости и всего, о чем известно, что оно относится к самому лучшему. Одному из всех [человеку] необходимо быть свободным и не подчиненным никакой естественной власти, но самовластно решать¹¹ [так], как ему кажется. Потому что добродетель — вещь неподвластная и добровольная, а вынужденное и насильное не может быть добродетелью¹². Итак, если бы образ во всем носил черты красоты прототипа и ни в чем не имел отличия, то никак бы не был подобием, но оказался бы во всем тождественным прототипу и ни в чем не отличным. Какое же тогда мы усматриваем различие между Самим Божественным и тем, что уподобляется Божественному? Оно в том, что одно нетварно, а другое осуществляется (получает индивидуальное бытие) через творение. А такое различие особенностей создало своим следствием различие и других свойств. Ведь всеми и всюду признается также, что нетварная природа — непреложная и всегда та же самая, а тварная не может пребывать без изменения. Ведь уже само прохождение из небытия в бытие есть некоторое движение и изменение небытия в бытие, переменяемого по божественному изволению...

Следовательно, общим названием природы мы приводимся к такому предположению: божественными предведением и силой все человечество объемлется в этом первом устройении... Ведь образ не в части природы, и благодать ведь не в чем-либо одном из того, что в нем есть, но одинаково по всему роду распространяется эта сила. А признак этого в том, что равно во всех водружается ум: все имеют силу разума и произволения и все остальное, чем божественная природа отображается в созданном

В Иногда, стремясь дисциплинировать воспитанников, мы забываем сию простую истину.

по ней. Точно так же и тот человек, что появился при первом устройении мира, и тот, который будет при окончании всего, равно несут на себе божественный образ. Потому целое наименовано одним человеком, что для

силы Божией — ни прошедшего, ни будущего, но и ожидаемое наравне с настоящим содержится всеокружающей энергией. Так что вся природа, распространяющаяся от первых до последних, есть единый образ Сущего.

Глава XVII Как было бы с душами, если бы изначальные люди остались безгрешными?..

...благодать воскресения не иное что возвещает нам, как восстановление в первоначальном виде для падших. Ибо ожидаемая благодать есть возведение в первую жизнь, снова вводящее в Рай

извергнутого из него. Если же восстановленная жизнь такая, как свойственна ангелам, то очевидно, что и до преступления жизнь была ангельской — потому и наше возведение к первоначальному уподобляется ангелам. Однако, как сказано, хотя нет между ними брака, воинства ангельские состоят из бесконечных мириад, — ведь так рассказал в видениях Даниила (Дан. 7, 10). Следовательно, если бы из-за греха не произошло с нами никакого извращения и отпадения равночестия с ангелами, то таким же образом и мы для размножения не нуждались бы в браке. Но каков способ размножения в природе ангелов — неизреченно и неуразумееваемо это человеческими догадками, кроме лишь того, что он непременно существует...

Глава XVIII О том, что бессловесные страсти в нас возбуждаются сродством с бессловесной природой

...Ведь подобие человека Божественному — не по гневу, и не удовольствием отличается (характеризуется) преимуществующая природа: трусость и наглость, желание большего и ненависть к умалению и все тому подобное далеки от боголепных черт. Так что все это человеческая природа добавила к себе от бессловесной части. Ибо чем бессловесная жизнь пользуется для своего сохранения, то, привнесенное в человеческую жизнь, стало страстями. Ведь гневом сохраняются хищники, а сластолюбие спасает многороящих животных; трусость — слабого и страх — легко уловимого более сильными, а прозорливость — тучного. Не удовлетворить своему удовольствию в чем бы то ни было стано-

NB *Естественное для животных неестественно для человека, если не украшается воспитателем. Нас склоняют к концепции очеловечивающей роли воспитания, позволяющего божественному в человеке взять верх над животным. И дело не в искоренении животного, а в окультурировании его, во возвращении разума, не идущего вслед за желаниями природы — страстями, а ведущего их за собой. Если же разум идет вслед за страстями, то получается создание, во много раз худшее, чем животное.*

вится для бессловесных скорбью. Все это и тому подобное через скотское рождение вошло также и в устроение человека...

Но часто и разум (логос) умерщвляется склонностью и расположением к бессловесному, закрывая лучшее худшим. Потому что, коль скоро кто-нибудь унизит до такого разумевательную энергию и заставит разум стать слугой страстей, то произойдет извращение черт благого в бессловесный образ, в который изменит свои черты вся природа, а разум, как земледелец, будет возделывать начатки страстей, понемногу выращивая их до множества. Ведь своим содействием помогая страсти, он создал переполняющий и изобильный исток дурного. Так, сластолюбие имеет начало в

уподоблении бессловесному, но в человеческих прегрешениях возросло, произведя такие различия грехов по страсти, которых не найти у бессловесных. Так, расположение к гневу сродно влечению бессловесных, но возрастает в союзе с помыслами. Отсюда и ненависть, зависть, ложь, коварство, лицемерие. Все это от злого земледелия ума. Потому что если бы обнажилась страсть от союза с помыслами, то гнев остался бы чем-то мимолетным и вялым, став похожим на пузырь, который тотчас же лопается. Так, прожорливость свиней привела к жадности, а гордость коня стала началом превозношения. И как все, побуждаемое скотским бессловесием, от дурного употребления этого

NB *Очень важная мысль. В человеке нет только дурного или только хорошего. Одно есть продолжение другого. И профессионализм воспитателя состоит как раз в разворачивании движений души в положительную сторону.*

умом превратилось в зло, так и наоборот, если помысел возьмет обратно власть над такими движениями, каждое из них вновь станет видом добродетели. Тогда гнев создает мужество, трусость — осторожность, страх — послушание, ненависть — отвращение к злу, способность (сила) любить — желание истинно прекрасного. А гордость нрава возвышает над страстями и сохраняет мысль не порабо-

щенной злом. Такой вид надменности хвалит и великий Апостол, повелевая постоянно *мудрствовать горня* (Кол. 3, 2). И так можно обнаружить, что всякое такое движение разума, совозвышающееся к пышному, соотносится с красотой божественного образа. Но поскольку есть тяжелая и влекущая вниз склонность к греху, чаще бывает иное: скорее тяжестью бессловесной природы увлекается вниз владычественное души, чем тяжелое и землистое возвышается высотой разума. Потому часто наше несчастье не дает узнать божественного дара, как будто отвратительной маской закрыв красоту образа страстями плоти. Потому как-то заслуживают снисхождения те, кто, видя такое, нелегко соглашались, что в таких людях есть божественный образ...

Но пусть он [человек] надеется, что когда-нибудь в чаемой жизни природе будет даровано освобождение от этой повинности. *Несть бо, как говорит Апостол, Царствие Божие брашно и питие* (Рим. 14, 17), *и не о хлебе едином жив будет человек*, — предрек Господь, — *но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Мф. 4, 4). Да и коль скоро воскресение указывает нам равноангельную жизнь, а у ангелов нет еды, то для удостоверения [будущего] отрешения человека от такой повинности достаточно того, что он будет жить по подобию ангелов.

Глава XIX К утверждающим, что вкушение чаемых благ вновь будет в еде и питье...

...Но я, слушая святое Писание, разумею не только телесную еду или радость по плоти, но знаю и иную некую пищу, имеющую некоторую аналогию с телесной, вкушение которой достается только душе. *Ядите мой хлеб*, повелевает алчущим Премудрость (Притч. 9, 9), и Господь ублажает алчущих такой еды (Мф. 5, 6). *Аще кто жаждет*, говорит, *да придет ко Мне и да пьет* (Им. 7, 37). И великий Исайя *Пийте радость* повелевается тем, кто способен понять высоту его мысли (Ис. 25, 1). Есть и одна пророческая угроза достойным наказания, что наказаны будут голодом, голод же будет не в лишении хлеба и воды, а в недостатке слова. Ибо не *голод хлеба*, говорит, не *жажду воды*, но *жажду слышания слова Господня* (Амос 8, 11). Следовательно, нужно под плодом подразумевать нечто достойное Божиего наслаждения в Эдеме (а Эдем толкуется «услаждение») и не сомневаться, что питался им человек; и совершенно незачем здешнюю преходящую и скоротечную пищу относить к райскому пребыванию. *От всякого древа*, говорится, *еже в Раю, съедю снеси* (Быт. 2, 16). Кто даст здорово проголодавшемуся это древо, которое в Раю, вобравшее всякое благо, и которому имя — Всецелое, причастием которому человеку даруется логос (слово)?.. И мне кажется, что для истолкования этого слова нужно взять в учителя великого Давида и премудрого Соломона... Давид — говоря: *насладися Господем* (Пс. 36,4), а Соломон — именуя саму Премудрость, которая есть Господь, *Древом жизни* (Притч. 3, 18). Следовательно, одно и то же есть Древо жизни и Всецелое древо, еду от которого Слово дает созданному по Богу¹³.

Противопоставляется же этому древу другое древо, еда от которого есть ведение добра и зла и которое не плодоносит отдельно от каждой из названных противоположностей, но из смешанных противоположных качеств производит слитный и смешанный плод, вкушать от которого запрещает Начальник жизни, а советует змий, чтобы устроить вход смерти. И советовавший приобретает доверие, красиво и приятно окрасив плод, чтоб и на вид был он приятен и желание отведать возбуждал.

Глава XX Какова жизнь в Раю и что такое запрещенное древо

Итак, что такое то, в чем срастворено ведение добра и зла, и что расцветено чувственными наслаждениями?.. А плод этот, имеющий защитником своим змия, смешивается из противоположностей — по тому, вероятно, соображению, чтобы простое зло как таковое не оказалось бы на виду, явленное в собственной своей природе... А так природа зла — смешанная, в глубине име-

ет спрятанный обман пагубы, а лживостью своей внешности показывает какую-нибудь иллюзию добра.

А поскольку многие считают добрым то, что радует чувства, и возможна одноименность (омонимия) истинного и мнимого добра, то по этой причине желание зла, когда оно возбуждается вместе с желанием блага, Писание именуется ведением добра и зла, понимая «ведение» в смысле совмещения и растворения. Ни

NB *Если бы в наших педагогических институтах были бы такие предметы, как «педагогика добра и зла», «психология добра и зла»!.. Как научить видеть зло и сопротивляться ему? Как научить не разочаровываться в добре, когда тебя обижают, начиная с семьи и детского сада? Высокая педагогика образа и подобию, о которой идет речь в этой книге, может помочь и нам, и нашим ученикам разобраться в сложных, имеющих жизненный смысл вопросах, которые никто никогда ранее с нами не обсуждал.*

абсолютным злом, потому что был покрыт цветением красоты (славянское «добро» по-русски лучше передается как «красота»), ни чистым благом, потому что скрывал зло, но смесью того и другого называется плод запрещенного дерева, о вкушении которого сказано, что оно вводит в смерть прикасающихся. А тем самым только что не прямо кричит учение, что истинное благо просто и единовидно по природе и чуждо всякой двойственности и сопряженности с противоположным. А зло разнообразно и изменяет вид, чтобы его считали чем-то иным, а на опыте выяснилось бы, что оно не таково; его ведение, то есть опытное восприятие, становится началом и основанием смерти и истления...

Потому, когда вредоносное лукавство подействовало на человеческую жизнь, тогда человек — это великое

дело и имя, отображение Божественной природы, — *суете*, как говорит Пророк, *уподобися* (Пс. 143, 4). Итак, образ относится к тому, что известно в нас лучшего, а то, что в жизни скорбного и несчастного, далеко от уподобления Божественному.

Глава XXI О том, что следует надеяться на воскресение не столько от проповеди Писания, сколько из самой необходимости вещей

Но зло не настолько крепко, чтобы превозмочь силу блага, и безрассудство нашей природы не превосходнее и не постояннее Божией премудрости. Ведь невозможно извращенному и неизменному быть сильнее и постояннее Того, Кто всегда один и тот же и утвердился в благе. Но Божественный совет везде и всегда непреложен, а превратность нашей природы не пребывает твердой даже во зле... Ведь исходление зла не доходит до беспредельности, но необходимо объемлется пределом, вслед за которым преемство добра сменяет предел зла. Так, по сказанному, приподвижность нашей природы вновь поворачивает на перво-

начальный благой путь, памятью о перенесенном уцеломудриваемая больше не попадать в подобный плен. Следовательно, для нас вновь будет благое поприще, благодаря тому что природа зла необходимо ограничена пределом. Ведь знатоки неба говорят, что весь мир исполнен светом, а тьма наступает от отбрасываемой тени, когда землю загоразивает находящееся против нее тело... Таким образом, если предположить, что кому-либо хватит силы перейти расстояние, на которое простирается тьма, то он оказался бы в потоке единого света, нигде не прерываемого тьмой. Так, думаю я, нужно разуметь и о нас, что, достигши границы зла, когда окажемся в крайности греховной тьмы, мы снова заживем в свете, потому что природа благого превосходит зло, как беспредельность — меру.

Итак, снова Рай, снова то древо, которое есть Древо жизни, снова благодать образа и достоинство начальства. Начальства, как мне кажется, ни над чем-либо из того, что для житейских потребностей Бог подчинил людям ныне, но надежда иного некоего царствия, слово о котором пребывает в неизреченном¹⁴.

Глава XXII К возражающим: если воскресение — нечто доброе и благое, то почему его еще не произошло?..

Но будем последовательными в изысканиях. Возможно, иной, окрылив разумение сладостью надежды, сочтет для себя тягостью и потерей, если не тотчас же достигнет тех благ, которые выше человеческих чувств и ведения, и для него делается ужасным промежуток времени до наступления того, чего он вожделеет. Но пусть он не беспокоится... Образ Божий, созерцаемый во всей человеческой природе, получил завершение...

Бог по этой причине предусмотрел для человеческого устройства соразмерное время — так, чтобы продолжительности времени хватило для рождения определенного числа душ, и текущее движение времени остановилось бы тогда, когда оно [время] уже бы не рождало из себя ничего человеческого. А когда кончится рождение людей, тогда же получит конец и время, и так произойдет разложение всего на элементы (стихии), и при преложении целого соизменится и человеческое из тленного и землистого в бесстрастное и вечное. Что, как мне кажется, подразумевал и божественный Апостол, предрекая в послании к Коринфянам внезапную остановку времени и обратное разложение движимого в таких словах: *Се тайну вам глаголю: вси бо не уснем, вси же изменимся вскоре во мгновение ока, в последней трубе* (1 Кор. 15, 51—52). Ведь, как я думаю, когда полнота человеческой природы придет к концу по предуведенной мере, потому что уже не останется куда возрастать числу душ, в короткое время произойдет изменение сущего, как учит он, именно (словами) «вскоре» и «мгновение ока» тот неизмеримый и

непротяженный предел времени. Потому что никому, кто взойдет на последнюю и крайнюю вершину времени, после которой не остается ничего, невозможно будет достигнуть этого состояния предложением смертным, но возможно это, только когда услышим трубу воскресения, которая пробуждает умершее и оставшихся в жизни мгновенно предлагает в нетление по подобию тех, кто изменяется воскресением. Так что тяжесть плоти больше не будет ее притягивать вниз, и бремя не будет ее удерживать на земле, но, воспарив в воздух, она полетит¹⁵: *Восхищени бо, говорит он, будем на облацех в сретение Господне на воздухе, и тако всегда с Господем будем* (1 Фес. 4, 17). Следовательно, пусть ожидают прошествия времени, необходимого для приращения человечества...

Потому и нам не стоит беспокоиться из-за кратковременного промедления чаемого, но нужно стараться, чтобы не оказаться нам его недостойными. Это похоже на то, как если бы кто-то предрек менее опытному, что во время жатвы будет сбор плодов, и будут полными хранилища, и во время изобилия много будет подаваться на стол. Легкомысленным будет тот, кто станет торопить приход этого времени, когда еще нужно сеять и заботами готовить себе урожай. Ведь хочешь — не хочешь, все равно это время наступит своим чередом. Зато не одинаково увидят его тот, кто подготовил себе изобилие плодов, и тот, у кого ко времени сбора ничего не вырастет...

Глава XXIII О том, что, признавая начало сложения мира, необходимо согласиться и о конце

Если же теперь кто-нибудь, видя, как согласованно мчится мир, и замечая в этом временную протяженность, будет утверждать, что не сможет произойти предвозвешенная остановка движимого, то очевидно, что такой человек не верует и в то, что в начале произведены Богом небо и земля. Ведь тот, кто придает движению начало, обязательно не сомневается и о конце, а тот, кто не признает конца, не признает и начала...

Ведь бывает, что и тут у расспрашивающих из благих побуждений постепенно теряется вера, так что они больше не считают уже истинным то слово о вещественном творении, которымставляет Писание, утверждающее, что происхождение всего сущего — от Бога. А защитники противоположной мысли представляют вещество совечным Богу, и такое учение пытаются доказать следующим. Если Бог по природе прост и невещественен, без качества, без величины и без сложности, и чужд внешнего очертания, всякое же вещество заключается в пространственном расстоянии и не может скрыться от чувственного восприятия, будучи познаваемым по цвету, по наружности, по объему, по количеству, по упругости и по всему остальному, известному в нем, что никак нельзя отнести к божественной природе, — то

как может из неведущего сделаться вещественное? Из непространственной — пространственная природа? Ведь если поверить, что последнее стало существовать из первого, то очевидно, что будучи, по неизреченному слову, в первом [и раньше], оно так пришло в бытие. Если же в первом было вещественное, то почему Невещественный имеет в себе вещество? Так что разум (логос) принужден признать Его по необходимости вещественным, потому что от Него стало существовать вещество, или, если хочется избежать этого, необходимо признать, что для устроения всего вещество пришло к Нему извне. А если оно было вне Бога, то, значит, обязательно помимо Бога было нечто такое, что вместе с Ним, по самому смыслу вечности, понимается как нерожденное. Потому разумом мыслятся друг вместе с другом два безначальных и нерожденных: одно — мастерски действующее, другое — воспринимающее это искусное действие (энергию)¹⁶...

Но слушая, что говорит Писание, мы уверовали, что все от Бога. А как оно было в Боге — это выше нашего разума (логоса), и не смеем о том любопытствовать, уверовав, что все возможно божественной силе: и сделать несущее существующим, и сущему придать видимые качества. Отсюда следует, что, как признаем мы силу божественного воления достаточной для реальности сущего из не сущего, так и, перестановку элементов (при воскресении) возводя к той же силе, мы не даем веры чему-либо неестественному. Во всяком случае, если бы нам удалось посредством некоторых доводов убедить тех, кто легковесно болтает о материи, то мы не считали бы, что наше рассуждение ведется попусту.

Глава XXV

Как уверовать в Писание, учащее о воскресении

Но, может быть, кто-то, глядя на разложившиеся тела и в меру своей способности рассуждая о Божественном, называет слово о воскресении невозможным и утверждает, что нельзя допустить ни возможности остановки ныне движущегося, ни возждения ныне неподвижного. Но пусть для такого человека первым и наибольшим доказательством истинности воскресения будет достоверность проповеди о нем: верность сказанного удостоверяется исходом остальных пророчеств. Ведь поскольку божественное Писание предлагает много разнообразных слов, то, рассмотрев ложность или истинность всего остального, можно таким путем понять и догмат воскресения...

Так же и Господь маленькие души людей, как будто младенцев, питая и вскармливал чудесами, сперва показывает подобие силы воскресения на безнадежной болезни — это было хотя и великим делом, однако не таким, чтобы не поверить рассказу о нем. Запретив горячке, которая сильно жгла тещу Симона, Он

так изменил болезненное состояние, что та, конечины которой уже ждали, смогла служить присутствовавшим (Лк. 4, 38—39). Затем Он приложил немного этой силы сыну царедворца, лежавшему в явной опасности (ведь история говорит, что он почти умер, когда отец кричал: *Сниди, прежде даже не умрет отроча*), вновь устроив восстание (воскресение) того, о ком были уверены, что он скончался (Ин. 4,46—49). Это чудо Он совершил с большей силою, потому что даже не приближался, но смог издали повелением послать жизнь. После этого Он и дальше последовательно восходит к высшим степеням чудес. Направляясь к дочери начальника синагоги, Он намеренно остановился на пути, предавая огласке исцеление кровоточивой, которое оставалось незамеченным, чтобы в это время больной овладела смертью.

NB *Так же идет и воспитание: от показа возможности совершения чего-либо в малом (после того, как ученики усвоят для себя, примут в душу) переход к более крупному, снова через пример или, может быть, уже и самостоятельно.*

Именно тогда, когда душа отделилась от тела, а потрясенные люди с плачевным воплем рыдали над несчастьем, он как будто от сна повелевающим словом вновь восставил к жизни девицу (Мк. 5, 22—43; Лк. 8, 41—56. Ср. Мф. 9, 18—26, где девица уже умерла). Так, известным путем и очередностью возводил Он человеческую немощь ко все большему.

Потом и это чудо Он превосходит и высочайшей силою прокладывает людям путь к вере в воскресение. Писание рассказывает об одном иудейском городе Наине. У одной тамошней вдовы был единственный сын: не настолько ребенок, чтобы считаться в отроческом возрасте, но уже становившийся из ребенка мужчиной. Слово именуется его юношей. Сказано, что мать умершего *бе вдова... И даде его матери его живым* (Лк. 7, 12—17). Так, над уже пробывшим короткое время мертвым и едва не положенным в гроб Господь совершил еще большее чудо, хотя повеление было тем же.

Но к еще более высшему восходит чудотворение, так что события все более приближаются к невероятному чуду воскресения. Занемог один из близких к Господу и друзей Его, имя занемогшему было Лазарь. А Господь мешкает с посещением друга, находясь далеко от больного, чтобы смерть улучила возможность и силу в отсутствие жизни сделать свое дело через болезнь. В Галилее Господь объявляет ученикам о смертном недуге Лазаря, а также и о своем намерении восставить лежащего. А ученики устрашились жестокости иудеев, считая трудным и опасным вновь оказаться в Иудее среди убийц. Но, медля из-за этого и откладывая, они все-таки постепенно возвращаются из Галилеи. Потому что власть [Господа] превозмогла, и ученики были ведомы Господом, чтобы в Вифании быть посвященными как бы в предсовершение всеобщего воскресения. Прошло уже четыре дня после смерти, и над умершим было исполнено все установленное и те-

ло скрыто во гробе. Как обычно, оно уже стало смердеть и разлагаться тлением, сочась гниением в перегной земли и неизбежным образом распадаясь. Небывалым делом и насилием над природой было бы вновь возвратить к жизни разложившееся в зловоние. И тогда в самом наглядном чуде приводится доказательство невероятного дела — всеобщего воскресения. Ведь тут не от тяжелой болезни кто-либо восстанавливается, и не находящийся при последнем издыхании возвращается в жизнь, и не только что умершее дитя животворится, и не готовый к погребению юноша вновь отрешается от одра; но муж в возрасте, мертвый, уже гниющий, и смердящий, и распадающийся, так что из-за отвратительности разлагающегося тела даже близким было невыносимо, чтобы Господь приближался к гробу. Но единым животворящим зовом удостоверяется проповедь воскресения, а мы научаемся ожидать как общего того, что опытом узнали как частное. Ибо как при всеобщей перестановке элементов¹⁷, говорит Апостол, снидет *Сам Господь в повелении, при глазе архангелове и трубе* (I Сол. 4, 16), чтобы восставить мертвых в нетление, так и ныне сущий во гробе, при звуке повеления стряхнув смерть, как будто сон, и сбросив с себя произведенное смертью тление, целым и невредимым исходит из гроба, и даже погребальные пелены, связывавшие руки и ноги, не помешали выходу.

Неужели и этого мало для веры в воскресение мертвых? Или ты пытаешься другим способом увериться в суждении об этом? Но, мне кажется, не зря было сказано в Капернауме, когда Господь от лица людей говорил Сам Себе следующее: *всяко речете Ми притчу сию, врачу исцелися сам* (Лк. 4, 23). Ибо в других телах приложивший к людям чудо воскресения должен был и в своем собственном человеке подтвердить это слово...

Итак, поскольку свидетельство событий доказало истинность всякого проречения Господа и об этом научены мы не только словом, но и от самих возвратившихся к жизни воскресением получили делом доказательство возвещенного, то какой остается повод не верить? Разве мы [так] соблюдаем прямой смысл повеленного: крепитесь, противопоставив тем, кто *философиею и лживою лестию* (Кол. 2, 8) обманывают нетвердую веру? Но мы из немногих слов Пророка узнали способ [действия] благодати. Сказано им: *Отымеши дух их и исчезнут, и в персть свою возвратятся. Пошлещи Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. 103, 29—30). И тогда, говорит он, *возвеселится Господь о делех Своих* (ст. 31), потому что *исчезнут грешницы от земли* (ст. 35). Ведь как можно будет от греха получать имя, когда греха не останется?

Глава XXVI

О том, что в воскресении нет ничего невероятного

...Мы же давайте пресечем кратким словом долгие блуждания по кругу, свойственные этим людям с тщетной их логикой, заявляя о том, что произойдет разложение тела на то, из чего оно состоит, ... и каждый [элемент], что в нас есть, будет переходить в родное ему — хотя бы даже человеческое тело смешалось при съедении его с плотоядными птицами и зверями, хотя бы оно прошло через зубы рыб, хотя бы оно было превращено огнем в дым и пепел. Куда бы разум ни предположил перенести человека, человек все равно останется внутри мира. А мир содержится в руке Божией, учит богодухновенный глас. Потому, если даже ты знаешь, что у тебя в ладони, то неужели ты думаешь, что слабее твоей способности Божие ведение, чтобы Бог не мог в точности отыскать того, что находится у Него в горсти.

Глава XXVII

О том, что после разложения человеческого тела на элементы вселенной каждому можно вновь благополучно извлечь из общего свое индивидуальное

...Поскольку душа расположена к сообитающему ей телу природной связью и нежностью¹⁸, то, как мы сказали, она срастворена с тем, что для нее свое. Как будто по нанесенным природой клеймам, душа узнает тело, с которым связана, и тогда для отличающих свое общность оказывается несливной и неразделимой. А когда душа уже вновь повлечет к себе средное ей и ее собственное — какая трудность, скажи мне, воспрепятствует божественной силе осуществить это стечение своего к своему, происходящее в неизреченном влечении природы к своему собственному?..

Следовательно, нет ничего ненормального в том, чтобы верить, что произойдет вновь разделение восстающих тел из общего на индивидуальное — это особенно видно тому, кто тщательно исследует нашу природу. Ведь не целиком заключается в течении и в превращении наше [естество]. Да и было бы совершенно непонятно, если бы мы не имели от природы ничего постоянного (никакого стояния). Но правильнее всего сказать, что одно в нас стоит, а другое продвигается изменением. Ведь тело изменяется возрастом и умалением, как будто одежда, переменная с каждым возрастом. Стоит же никаким способом не предлагаемый сам по себе облик (эйдос, вид¹⁹), не утрачивающий раз и навсегда нанесенных на него природой клейм, но при всех переменах тела выражающийся в своих собственных признаках. Исключить из этого правила нужно только изменение от страстей, которое затрагивает облик (эйдос), (выступая по отношению к нему в качестве чего-то вторичного). Тогда как будто чуждою

маской болезненное безобразие скрывает облик (эйдос), [а] после ее снятия логосом (разумом) скрытый страстию облик (эйдос) в здравии вновь являет свои собственные признаки.

Поэтому боговидному в душе присуще не то, что есть в нашем сложении текущего в изменении и преходящего, а то, что в нем есть постоянного и самотождественного. А поскольку эйдетические различия преобразуют качественные отличия растворения... то эйдос обязательно становится для души как бы отпечатаем, так что запечатленное печатью уже не может оставаться неузнанным по отпечатку, но во время перестановки элементов оно вновь соберется само в себя, чтобы прийти в согласие с отпечатком эйдоса; будет же приходиться в согласие непременно то, на чем был изначально отпечатан эйдос... если даже каждое из растений, питающееся обшей для всех влагой, привлекает нужное для собственного произрастания, то что необычайного, если и при слове воскресения каждый из восставших, подобно семени, окажется с такой же способностью привлекать свое собственное? Таким образом, из всего можно понять, что проповедь воскресения не содержит ничего не узнаваемого опытом. Хотя мы и умолчали о том, что всего известнее из нашего [естества], — я говорю о самом первом основании нашего сооставления. Ибо кто не знает этого чудотворения природы — что принимает материнское чрево и что производит?..

Глава XXVIII

Опровержение баснословства о переселении душ

...Действительно, достойны вздорности лягушек или галок, или бессловесности рыб, или бесчувственности дуба такие учения, говорящие, будто одна душа прошла через столь многие тела. А причина такой глупости как раз в том, что думают, будто души предсуществуют... Если же, как говорят они, из-за какого-нибудь порока душа отпадет от высшего жительствова, то, уже после того, как вкусила один раз телесной жизни, она вновь становится человеком. Жизнь в плоти является, в чем все согласны, более страстной, чем вечная и бестелесная, и все, бывающее в такой жизни, в которой больше поводов ко греху, неизбежно бывает и в большем пороке, и приходит в более страстное состояние, чем раньше. Страсть же человеческой души есть уподобление бессловесному; присвоив себе это, она перетекает в природу скотскую. Однажды вступив на путь порока и даже оказавшись в бессловесном [естестве], она никогда не оставит продвижения во зло. Ведь остановка зла есть начало добродетельного устремления — но добродетели в бессловесном нет. Следовательно, душа вынуждена изменяться к худшему, все время переходя ко все более бесчестному и всегда изыскивая природу, худшую той, в которой она есть. Так что из словесного она опускается до чувственного, и так же чувственное переменяется

в бесчувственное... Так что совершенно последовательно для них душа перейдет в ничто. Следовательно, неизбежно, что для нее станет невозможным вновь возвратиться к лучшему. Однако они эллинские [учения] возводят душу от куста к человеку.

Как же из древесной жизни происходит возвращение в добродетель? Следовательно, мысль о том, что души созданы живущими сами по себе прежде жизни в теле и [в наказание] за порок связываются с телами, совершенно изобличается как не имеющая ни начала, ни конца.

А доказательство нелепости утверждения, будто душа младше тела, у нас уже готово ниже. Следовательно, одинаково неприемлемо учение тех и других. И я думаю, посредине между этими предположениями должно правиться в истине наше учение.

И значит это не думать, согласно эллинскому обману, будто души, вращавшиеся вместе со вселенной, отяготились каким-то пороком и, не способные угнаться за скоростью движения полюса, ниспали на землю; и не утверждать также, будто человек был предварительно создан Словом, как будто статуя из брения (праха), и для этого-то изваяния появилась душа (ведь тогда умная природа окажется менее ценной, чем статуя из брения).

Глава XXIX Доказательство, что одна и та же причина существования души и тела

...Но мы утверждаем, что, согласно изложенному чуть выше, предвечательной Божией силой была приведена в бытие вся человеческая полнота, чему свидетельствует и пророчество, говорящее, что Бог знает *вся прежде бытия их* (Дан. 13, 42). При сотворении каждой части не появлялось одно раньше другого — ни душа раньше тела, ни наоборот, — чтобы человек не пришел в разногласие с самим собой, разделяемый временным различием. Ведь, по апостольскому наставлению, природа наша умопостигается двоякой: человека видимого и сокровенного (1 Пет. 3, 4). Тогда если одно предсуществовало, а другое появилось после, то обличится известное несовершенство силы Создавшего, недостаточной для мгновенного создания всего, но разделяющей дело и занимающейся отдельно каждой из половин. Но как о пшеничном зерне или о другом каком-нибудь семени говорим, что в возможности (в силе, в потенции) оно заключает в себе облик (эйдос) колоса — зелень, стебель, междоузлия, плод, остны, — и ни о чем из этого мы не говорим, будто по закону (в логосе) природы оно предсуществует или предвозникает природе семени, но говорим, что в известном природном порядке проявляется вложенная в зерно сила, а не примешивается другая природа, — так и о человеческом семени предполагаем, что оно в первом побуждении к составлению [организма] имеет с ним вместе всеянную силу (возможность) своей природы. Развиваясь и проявляясь в известной естественной последовательности, она продвигается

до совершенства, ничего не привлекая извне для побуждения к совершенствованию, но сама себя последовательно доводя до совершенства... И как в том, что влагается для зачатия тела, невозможно увидеть развитости членов прежде образования тела, так нельзя понять в нем и особенностей души, пока ее возможность не перейдет в действительность (энергию)... Ведь сила к зачатию отделяется не от мертвого тела, но от одушевленного и живого, и поэтому мы утверждаем, что справедливо не считать мертвым и бездушным то, что [происходит] от живого, [для того чтобы быть] толчком к жизни²⁰...

Поэтому как у совершеннолетнего человека душевная энергия проявляется в более важном, так и в начале нашего составления содействие (синергия) души соответственно и соразмерно настоящей потребности обнаруживает себя в том, что из влагаемого вещества устраивает сама себе естественное для нее жилище.

Подобно тому как тело от самого малого приходит в совершенный возраст, и энергия души, растущая соответственно подлежащему, вместе с ним прибавляется и увеличивается. В первоначальном устройстве предводительствует в душе, как будто корень, спрятанный под землей, одна растительная и питательная сила. Ведь малость принимающего не может вместить большего. Затем, когда растение выходит на свет и показывает свой побег солнцу, расцветает дар чувственного. Когда же созреет уже и достигнет соразмерной высоты, тогда, подобно плоду, начинает просвечивать словесная способность (сила), впрочем, не мгновенно вся проявляясь, а при старании возрастая вместе с совершенствованием органа, всегда принося такой плод, какой вмещает способность подлежащего²¹...

Глава XXX Краткое и более медицинское обозрение устройства нашего тела

...В природе тела мы узнаем три [цели], ради которых был устроен в нас каждый член, — ради жития, ради доброжития²² и ради того, чтобы быть способным к потомственному преемству. А то в нас, без чего не может возникнуть человеческая жизнь, заключено, как мы поняли, в трех членах: в мозге, в сердце и в печени. А то, что является добавочным благом и щедростью природы и через что человеку даруется благожитие [благополучие], суть органы чувств... Кроме этих членов есть и другие, которые, будучи приданными всякому [из органов], служат все сообща прочности [организма], являясь в каждом случае подходящим дополнением друг ко другу... Потому, благодаря такому разделению в нашем устройстве, можно окончательно убедиться, что сила к жизни производится в нас не однообразно в одной какой-либо части, но что природа, распределив по множеству частей стремление к поддержанию нашего состава, вынуждает каждую часть вносить свой вклад в целое...

Благодаря этому мастерскому и искусному [акту] создания [в человеческой природе] тотчас же обнаруживается сопряженная с ней сила души, первоначально кажущаяся слабой, но впоследствии просиявающая вместе с совершенствованием своего орудия. Подобное можно видеть у камнерезов. Художнику нужно представить в камне вид какого-нибудь животного. Задавшись такой целью, он сперва соскабливает с камня нарощее на нем вещество; затем, отсеки от него лишнее, производит, подражая предположенному, его первое подобие, так что уже и неопытный может догадаться по внешнему виду о цели произведения. Продолжая обрабатывать далее, он еще ближе подходит к делаемому образу. Потом, передав совершенный и точный вид, он доводит произведение до конца. И этот незадолго до того ничем не отмеченный камень становится львом или тем, чем его делает мастер, — не потому, что соответственно виду заменяется вещество, а потому, что веществу искусственно придается вид.

Нечто подобное полагая о душе, мы не погрешим против действительности. Ибо мы утверждаем, что мастерающая все природа создает изваяние из однородного вещества, приняв в себя часть от человека. Но как и в работе с камнем подобие достигалось постепенно и понемногу, сперва слабое, а после окончания труда — совершенное, так и при вызревании органов образ души проявляется аналогично: несовершенно в незавершенном и в завершенном совершенно. Но и изначально он был бы совершен-

В *Долго и труден путь к совершенству, путь восстановления изначально утраченного. Начинает его человек с самого рождения.*

ным, если бы природа не повредилась злом. Из-за того и причастность страстному и животному рождением не дает божественному образу сразу просиять в создании, но последовательно известным путем от вещественных и более животных особенностей души ведет человека к совершенству. Такое

учение преподает и великий Апостол, в послании к Коринфянам говоря: *Егда бых младенец, яко младенец глаголах, яко младенец смыслях: еда же бых муж, отвергох младенческая* (1 Кор. 13, 11). Не другая душа входит в мужа, отличная от той, что в отроке, так что отвергается младенческое разумение и появляется мужское, но душа, несовершенно у одного, у другого обнаруживает совершенство...

Поэтому Павел, желающим слушать советуя достигать совершенства, предлагает и способ, как улучшить искомое, говоря, что должно совлечься *ветхаго человека и облечься в новаго, обновляемаго по образу Создавшего* (Кол. 3, 9—10). Но да возвратимся мы все к той же боговидной благодати, в которой изначально сотворил Бог человека, говоря: *Сотворим человека по образу Нашему и по подобию*. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

КОММЕНТАРИИ

1. В России активное знакомство с трудами Григория Нисского относится к 60-м годам XIX в. Было издано 8 томов его творений. Трактат «Об устроении человека» вошел в 1-й том. Данная публикация есть сокращенный вариант нового перевода с греческого, сделанного В.М.Лурье, и печатается по изданию: *Святой Григорий Нисский. Об устроении человека*. — СПб., 2000.

2. Трактат начинается посвящением младшему брату Григория — Петру, епископу Севастийскому.

3. Речь идет об общем наставнике Григория и Петра — старшем брате Василии Великом.

4. Василий Великий известен не только как поэт и создатель православной литургии, но и как автор «Бесед на шестоднев» (Бытие, 1,1), содержащих основы христианской космологии. Писал он их уже в конце жизни и успел прокомментировать лишь «пять дней творения». Довершить сей труд и взялся Григорий Нисский, желая раскрыть смысл «шестого и седьмого дня творения», когда был создан человек и проживал в Раю (Быт. 1, 2—3).

5. Имеется в виду грехопадение и его последствия.

6. Основой постулат, на котором выстраивается вся аргументация св. Григория, а позднее — и святоотеческой антропологии.

7. Учение о трех видах души излагается по Аристотелю.

8. В.Вернадский, геофизик и биофизик, уже в XX в., исследуя развитие биосферы, заметил эту тенденцию природы к накоплению качественных способов переработки информации и к усложнению на этом пути живых систем и организмов, стремящихся именно к совершенству. Тенденция эта реализовалась в человеке и таком его уникальном органе, как мозг.

9. Наблюдение, равное научному открытию, сделанному в XX в. в области физиологии, когда было найдено соответствие развития тонких мышц пальцев руки и интеллектуальных способностей, отвечающих за организацию речи. Умственная отсталость может лечиться кропотливым ручным трудом. Недаром же говорят на Руси «умелые (т.е. умные) руки».

10. Здесь точно описывается механизм взаимодействия сложных и открытых систем, развивающихся и резонирующих друг с другом, открытый в физике и космологии в конце XX в. и названный «синэргизмом» (с греч. «содружество, сотрудничество»). Термин взят из философии неоплатонизма.

11. Переводчик обращает наше внимание на то, что в греческой патристике есть два определения «воли»: воля как безличностная энергия творения («фелима») (она может быть божественная и может быть природная) и как свободное решение, принадлежащее личности, ее выбор («гноми»). Так как свобода изначально присуща Творцу по определе-

нию, то и человек свободен в своем решении. Речь идет не о бытовых поступках человека (здесь проявляется его природная «фелима»), а о выборе им для себя духовного идеала.

12. Когда человек приобретает другую волю — «гноми», только тогда он становится добродетельным.

13. В тексте Св. Григория «Всецелое» на греческом языке читается как «пан». Вот неожиданное открытие: один из универсальных символов ранней христианской экзегетики в средневековой философии был переведен с греческого на латынь как «вселенная», а с XVII века, с первой волной научной революции, слился с философским понятием «природа» («пантеизм» как вера в природу, это уже почти материализм). Очищая слово «пан» от вторичных смысловых наслоений, в контексте святоотеческой антропологии гораздо точнее перевести его на русский как Бытие. И тогда понятно, какое отношение Древо Жизни (Бытие как Всецелое Единство) имеет к человеку. Его плоды питали способности Адама мыслить всеобщими категориями и потому сочинять, называть (то есть говорить) и классифицировать разные явления по родам и видам. Именно эту обязанность он выполнял в Раю, как мы сказали бы сегодня, он создавал общее информационное поле Земли. Вкушение же плодов от древа познания Добра и Зла лишило его этой способности. Всецелое распалось на противоречия, на конкретные явления, множественность, Адам перестал метафизически, то есть сверхприродно (!), целостно мыслить и потому понимать Божественную речь. Бытие перешло в быт, Райский Сад превратился в окружающую среду, началась борьба с природой за выживание. Это ли не грехопадение?

14. Попытку заглянуть в это «неизреченное» сделал русский философ Н.Федоров на рубеже XIX и XX вв., основываясь на христианском обетовании о грядущем воскресении человечества. Его проект «Общее дело», направленный на борьбу со смертью во всех ее проявлениях, грандиозен и охватывает не только всех людей на земле, но и простирается в глубины космоса. Вот почему его считают основоположником философии русского космизма. А ведь ее истоки здесь — в святоотеческой антропологии.

15. К. Циолковский — не только автор теории ракетного кораблестроения, но и интересный философ, развивавший идеи своего учителя Н.Федорова, — писал о «лучистом человечестве», достигшем своего бессмертия.

16. Св. Григорий критикует здесь, с одной стороны, учение античных философов о вечности материи, с другой — учение о том, что вещественный мир был создан злым началом во вселенной, которое совечно Богу.

17. Речь идет не только о «перестановке» элементов в составе каждого из воскресающих тел, но и о преобразении их. (*Примечание переводчика*).

18. Св. Григорий употребляет слово «сторге» — один из многих синонимов «любви» в греческом языке, означающий родственную связь. (*Примечание переводчика*).

19. Св. Григорий в этом месте использует терминологию Платона («эйдос» — «образ», «идея», «сущность», мы бы сказали сегодня, «гено-

тип»), но перерабатывает ее в духе христианской космологии. Нетленная сущность человека — его душа, имеющая индивидуальный облик («эйдос»), по-своему отражающий лик Творца.

20. Эта мысль удивительным образом перекликается с идеей В.Вернадского о «живом веществе» планеты.

21. В этой мысли Св.Григория уже даны зачатки возрастной психологии, нашедшей свое развитие именно в гуманной педагогике, начиная с дидактики Я.Коменского.

22. Св.Григорий использует здесь слово «калос» — жизнь, «прекрасная» в глазах Создателя. (*Примечание переводчика*).

От первого читателя

Летом 2001 года я, начинающий педагог-психолог, находясь с детьми в городе Тутаеве, в разговоре с местным священником отцом Антонием о целях и методах работы православного психолога получила от него совет прочитать труд св. Иоанна Лествичника, чтобы понять глубинную природу человека. Думаю, что каждый психолог стремится к этому. И потому предложение быть 1-м читателем трудов первых христианских «отцов-пустынников», включенных в данный том Антологии, я посчитала большим везением и даже неким провидением. Теперь я понимаю, что человек, прикоснувшийся к этим трудам, уже имеет несколько другой душевный уклад, думает о людях по-иному — лучше и светлее.

Для нас, сегодняшних, оторванных от духовного наследия наших предков и мучительно, «со скрипом», пытающихся разобраться в природе человека, «Лествица» — необходимое руководство, наконец-то расставляющее все на свои места. Она открывает наши истоки — чистоту, перводанное совершенство, Божий замысел в нас — и показывает, как вернуть нашему уже падшему, утратившему Божье подобие человеческому естеству (то, что все имеем) первоначальный замысел. Наверное, можно сказать, что путь по Лествице — это восхождение к истоку. На этом пути должна идти огромная духовная работа по возрождению собственной души, обретению ею Образа, то есть новое ее рождение — то, что в православной традиции определяется как «обожение человека» или «спасение души». Прочитав «Лествицу», обретаешь «свет в конце тоннеля»: чем выше, тем очевиднее.

М.В.Смирных

ЕФРЕМ СИРИАНИН

(ок. 303—373)

Сирийский подвижник. Родился в г. Низибии (Месопотамия). В юности, после жизненных испытаний, ушел к отшельникам в окрестные горы и стал учеником старца Иакова, впоследствии святителя Низибийского. Вместе с ним Ефрем был на Первом Вселенском соборе в Никее (325), где слышал рассказ кесарийского епископа и сподвижника римского императора Константина Великого Евсевия Памфила о хранящихся в сирийском городе Эдессе Нерукотворенном Образе Спасителя и его послании Эдесскому царя Авгарю¹. После кончины Иакова в 338 г. Ефрем отправился в Эдессу и присоединился к подвижникам эдесской пустыни. Вскоре в нем открылся дар проповедника и писателя. Он был современником известных пустыльников египетских, навещал Великого Паисия — родоначальника монашеского общежития, специально ездил в Кесарию Каппадокийскую, чтобы встретиться со св. Василием Великим, слава о котором дошла и до Сирии. Но на его приглашение занять кафедру епископа в Кесарии Ефрем ответил отказом, не считая себя достойным этого. Подвижник много сделал полезного для жителей Эдессы. Он скончался на руках своих учеников, и при многочисленном стечении народа тело его предали земле, а потом останки были перенесены в храм.

О добродѣтеляхъ и страстяхъ²

1. Надобно знать, что поединку человекѣкъ двойственъ, т.е. состоитъ изъ тѣла и души, то и чувства имѣетъ двоякія. Есть пять чувствъ душевныхъ и пять чувствъ тѣлесныхъ. Душевные у мудрецовъ называются силами души, и суть слѣдующія: умъ, разумъ (разсудокъ), мнѣніе (смыслъ), воображеніе и чувствованіе; тѣлесныя же чувства суть: зрѣніе, осязаніе, слухъ, вкусъ, осязаніе. Отсюда происходятъ двоякія добродѣтели и двоякіе пороки. И всякому человеку весьма необходимо знать къ ясности, какия есть добродѣтели душевныя, и какия добродѣтели тѣлесныя, а также какия душевныя и какия тѣлесныя страсти.

NB Прочитав самую первую строчку, человек, который пытается сегодня заниматься самоанализом, а особенно психологической и педагогической практикой, должен удивиться и обрадоваться: «Почему никто не показал мне этих трудов раньше? Как можно сегодня говорить о психологии, никак не соотносясь с данными текстами, их существованием в истории развития человеческого знания о душе?» Уже в первых строках дано ясное и подлинное представление о природе человека. Кроме того, это еще и принципиально другой взгляд на нее: жизнеутверждающий, оставляющий надежду. Человеку дана полная «система ориентиров», и в ней наряду со всеми преградами обозначен его ресурс, его «духовное оружие» — «сим победиши» свое несовершенство.

Добродѣтели душевныя

2. О душевныхъ добродѣтеляхъ утверждаемъ, что главнымъ образомъ четыре родовыя добродѣтели, а именно: мужество, благоразуміе, цѣломудріе, справедливость. Отъ нихъ же рождаются слѣдующія душевныя добродѣтели: вѣра, надежда, любовь, молитва, смиреніе, кротость, великодушіе, терпѣніе, докромта, негибклкость, Боговѣдѣніе, нераздражительность, простота, нековзмущаемость, нелицемѣріе, праклолюкіе, скокода, отвращеніе отъ осужденія, отъ тщеславія, отъ киченія, отъ гордости, отъ зависти, отъ коварства и отъ сребролювія, сострадателность, милосердіе, щедрость, почтительность, благоговѣніе, влеченіе къ будущимъ везсмертнымъ благамъ, желаніе Царствія Божія, вожделѣніе всыновленія.

Добродѣтели тѣлесныя

3. Тѣлесныя же добродѣтели, о которыхъ вѣриче можно сказать, что онѣ вѣдѣніемъ по Богу обращаются къ орудіе добродѣтелей, и если чужды всякаго лицемерія и человекюкоудія, возводятъ человекка

къ пресѣянiю къ смиренiю и безстрастiю, сѣтъ слѣдующiя: воздержанiе, постѣ... бдѣнiе... удовольствованiе себя однимъ хитомъ, сѣхотенiе... питiе одной воды... нестяжательность, непопечительность о кѣ одеждѣ, несамолюбовность, ѹдненiе, безмолвiе... довольство малымъ, молчаливость, собственнорѣчное ѹпражненiе къ рукодѣлю и всякой тѣлесной подвижѣ. Все сiе, когда тѣло здорово и тревожатъ его плотскiя страсти, весьма нужно и полезно, а когда оно при помощи Божiей преодолѣло къ себѣ страсти, не столько необходимо; потому что все исполняетъ святое смиренiе и благодаренiе.

Страсти душевныя

4. Душевныя страсти сѣтъ: заккенiе, лѣность и невѣдѣнiе. Сими тремя страстями омрачаемое око душевное, т.е. ѹмъ, подпадаетъ господству прочихъ страстей, каковы сѣтъ: нечестiе, неправовѣрiе, т.е. всякая ересь, хѹла, раздражительность, гнѣвъ, досада, вспыльчивость, человеконенавистничество, памятозлобiе, клевета, осѹжденiе, неразумная печаль, страхъ, боязнь, раздоръ, ревность, зависть, тщеславiе, гордость, лицемерiе, ложь, невѣрiе, невагаоразѹмiе, неразборчивость, неадалновидность, ненасытность, любовстванiе, притязательность, пристрастiе, привязанность къ земному, ѹнынiе, малодушiе, невагадарность, ропотъ, киченiе, самолюбiе, запальчивость, высокомерiе, любовначалiе, человеконѹгодiе, коварство, безстыдство, нечувствительность, ласкательство, скрытность, насмѣшливость, двоедѹнiе, сонзволенiе на грѣхъ по страсти, непрестанное помышленiе о грѣхахъ, скитанiе помысловъ, самолюбiе — матеръ всего хѹдаго, сребролюбiе — корень всѣхъ пороковъ и страстей, злѹправiе и лѹкавство.

Тѣлесныя страсти

5. Тѣлесныя же страсти сѣтъ: чревоѹгодiе, прожорство, роскошь, пьянство, яденiе къ тайнѣ, разные роды сластолюбiя, ваѹдъ, прелюкодѣянiе, распѹтство, нечистота, кровосмѣшенiе, дѣторастлѣнiе, скотоложство, хѹдья пожеланiя и всякiя противоестественныя и постыдныя страсти, воровство, святотатство, разбой, ѹбийство по зависти или въ неразумномъ раздраженiи, всякое тѣлесное ѹспокоенiе, удовольствованiе хотѣнкiямъ плоти, особливо къ здоровомъ состоянiи тѣла, волшеество, ворожбы, чародѣянiя, гаданiя, предвѣщанiе, щегольство, легкомыслiе, нѣга, страсть къ нарядамъ, натиранiя лица, игра къ кости, пристрастная преданность мiрскимъ удовольствiямъ, жизнь плотѹгодная, одеваляющая³ ѹмъ, дѣлающая его оземленкившимся и ско-

топодобнымъ и никакъ не допускающая возвести взоръ къ Богу и къ дѣламъ добродѣтелей. Корнемъ же всѣхъ золъ и, какъ сказалъ бы иной, первую причину служатъ сластолюбіе, славолюбіе и сребролюбіе, отъ которыхъ раждается все худое.

6. Но человекъ не грѣшитъ ни однимъ грѣхомъ, если напередъ, какъ говоритъ мудрый изъ подвижниковъ Маркъ, не превозмогутъ надъ нимъ и не возобладаютъ имъ сильные эти исполны, т.е. завеніе, лѣность и невѣдѣніе. Ихъ же раждаетъ сластолюбивая и покойная жизнь, приязанность къ людской славѣ и развлеченію. А первоначальная причина и самая негодная мать всему этому есть самолюбіе, т.е. неразумная приязанность и страстная приерженность къ тѣлу, разліяніе и разсѣянность ума, вмѣстѣ съ острословнымъ сквернословіемъ, всякою вольностию въ рѣчахъ и смѣхомъ, кои приводятъ ко многому худому и ко многимъ паденіямъ.

7. Сверхъ того надобно знать, что обратившееся въ страсть славолюбіе весьма разнообразно и много имѣетъ видовъ, и что много удовольствій, обольщающихъ душу, когда не трезвенствуетъ она предъ Богомъ, и не объемяется страхомъ Божиимъ и любовію Христовою, озавоченная дѣланіемъ добродѣтелей. Ибо отсюду представляются тысячи удовольствій, привлекающихъ къ себѣ душевныя очи: и тѣлесная красота, и деньги, и роскошь, и слава, и лѣность, и гнѣвъ, и обладаніе, и любовначаліе, и любостыжательность... у которыхъ взоръ свѣтелъ и любезенъ, достаточенъ, чтобы привлечь къ себѣ обвороженныхъ чѣмъ либо подобнымъ... Всякая земная связь, всякое пристрастіе къ чему либо вещественному, какъ бы ни было оно малокажно, въ пристращающемся производитъ удовольствіе и пріятное ощущеніе, хотя неразумное, и въ послѣдствіи вредное, и вождельвательную⁴ силу души такъ сильно въ этомъ порабоцаетъ, что покорившійся страсти лишеніемъ любимаго ввергается въ раздражительность, въ печаль, въ гнѣвъ, въ памятьзлословіе. А если сверхъ пристрастія овладѣваетъ человекомъ хотя небольшая привычка, тогда, ўвы! она дѣлаетъ, что плѣненный неразумнымъ пристрастіемъ до конца предается ему, по причинѣ сокрытаго въ немъ удовольствія.

8. Удовольствіе похоти, по сказанному выше, многообразно, и находитъ себѣ удовлетвореніе не только въ блудѣ и другіхъ тѣлесныхъ наслажденіяхъ, но и въ прочіхъ страстяхъ. И цѣломудріе состоитъ не въ томъ только, чтобы воздерживаться отъ блуда и отъ плотскихъ удовольствій, но чтобы свободнымъ быть и отъ прочіхъ страстей. Потому корыстолюбецъ, сребролюбецъ, любостыжательный — не цѣломудръ. Какъ одинъ плѣняется тѣлесною красою, такъ

дѣланіемъ добродѣтелей и постоянною молитвою съ сердечнымъ сокрушеніемъ, гордость — тѣмъ, чтобы никого не осуждать и не унижать, но почитать себя послѣднимъ изъ всѣхъ...

Такимъ образомъ умъ, освокодившись отъ всѣхъ сказанныхъ страстей и вознесшись къ Богу, еще здѣсь начинаетъ жить жизнью блаженною, пріяхъ залогъ Св. Духа...

12. Душа, какъ сказано было выше, трехсоставна; потому что въ ней три силы: помысль, раздражительность и вождельніе. Если въ раздражительности есть любовь и человеколюбіе, а въ вождельніи чистота и цѣломудріе, то помысль свѣтелъ. А если въ раздражительности человеконенакитичество и въ вождельніи распутство, то помысль мраченъ.

Разумъ, когда страсти подчинены ему, бываетъ здоровъ, цѣломудренъ и свѣтелъ, духовно созерцаетъ соотношенія тварей Божіихъ, и возводится къ Святой и Блаженной Троицѣ.

Также и раздражительность тогда бываетъ въ естественномъ движеніи, когда любитъ всѣхъ человековъ, ни на кого изъ нихъ не сѣгуетъ и не помнитъ зла.

И вождельніе кѣрно природѣ, когда воздержаніемъ, смиренномудріемъ и нестяжательностію умертвитъ страсти, т.е. плотское удовольствіе, влеченіе къ корысти и къ преходящей славѣ; потому что вождельніе имѣетъ тройкое стремленіе: или къ плотскимъ удовольствіямъ, или къ пустой славѣ, или къ прелести богатства, — и по причинѣ сего противнаго разуму стремленія, неврежетъ о Богѣ и о Божіихъ заповѣдяхъ, замыкаетъ собственное свое благородство, ожесточается противъ ближняго, омрачаетъ помысль и не позволяеть ему возвести взоръ къ истинѣ...

13. Надокно знать, что въ мѣру совершенства какой бы то ни было добродѣтели невозможно достигнуть тому, кто въ продолженіе цѣлой жизни, съ неутомимымъ трудолюбіемъ не стремится пріобрѣсти ее дѣятельною рачительностію. Сіе должно сказать о милостынѣ, о молитвѣ, о любви или о которой угодно изъ родовыхъ добродѣтелей — о мужествѣ, благоразуміи, цѣломудріи и справедливости. — При непрерывности труда въ исполненіи добродѣтелей, надокно остерегаться, чтобы не умалять и совсѣмъ не уничтожать ихъ цѣны и значенія, допуская нехорошія при нихъ цѣли, напримѣръ — человекоугодіе, пустую славу и подокное. И сверхъ всего этого въ добродѣтеляхъ надокно упражняться всегда съ разсудительностію — которая выше всѣхъ добродѣтелей, какъ бы иѣкая царица и добродѣтель добродѣтелей.

14. Всѣмъ желающимъ преуспѣвать въ добродѣтели и старающимся уклониться отъ грѣха весьма необходимо знать еще, что поколику душа несравненно выше тѣла, потолки и душевныя добродѣтели, особенно же когоненныя и когоподражательныя, выше добродѣтелей тѣлесныхъ; равно какъ душевныя пороки тяжелѣе и пагубнѣе тѣлесныхъ какъ по своимъ дѣйствіямъ, такъ и по налагаемымъ наказаніямъ, хотя не знаю, почему ускользаетъ сіе отъ разумѣнія многихъ. Пьянства, блуда, воровства и близкихъ къ нимъ пороковъ какъ такихъ, которыми видимо многіе гнушаются, они остерегаются, боятся и избѣгаютъ; но равнодушно смотрятъ на пороки душевныя, — зависть, злопамятство, высокомеріе, лукавство, и корень всѣхъ золъ — сребролюбіе, и подобныя симъ пороки.

КОММЕНТАРИИ

1. Евсевий Памфил (ок. 260—340), епископ Кесарии (Палестинской), автор первой «Церковной истории», один из организаторов 1-го Вселенского Собора. Благодаря его «Истории» до нас дошел рассказ о проношении Нерукотворного Образа Спасителя — переданного самим Христом своего изображения на убрусе (полотенце) вместе с посланием для эдесского царя Авгаря его вельможе и художнику Ананию. Этот сюжет Евсевий Памфил заимствовал из хранившегося в эдесском архиве апокрифического сочинения св.Фаддея (ученика апостола Фомы), исполнившего обещание Иисуса покрестить Авгаря и его подданных, положив этим начало эдесской церкви в 38 г. До 944 г. послание и Образ хранились в Эдессе, даже после взятия города в 639 г. турками-османами, а потом в Константинополе. В 1204 г. Великий город был разграблен крестоносцами, эти святыни были похищены, перенесены на венецианский корабль, но пропали вместе с судном во время бури в Мраморном море.

2. Текст печатается по: Добротолюбие: В 5 т. — Т. 2: Факсимильное издание 1895 г. — М., 1992. — С. 369—376.

«Добротолюбие» (5 томов) — это наследие святоотеческой литературы, избранные труды подвижников восточной церкви IV—XIV вв., по крупницам собираемые и переписываемые греческими монахами, сохранившими традиции иноческой жизни в течение тысячелетия. В «Добротолюбии» зафиксирован опыт преобразования человеческой природы. Данное издание «Добротолюбия» было подготовлено в Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Оно представляет собой уточненное и дополненное издание первого русского перевода греческого оригинала, сделанного в XVIII в. Паисием Величковским. Именно 2-й том был существенно дополнен оптинскими подвижниками, в частности в него вошли избранные труды св.Ефрема, к тому времени уже переведенные на русский язык. Выбор извлечений из св.Ефрема был сделан по ссылке на него св.Кассиана, его младшего современника, египетского подвижника, перенесшего образцы иноческой жизни в 1-й трети V в. на свою родину — в Галлию (Южная Франция). Он сам оставил подробное описание жизни святых восточной церкви, его труды вошли во 2-й том греческого «Добротолюбия». Публикуемый отрывок из св.Ефрема входит в «122 слово» и полностью напечатан в т.3 его сочинений (*орфография подлинника*). Цитаты из Библии даны на церковно-славянском языке.

3. От слова «дебелый» (упитанный). Этимологически оно связано со словами «удобный», «крепкий», «плотный» т.е. ум ленивый, неповоротливый, нетворческий.

4. От слова «желание», т.е. естественная потребность души.

5. Здесь и далее проведен педагогический принцип «исправления от противного», т.е. перевоспитание особым и пусть даже порой как бы чрезмерным развитием в себе или в ученике противоположного качества. Это исцеление противоположным — весьма любопытный метод воспитания. (Ср.: Храбан Мавр. О воспитании клирика //Антология педагогической мысли христианского средневековья. — Т.1. — М., 1994.) (примечание В.Безрогова)

6. Св.Ефрем ссылается на эпизод из Евангелия от Матфея, в котором рассказывается об искушении Христа сатаной в пустыне.

АВВА ИОАНН, игумен Синайский (Лествичник)

(ок. 525—ок. 620)

Еще в IV в. Синайские горы служили местом постоянного пребывания множества путешественников, которых влекли туда и священные воспоминания о ветхозаветных чудесах Моисея и Илии, и безмолвие гор, и малонаселенность полуострова. В это время у подвижников синайских еще не было общего монастыря: они жили в келиях и пещерах и только в субботу собирались в храм, построенный, по преданию, царицею Еленой, матерью Великого Константина — крестителя Рима, на том месте, где Бог явился пророку Моисею в горящей купине. Синайские пустынники неоднократно подвергались нападению сарацин, пока византийский царь Юстиниан I по их просьбе не приказал воздвигнуть в 527 г. у подошвы Синайской горы монастырь¹. С 16 лет подвизался в этих местах Иоанн, живя в келии и пещерах, 40 лет провел он в безмолвии. Но слава о нем достигла монастырской братии, и они пришли к Иоанну просить его стать их игуменом. Он согласился, и произошло это на семьдесят пятом году его жизни. За свою ученость Иоанн был прозван Схоластом. Сохранилось несколько писем к нему от папы Григория Великого. Авва Иоанн был настоятелем монастыря несколько лет, последние годы жизни он вновь провел в пустыни и умер в уединении.

ПОДВИЖНИЧЕСКИЕ СЛОВА ² АВВЫ ИОАННА, ИГУМЕНА МОНАХОВ СИНАЙСКОЙ ГОРЫ,

ПОСЛАННЫЕ ИМ К АВВЕ ИОАННУ, ИГУМЕНУ РАИФСКОМУ,
КОТОРЫЙ ПОБУДИЛ ЕГО К СЕМУ СОЧИНЕНИЮ

СЛОВО 1

ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ ЖИТИЯ МИРСКОГО

1. Из всех созданных благим и преблагим и всеблагим Богом нашим и Царем (ибо слово к рабам Божиим прилично и начать от Бога), разумных и достоинством самовластия почтенных существ, одни суть други Его, другие истинные рабы, иные рабы непотребные, иные совсем чужды Его, а другие, наконец, хотя и немощны, однако противятся Ему. И други Его, о священный отче, как мы полагаем, суть собственно умные и бестелесные существа, Его окружающие; истинные рабы Его — все те, которые неленостно и неослабно исполняют волю Его, и непотребные — те, которые, хотя и удостоились крещения, но обетов, данных при оном, не сохранили как должно. Под именем чуждых Бога и врагов Его следует разуметь неверных, или зловерных (еретиков); а противники Богу суть те, кои не только повеления Господня сами не приняли и отвергли, но и сильно вооружаются против исполняющих оное.

2. ...Итак, поспешим теперь исполнить повеление истинных рабов Божиих, которые благочестиво нас понудили и верою своею убедили... и на гладких и чистых сердцах их, как на некоторой бумаге, или, лучше сказать, на духовных скрижалях⁴, станем живописать Божественные слова, или, вернее, Божественные семена, и начнем так:

3. Всех одаренных свободною волею Бог есть и жизнь, и спасение всех, верных и неверных, праведных и неправедных, благочестивых и нечестивых, бесстрастных и страстных, монахов и

В *Если бы мы все, наконец, услышали и поняли эти слова: о нашей свободной воле и о возможности спасения с Богом. (Слишком часто эти понятия идут вразрез друг с другом). Отец Антоний из г.Тутаева, что на Волге, во время встреч с ребятами из Москвы пересказал им свою непростую беседу с одним военным.*

мирских, мудрых и простых, здравых и немощных, юных и престарелых; так как все без изъятия пользуются излишним светом, сиянием солнца и переменами воздуха; несть бо лицепрятия у Бога (Рим. 2, 11).

4. Нечистивый есть разумное и смертное создание, произвольно удаляющееся от жизни Бога и о Творце своем присносущем помышляющее как о несуществующем. Законопреступник есть тот, кто закон Божий со-

— *Батюшка, я Вам могу задать такой вопрос, на который Вы не сможете ответить.*

— *Задавайте.*

— *Может ли Бог создать такой камень, который сам поднять не сможет?*

— *Может, — ответил батюшка, — уже создал. Это человек с его свободной волей. Бог создал нас без нас, но спасти нас без нас не может.*

держит по своему злоумию и думает веру в Бога совместить с ересью противною. Христианин есть тот, кто, сколько возможно человеку, подражает Христу словами, делами и помышлениями, право и непорочно веруя во Святую Троицу. Боголюбец есть тот, кто пользуется всем естественным и безгрешным и, по силе своей, старается делать добро. Воздержник тот, кто посреди искушений, сетей и молвы, всею силою ревнует подражать нравам свободного от всего такого... Монах есть тот, кто держится одних только Божиих словес и заповедей во всяком

времени и месте, и деле. Монах есть всегдашнее понуждение естества и неослабное хранение чувств. Монах есть тот, у кого тело очищенное, чистые уста и ум просвещенный...

5. Все, усердно оставившие житейское, без сомнения, сделали это или ради будущего Царствия, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу. Если же они не имели ни одного из сих намерений, то удаление их из мира было безрассудное. <...>

7. Когда хотим выйти из Египта и бежать от Фараона, то и мы имеем необходимую нужду в некоем Моисее, то есть ходатае к Богу и по Боге, который, стоя посреди деяния и видения, воздевал бы за нас руки к Богу, чтобы наставляемые им перешли море грехов и победили Амалика страстей... Ибо по гнилости ран потребен для нас и врач весьма искусный.

8. Покусившимся с телом взойти на небо поистине потребно крайнее понуждение... Труд, труд и большая сокровенная горесть неизбежны в сем подвиге, особенно для нерадивых, доколе ум наш, сей яростный и сластолюбивый пес, чрез простоту, глубокое безгневие и прилежание, не делается целомудренным и люборассмотрительным...

9. Всем, приступающим к сему доброму подвигу, жестокому и тесному, но и легкому, должно знать, что они пришли ввергнуться в огонь, если только хотят, чтобы в них вселился невещественный огонь...

10. Приходящие к сему подвигу должны всего отречься, все презреть, всему посмеяться, все отвергнуть, чтобы положить им твердое основание. Благое же основание, трехсоставное или трехстолпное, составляют **незлобие, пост и целомудрие**. Все младенцы во Христе да начинают с этих добродетелей, принимая в пример чувственных младенцев, у которых никогда ничего нет злобного, ничего льстивого; нет у них ни алчности неутолимой, ни ненасытного чрева, ни телесного разжжения; оно появляется уже впоследствии, с возрастом, и может быть по умножении пищи⁵.

11. Поистине достойно ненависти и бедственно, когда борющийся, при самом вступлении в борьбу, ослабевает, показывая этим верный признак близкого своего побеждения. От твердого начала, без сомнения, будет нам польза, если бы мы впоследствии и ослабели; ибо душа, бывшая прежде мужественною и ослабевши, воспоминанием прежней ревности, как острым орудием, бывает возбуждаема, посему многократно некоторые воздвигали себя таким образом (от расслабления). <...>

13. Отрекшийся от мира из страха подобен фимиану, который сперва благоухает, а после оканчивается дымом. Оставивший мир ради воздаяния подобен мельничному жернову, который всегда одинаково движется; а исшедший из мира по любви к Богу в самом начале приобретает огонь, который, быв ввержен в вещество, вскоре возжжет сильный пламень. <...>

NB Если только вздуматься, Кто нас зовет!.. А нас, порой, ничто не может сдвинуть с места, как тот камень...

шедших красть, которые Бога не убоялись, а услышав там лай собак, тотчас возвратились назад, и чего не сделал страх Божий, то успел сделать страх зверей. Возлюбим Господа хотя так, как любим и почитаем друзей; ибо я много раз видел людей, прогнавших Бога и несколько о том не заботившихся, но те же самые, какою-нибудь малостию огорчив своих друзей, употребляли все искусство,... чтобы только возвратить прежнюю их любовь.

NB Действительно, как бывает больно, горестно и одиноко вначале после своего решения духовно проснуться. При этом каждый раз, когда пытаешься «подняться», сделать хоть один шагочек вперед и вверх, ощущаешь, как продираешься как будто сквозь тернии. А потом все легче и легче, и, главное, радостно. Если бы мы могли не оставлять этого навыка! Не пришлось бы тогда каждый раз учиться ходить заново.

15. Как позванные Богом и Царем усердно устремимся в путь... Благоугодим Господу, как воины угождают Царю; ибо, вступивши в это звание, мы подлежим строгому ответу о служении. Убоимся Господа хотя так, как боимся зверей; ибо я видел людей,

шедших красть, которые Бога не убоялись, а услышав там лай собак, тотчас возвратились назад, и чего не сделал страх Божий, то успел сделать страх зверей. Возлюбим Господа хотя так, как любим и почитаем друзей; ибо я много раз видел людей, прогнавших Бога и несколько о том не заботившихся, но те же самые, какою-нибудь малостию огорчив своих друзей, употребляли все искусство,... чтобы только возвратить прежнюю их любовь.

16. В самом начале отречения, без сомнения, с трудом, понуждением и горестию исполняем добродетели; но, преуспевши, перестаем ощущать в них скорбь, или ощущаем, но мало; а когда плотское мудрование наше будет побеждено и пленено усердием, тогда совершаем их уже со всякою радостию и ревностию, с вожделением и Божественным пламенем.

17. Сколько похвальны те, которые с самого начала со всею радостию и усердием совершают заповеди, столько достойны жалости те, которые, долго пребывая в иноческом обучении, еще с трудом совершают, хотя и совершают, подвиги добродетелей. <...>

20. Если бы земной царь позвал нас и пожелал бы нас поставить в служение пред лицом своим: мы не стали бы медлить, не извинялись бы, но, оставив все,

усердно поспешили бы к нему. Будем же внимать себе, чтобы, когда Царь царствующих и Господь господствующих и Бог богов зовет нас к небесному сему чину, не отказаться по лености и малодушию и на великом суде Его не явиться безответными...

21. Некоторые люди, нерадиво живущие в мире, спросили меня, говоря: «Как мы, живя с женами и сплетаясь мирскими пощениями, можем подражать житию монашескому?» Я отвечал им: «Все доброе, что только можете делать, делайте; никого не укоряйте, не скрадывайте, никому не лгите, ни перед кем не возносите, ни к кому не имейте ненависти, не оставляйте церковных собраний, к нуждающимся будьте милосерды, никого не соблазняйте, не прикасайтесь к чужому ложу, *будьте довольны оброки жен ваших*. Если так будете поступать, то не далеко будете от Царствия Небесного».

NB *Ведь эти слова обращены прежде всего к нашим детям, ученикам, вверенным нам (и конечно, к нам тоже). Как это донести до них, перевести на уровень их понимания, найти нужные слова, достучаться до их сердца? Очень больно видеть (мы же любим наших детей!), как кто-то «падает», к кому-то эта опасность подходит совсем близко, а ты даже не имеешь слов, чтобы предупредить, объяснить, что с ним происходит. Порой и слова есть, да ребята им не верят. Значит, нужно искать такие, чтобы поверили.*

22. С радостью и страхом приступим к доброму сему подвигу; не будем бояться врагов наших... Вооружимся против них благодушно, ибо с мужественным борцом никто бороться не смеет. <...>

24. Усердно приноси Христу труды юности твоей, и возрадуешься о богатстве бесстрастия в старости: ибо собираемое в юности питает и утешает изнемогших в старости. Юные! Потрудимся ревностно, потечем трезвенно; ибо смерть неизвестна. Мы имеем врагов лукавых и злых, коварных, пронырливых, державших огонь в руках и желающих сжечь храм Божий... тем самым пламенем, который в нем, врагов сильных и никогда не спящих, невещественных и невидимых. Итак, никто из юных не должен слушать враждебных бесов...

25. Желаящие истинно работать Христу прежде всего да приложат старание, чтобы, при помощи духовных отцов и собственным рассуждением, избрать себе приличные места и образы жизни, пути и обучения: ибо не для всех полезно общежитие, по причине сластолюбия, и не все способны к безмолвию, по причине гнева; но каждому должно рассматривать, какой путь соответствует его качествам. <...>

NB *Как не погасить эту горячность к добродетели? И как, сохранив, преумножить ее? Вопросы повседневной жизни каждого педагога...*

27. Итак, кто есть инок верный и мудрый? Кто горячность свою сохранил неугасимую, и даже до конца жизни своей не переставал всякий день

прилагать огонь к огню, горячность к горячности, усердие к усердию и желание к желанию.

Первая степень. Вступивший на нее не обращайся вспять.

СЛОВО 2

О БЕСПРИСТРАСТНИИ, ТО ЕСТЬ ОТЛОЖЕНИИ ПОПЕЧЕНИЙ И ПЕЧАЛИ О МИРЕ

1. Кто истинно возлюбил Господа, кто истинно желает и ищет будущего царствия, кто имеет истинную скорбь о грехах своих, кто поистине стяжал память о Страшном Суде, кто истинно страшится своего исхода из сей жизни, тот не возлюбит уже ничего временного, уже не позаботится и не понется ни об имениях и приобретениях, ни о славе мира сего, ни о друзьях, ни о братьях, словом, ни о чем земном, но отложив все мирское и всякое о нем попечение,... наг и без лености последует Христу, непрестанно взирая на небо и оттуда ожидая себе помощи, по слову святого, сказавшего: *прильпе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9). <...>

В Человеку, начинающему свой духовный путь, можно, как с картой, которая помогает не сбиться с тропы, сверяться с этими словами св. Иоанна Лествичника. Кроме того, идти, видимо, нужно так же как на горном маршруте — внимательно, не торопясь. Ступать осторожно, проверяя шаги, постепенно «удаляясь от земли», «набирая высоту». Ведь путь очень трудный — узкий, который начинается отречением. Идти-то мы согласны, но оставить до конца все свое прежнее здесь, «внизу»... кажется, мыслимо ли? Учитель как никто другой призван помочь своему воспитаннику соразмерять свои силы и возможности на этом пути.

5. Все, желающие с пламенным усердием проходить подвиг, рассмотрим внимательно, как Господь всех пребывающих в мире и живых назвал мертвыми, сказав некоему: *оставь мертвым*, то есть мирянам, умершим в суете мирской, *погребать своих мертвецов* (Лк. 9, 60)...

6. ...Видел я весьма многие и различные растения добродетелей, насаждаемые мирскими людьми, и как бы от подземного стока нечистоты напояемые тщеславием, оканываемые самохвальством и утучняемые навозом похвал; но они скоро засохли, когда были пересажены на землю пустую, недоступную для мирских людей и не имеющую смрадной влаги тщеславия, ибо любящие влагу растения не могут приносить плода в сухих и безводных местах. <...>

8. Будем внимать себе, чтобы, думая идти узким и тесным путем, в самом деле не блуждать по пространному и широкому. Узкий путь будет тебе показан утеснением чрева, умеренным питием воды, скудостью хлеба, чистительным питием бесчестия, при-

нятием укоризн, осмеяний, ругательств... Когда будешь обижен — терпеть мужественно; когда на тебя клеветают — не негодовать; когда уничижают — не гневаться; когда осуждают — смиряться. Блаженны ходящие стезями показанного здесь пути, *яко тех есть Царство Небесное* (Мф. 5, 3—12).

9. Никто увенчанным не войдет в небесный чертог, если не совершит первого, второго и третьего отречения. Первое есть отречение от всех вещей и человеков, второе есть отречение своей воли; а третье — отвержение тщеславия, которое следует за послушанием. *Изыдите от среды их и отлучитесь, и нечистоте мира не прикасайтесь, глаголет Господь* (2 Кор. 6, 17)...

Степень вторая. Текущий да бежит, подражая Лоту, а не же-не его.

СЛОВО 3

О СТРАННИЧЕСТВЕ, ТО ЕСТЬ УКЛОНЕНИИ ОТ МИРА

1. Странничество есть невозвратное оставление всего, что в отечестве сопротивляется нам в стремлении к благочестию. Странничество есть недерзновенный нрав, неведомая премудрость, необъявляемое знание, утаиваемая жизнь, невидимое намерение, необнаруживаемый помысл, хотение уничижения, желание тесноты, путь к Божественному вожделению, обилие любви, отречение от тщеславия, молчание глубины.

2. Вначале обыкновенно, как бы огнем божественным, сильно и продолжительно беспокоит любителей Господних помысл об удалении от своих, желанием худости и тесноты побуждающий к оному любителей такого добра. Но сколь велик и достоин хвален сей подвиг, столь великого и рассуждения требует; ибо не всякое странничество, предпринимаемое в крайней степени, есть добро. Или потому, что предпринимается самонадеянно и дерзновенно, или выше сил и возможности.

3. Если всякий пророк *без чести* в своем отечестве, как сказал Господь; то должно остерегаться, чтобы уклонение от мира не было нам поводом к тщеславию. Ибо странничество есть отлучение от всего с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучною с Богом... Странник есть тот, кто избегает всякой привязанности как к родным, так и к чужим.

NB *За собой следить, над своей душой работать, причем, не откладывая — в этом мы должны поспешить. Спасаться, пока отпущено время. Нам напоминают: не спешить и спасать других,*

4. Поспешая к жизни уединенной, или странничеству, не дожидайся миролюбивых душ, ибо тать приходит нечаянно. Многие, покусившись спастись вместе с собою нерадивых и ленивых, и сами вместе с ними погибли, когда огонь ревности их угас со временем. Ощутивши пламень, беги; ибо не

оборачивайся сперва на себя. Не всем из нас других наставлять полезно, но себя необходимо всем. Только слышим ли?

знаешь, когда он угаснет и оставит тебя во тьме. О спасении других не все подлежим ответу; ибо божественный Апостол говорит: тем же убо кийждо нас, братие, о себе слово даст Богу.

И опять: научая инога, себе ли не учиши? (Рим. 2, 21). Как бы сказал: все ли должны мы пешись о других, не знаю; о самих же себе всячески должны мы заботиться. <...>

9. Тех мест, которые подают тебе случай к падению, убегай как бича; ибо когда мы не видим запрещенного плода, то не так сильно его и желаем. <...>

11. Когда мы, на год или на несколько лет удалившись от своих родных, приобретем малое некоторое благоговение или умиление, или воздержание, тогда суетные помыслы, приступивши, побуждают нас опять идти в отечество для назидания, говоря, и примера и пользы многих, видевших некогда наши беззаконные дела; а если мы еще богаты даром слова и имеем сколько-нибудь духовного разума, тогда уже как спасителям душ и учителям советуют они нам возвратиться в мир с тем, чтобы мы благополучно собранное в пристанище бедственно расточили в пучине. Постараемся подражать Лоту, а не жене его; ибо душа, обратившись туда, откуда вышла, уподобится соли, потерявшей силу, и делается неподвижною. Беги из Египта невозвратно; ибо сердца, обратившиеся к нему, не увидели Иерусалима, то есть земли бесстрастия. <...>

13. Странник тот, кто везде с разумом пребывает, иноязычный среди иноязычного народа. Мы удаляемся от близких наших, не по ненависти к ним (да не будет сего), но избегая вреда, который можем от них получить. Как во всех благих делах, так и в сем, учителем нашим есть Сам Христос, ибо видим, что и Он многократно оставлял родителей по плоти...

14. Да будет отцем твоим тот, кто может и хочет потрудиться с тобою для свержения бремени твоих грехов; а матерью — умиление, которое может омыть тебя от скверны; братом — сотрудник и соревнитель в стремлении к горнему; сожительницу неразлучную стяжи — память смерти; любезными чадами твоими да будут сердечные воздыхания; рабом да будет тебе тело твое, а друзей приобретай в небесных силах, которые во время исхода души могут быть полезными для тебя, если будут твоими друзьями. *Сей есть род ищущих Господа* (Пс. 23, 5). <...>

18. Утаевай благородство свое и не величайся своею знатностью, чтобы не оказался ты один на словах, а другой на деле. <...>

20. Иногда Господь много прославляет того, кто делается странником по примеру сего Великого; но хотя сия слава и от Бога дается, однако ее хорошо отвращать шитом смирения.

21. Когда бесы или люди будут хвалить нас за странничество, как за великий подвиг, тогда помыслим о Том, Который ради

нас снишел на землю в виде странника, и найдем, что мы воздать за сие во веки веков не можем. <...>

23. Добрый и благоустроенный нрав приобретается многим трудом и подвигом, но можно в одно мгновение потерять то, что было приобретено и многим подвигом. *Тягъ бо обычаи благи беседы злыя* (1 Кор. 15, 33), мирские и непристойные. Кто по отречении от мира обращается с мирскими людьми, или близ них пребывает, тот, без сомнения, или впадает в их дела и сети, или осквернит сердце помышлением о них; или хотя не оскверняясь, но осуждая оскверняющихся, и сам с ними осквернится.

♦ СНОВИДЕНИЯХ, БЫВАЮЩИХ НОВОНАЧАЛЬНЫМ

24. Нельзя скрыть того, что понятие ума нашего весьма несовершено и всячески исполнено неведения; потому что гортань различает снеди, слух распознает мысли; при взгляде на солнце оказывается немощь очей; а неразумие души обнаруживают слова. Но закон любви понуждает и на то простираться, что выше силы. Итак, я думаю (впрочем, не утверждаю), что после слова о странничестве и даже в самом этом слове, должно сказать несколько о сновидениях, чтобы нам знать и о сем коварстве злострых наших врагов.

25. Сновидение есть движение ума при недвижности тела. Мечтание есть обман очей в усыплении мысли. Мечтание есть исступление ума при бодрствовании тела. Мечтание есть видение того, чего нет.

26. ...Кто верит снам, тот подобен человеку, который бежит за своею тенью и старается схватить ее.

27. Бесы тщеславия — пророки в снах; будучи пронирыливы, они заключают о будущем из обстоятельств и возвещают нам оное, чтобы мы, по исполнении сих видений, удивились и, как будто уже близкие к дарованию прозрения, вознеслись мыслию. Кто верит бесу, для тех он часто бывает пророком; а кто презирает его, пред теми всегда оказывается лжецом...

28. Бесы многократно преобразуются в ангелов света и в образ мучеников и представляют нам в сновидении, будто мы к ним приходим; а когда пробуждаемся, то исполняют нас радость и возношением... Если станем покоряться бесам в сновидениях, то и во время бодрствования они будут ругаться над нами. Кто верит снам, тот вовсе не искусен; а кто не имеет к ним никакой веры, тот любомудр. Итак, верь только тем сновидениям, которые возвещают тебе муку и суд; а если приводят тебя в отчаяние, то и они от бесов.

Сия третья степень, равночисленная Святой Троице. Вступившие на нее да не уклоняются ни направо, ни налево. (Втор. 5, 32)

СЛОВО 4

О БЛАЖЕННОМ И ПРИСНОПАМЯТНОМ ПОСЛУШАНИИ

1. По порядку слова прилично нам предложить теперь о подвижниках Христовых.

2. Не преминем, если угодно, изъяснить в этом слове и самый образ воинствования сих мужественных ратников: как они держат щит веры к Богу и к своему наставнику, отвращая им, так сказать, всякий помысл неверия и переходение (в другое место); и всегда вознося меч духовный и будучи одеты в железную броню кротости и терпения, отражают ею всякое оскорбление, уязвление и всякие стрелы; имеют они и шлем спасения — молитвенный покров своего наставника; ногами же своими не стоят совокупленно, но одну простирают на служение, а другую имеют неподвижно на молитве. <...>

5. О вы, которые решились вступить на поприще сего мысленного исповедничества; вы, которые хотите взять на выю свою иго Христово; вы, которые отселе желаете сложить бремя свое на выю другого; которые стремитесь добровольно продать себя в рабство, чтобы в замену одного получить истинную свободу; вы, которые проплываете великую сию пучину, будучи поддерживаемы руками других: знайте, что вы покусились идти путем кратким, хотя и жестоким, на котором одна только есть стезя, вводящая в заблуждение: она называется самочинием...

6. Когда мы, в намерении и разуме смиренномудрия, желаем покорить себя ради Господа, и без сомнения верить спасение наше иному; то, еще прежде вступления нашего на сей путь, если мы имеем сколько-нибудь проникательности и рассуждения, должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача на больного, вместо бесстрастного на человека, обладаемого страстями, вместо пристани в пучину, и таким образом не найти готовой погибели. Но по вступлении на поприще благочестия и повиновения уже отнюдь не должны мы испытывать или судить в чем-нибудь доброго нашего наставника и судию, хотя, может быть, в нем, как в человеке, и увидим некоторые малые согрешения. Если же не так, то сделавшись сами судьями, не получим никакой пользы от повиновения.

7. Желаящим соблюдать всегда несомненную веру к наставникам необходимо нужно незабвенно и неизгладимо хранить в сердце своем их добродетели, с тем, чтобы воспоминанием об оных заградить уста бесам, когда они станут в нас всевать к ним неверие: ибо сколько вера цветет в сердце, столько и тело успевает в служении, а кто преткнулся о камень неверия, тот уже пал...

8. Отцы псалмопение называют оружием, молитву — стеною, непорочные слезы — умывальницею, а блаженное послушание

назвали исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа. <...>

10. Прежде всего исповедуем доброму судии нашему согрешения наши наедине; если же повелит, то и при всех, ибо язвы объявляемые не преуспевают на горшее, но исцелеют. <...>

13. Видел я многое достойное удивления и памяти у одного достославного пастыря и в пастве его; и большую часть из этого постараюсь вам сообщить; ибо я не малое время находился у них, рассматривая их образ жизни, и весьма удивлялся, видя, как сии жители земли подражали небожителям.

14. Они были связаны друг с другом неразрывным союзом любви; и что еще удивительнее, при такой любви они были чужды всякой вольности и празднословия; прежде же всего обучались тому, чтобы не уязвить чем-нибудь совести брата. Если же в ком обнаруживалась ненависть к брату, то пастырь отсылал такого, как преступника, в особенный монастырь. Некогда один брат оклеветал пред ним ближнего: сей преподобный тотчас повелел его выгнать, говоря, что не должно допускать быть в обители двум диаволам, то есть видимому и невидимому.

15. Видел я у сих преподобных отцев дела поистине полезные и удивительные: братство собранное и связанное о Господе, имевшее чудное деяние и видение, ибо они так упражняли сами себя и обучали божественным добродетелям, что почти не имели нужды в напоминании настоятеля, но добровольно возбуждали друг друга к божественной бдительности. У них были установлены и навыком утверждены некоторые преподобные и божественные обычаи. Например, если случалось, что кто-нибудь из них, в отсутствие предстоятеля, начинал укорять или осуждать кого-нибудь, или вообще празднословить, то другой брат неприметным мановением напоминал ему о бесчинии и удерживал его; если же тот не вразумлялся, тогда напоминавший, сделав поклон, удалялся. <...>

18. Если же кому-нибудь из них случалось пасть в какой-нибудь проступок, то братия убедительно просили его сложить на них все попечение по сему случаю и ответ пред пастырем, и наказание. Посему и великий сей муж, зная об этом делании своих учеников, назначал уже легчайшие наказания, будучи уверен, что наказываемый не виноват; даже он и не изыскивал, кто из них подлинно впал в проступок.

19. Как могло иметь у них место празднословие или кощунство? Если кто-нибудь из них начинал распрю с ближним, то другой брат, тут случившийся, делал поклон и тем укрощал их гнев. Когда же замечал в них памятозлобие, то объявлял о раздоре второму по настоятеле; и тот приводил их к примирению прежде захождения солнца. А если они упорствовали в ожесточении, то им или запрещалось вкушать пищу до примирения, или они были изгоняемы из обители.

20. Сия достохвальная предосторожность наблюдалась у них не напрасно, но приносила и оказывала обильный плод; ибо многие между сими преподобными просияли как деятельною жизнью, так и рассмотрительностию, рассуждением и смиренномудрием. У них можно было видеть чудное и ангелоподобное зрелище: украшенные сединами и священолепные старцы, как дети, притекали к послушанию и имели величайшею похвалою — свое смирение. Там видел я мужей, пребывавших в послушании лет по пятидесяти, которых я просил сказать мне, какое утешение получили они от такого труда? Одни из них говорили, что низошли в бездну смиренномудрия, которым навек всякую брань отразили, а другие сказывали, что достигли совершенного неощущения и безболезненности в коризнах и досадах.

21. Видел я и других, между сими приснопамятными⁸, украшенных белизною ангеловидною, которые пришли в состояние глубочайшего незлобия и простоты упрямудренной, произвольной и богоисправленной. Ибо как лукавый человек есть нечто двойственное: один по наружности, а другой по сердечному расположению; так простой — не двойственен, но есть нечто единое. Простота же оных отцев была не безрассудная и несмысленная, по примеру старых людей в мире, которых называют выжившими из ума. По наружности они всегда были кротки, приветливы, веселы; и слова и нрав их были непритворны, непринужденны и искренни, что не во многих можно найти; внутри же, в душе, они, как незлобивые младенцы, дышали Богом и наставником своим, и на бесов и на страсти зирали твердым и строгим оком ума.

22. Времени жизни моей не достанет мне, о священный пастырь и боголюбивое собрание, на описание добродетелей и небоподражательного жития сих блаженных отцев. Однако слово наше к вам лучше украсить повествованием об их подвигах. <...>

♦ ЛАВРЕНТИЙ

25. Когда я однажды сидел за трапезою с великим сим настоятелем, он приклонил святые уста свои к моему уху и сказал: «Хочешь ли, я покажу тебе в глубочайшей седине божественное мудрование?» Я просил его об этом, и преподобный отец позвал от второй трапезы инока, по имени Лаврентия, который около сорока восьми лет жил в той обители и был вторым соборным пресвитером. Он пришел и, поклонившись игумену до земли, принял от него благословение. Но когда встал, то игумен ничего не сказал ему, а оставил его стоять перед трапезою не евши; обед же только начинался. Так он стоял с час или два, и мне стало уже стыдно взглянуть на лицо сего делателя; ибо он был совершенно седой, имея уже восьмидесятый год от роду...

26. Я же не упустил случая испытать сего старца и спросил его, о чем он помышлял, стоя перед трапезою. Он отвечал: «Представляя себе пастыря во образе Христа, я никогда не помышлял, что получаю повеления от него, но от Бога; посему и стоял я, отче Иоанне, не как перед трапезою человеческою, но как перед жертвенником Божиим, и молился Богу; и по вере и любви моей к пастырю я не имел против него никакого лукавого помышления. Ибо некто сказал: *любви не мыслит зла* (1 Коринф. 13, 5). Впрочем и то знай, отче, что если кто предал себя просто и добровольному незлобию, в том лукавый уже не находит себе места ни на мгновение». <...>

ОБ АВВАКИРЕ

29. Послушаем еще и подивимся премудрости Божией, обретающейся в скудельных сосудах. Находясь в той же обители, я удивлялся вере и терпению некоторых новоначальных и тому, как они с неутомимою твердостью переносили от настоятеля выговоры и укоризны, а иногда и отгнания, и терпели это не только от настоятеля, но и от других меньших. Для душевного назидания спросил я одного из братии, уже пятнадцать лет жившего в той обители, по имени Аввакира, которого, как я видел, почти все обижали; а служители едва не каждый день выгоняли из трапезы, потому что сей брат от природы был несколько невоздержан на язык. «Брат Аввакир, — сказал я ему, — за что тебя всякий день выгоняют из трапезы, и я часто вижу, что ты идешь спать без ужина?» Он отвечал: «Поверь, отче, сии отцы мои искушают меня, точно ли я монах?.. они, при вступлении моем в обитель, говорили, что до тридцати лет искушают отрицающихся от мира. И справедливо, отче Иоанне, ибо не искушенное золото не бывает чисто». <...>

ОБ АРХИДИАКОНЕ МАКЕДОНИИ

31. Обижу я всех ревнителей добра, если погребу во гробе молчания добродетель и подвиг Македония, первого из тамошних диаконов. Сей, усердно работавший Господу муж однажды, когда приближался праздник Святого Богоявления, за два дня до него испросил у пастыря позволение сходить в Александрию, по некоторой своей надобности, обещая скоро возвратиться из города, по случаю наступающего праздника и приготовлений к оному. Но диавол, ненавидящий доброе, воспрепятствовал сему архиdiaкону, и он, отпущенный, не поспел в обитель к святому празднику в назначенный срок, а пришел на другой день. Пастырь отлучил его за это от священнослужения, и низвел в чин последних между новоначальными. Но сей добрый диакон терпения и архиdiaкон твердости так беспечально принял сие опре-

деление отца своего, как бы не он, но другой кто-нибудь подвергся запрещению... Мне, смиренному, сей великий Македоний сказал за тайну, почему он добровольно прибегнул к пребыванию в таком уничтожении. «Никогда, — говорил он, — не чувствовал я в себе такого облегчения от всякой внутренней брани и такой сладости Божественного света, как теперь. Ангелам, продолжал он, свойственно не падать, и даже, как некоторые говорят, совсем невозможно пасть; людям же свойственно падать и скоро восставать от падения, сколько бы раз это ни случилось; а только бесам свойственно, падши, никогда не восставать». <...>

39. Наблюдая прилежно за действиями трапезного, я увидел, что он носит при поясе небольшую книжку; и, допросившись о сем, я узнал, что он ежедневно записывает свои помыслы и все это пересказывает пастырю. И не только он, но и другие весьма многие из тамошних братьев делали это. Было же установлено это, как я слышал, заповедию великого одного пастыря. <...>

42. Удивляться трудам сих святых дело похвальное; ревновать им спасительно; а хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни есть дело безрассудное и невозможное. <...>

45. Веру и искреннюю любовь твою к отцу мысленно возвещай Богу; и Бог, неведомым образом, известит его о твоей к нему любви, и равным образом расположит его к тебе и сделает благосклонным.

46. Объявляющий всякого змия своему наставнику показывает истинную к нему веру; а кто скрывает что-нибудь, тот еще блуждает по беспутиям.

47. Тогда всякий из нас познает, что в нем есть братолюбие и истинная к ближнему любовь, когда увидит, что плачет о согрешениях брата и радуется о его преуспевании и дарованиях.

В *Как соотносит педагогика сопереживания и педагогика лидерства? Что предпочтительнее для детей — радоваться успехам сверстников или стремиться их превзойти? Христианская педагогика отвечает: прежде всего первое.*

48. Кто в беседе упорно желает настаивать на своем мнении, хотя бы оно было и справедливо, тот да знает, что он одержим диавольским недугом; и если он так поступает в беседе с равными, то может быть обличение старших и исцелит его; если же обращается так с большими себя и мудрейшими, то этот недуг от людей неисцелим.

49. Неповинующийся словом, без сомнения, не повинуется и делом... Таковой напрасно трудится, и от святого повиновения ничего не получает, кроме своего осуждения. <...>

51. Если кто о Господе, без убеждения отца своего, принял какое-нибудь служение и нечаянно подвергся в нем преткновению, то должен в сем случае не тому приписывать вину, кто вручил ему оружие, но себе самому, принявшему оное, ибо он получил оружие для сражения со врагом, а вместо того обратил оное в свое сердце. Если же он понудил себя принять служение ради

Господа, и поручающему предварительно возвестил свою немощь, то пусть благодушествует; ибо хотя он и пал, но не умер. <...>

53. Душа, помышляющая об исповеди, удерживается ею от согрешений, как бы уздою; ибо грехи, которых не исповедуем отцу, делаем уже как во тьме и без страха. Когда мы во время отсутствия наставника, воображая лицо его, думаем, что он перед нами стоит, и отвращаемся от всего того, что, по мнению нашему, было бы ему противно: разговора ли, или слова, или снеди, или сна, или чего бы то ни было, тогда мы истинно познали искреннее послушание; ибо неистинные ученики почитают отшествие учителя случаем радостным, а истинные сыны — потерей.

54. Однажды просил я одного из искуснейших старцев вразумить меня, каким образом послушание имеет смирение? Он отвечал: благоразумный послушник, если и мертвых будет воскрешать, и дарование слез получит, и избавления от браней достигнет, всячески думает, что это совершает молитва отца его духовного, и пребывает чужд и далек от суетного возношения; да и может ли он превозноситься тем, что, как сам сознает, сделал помощью другого, а не собственным старанием? <...>

62. Во время исповеди будь как наружным видом, так и внутренним чувством и мыслию как осужденный преступник, поникши лицом на землю; и если можно, то омочай слезами ноги судии и врача твоего как ноги самого Христа.

63. Бесы имеют обычай часто внушать нам или совсем не исповедовать согрешений отцу, или исповедовать, но как бы от лица иного, или складывать вину своего греха на других. <...>

66. Не думай, что неприлично исповедовать грехи твои отцу, спешнику твоего спасения, как Богу, падши пред ним на землю. Видал я, что осужденные преступники жалобным и печальным видом своим, искренним признанием и убедительными просьбами смягчали жестокость судии и гнев его преклоняли на милосердие. Посему Иоанн Предтеча от приходивших к нему прежде крещения требовал исповеди, не сам нуждаясь в ней, но ища спасения приходивших⁹.

67. Мы не должны удивляться, если и после исповеди бываем боримы; ибо лучше бороться с нечистотами, нежели с возношением.

68. Не восхищайся и не увлекайся повествованиями о безмолвствующих отцах и отшельниках, и не увлекайся в след их: ибо ты подвизаешься в воинстве первомученика Стефана¹⁰. Даже падая, не отступай от сего поприща: ибо в то время наиболее нужен нам врач. Кто и с помощью путеводителя преткнул ногу, тот не только преткнулся бы, но, без сомнения, и до смерти разбился бы, если бы ходил без помощи. <...>

71. От послушания рождается смирение, от смирения же бесстрастие, ибо *во смиреннии нашем помяну ны Господь и избавил ны есть от врагов наших* (Пс. 135, 23—24), как говорит Псалмопе-

NB Многие из нас не просто слышали, но знают по опыту о пользе и необходимости духовного руководства. Большая радость, если таковое имеется. Невозможно осилить дорогу в гору без направляющего и без помощника. И тем, и другим для христианина становятся молитва и слова священника. Но у многих нет такого духовного руководства. И вот в тот или иной момент мы — учителя — невольно становимся направляющими для тех, кто идет с нами рядом или за нами. Они приходят за помощью именно к нам. Как важно не забывать при этом об уровне нашей ответственности.

с духами злобы, тот бывает ими умерщвлен. <...>

75. Совесть да будет тебе зеркалом твоего повиновения; и сего для тебя довольно. <...>

78. В присутствии наставника будем обучать себя крайнему молчанию и неведению; ибо молчаливый муж есть сын любоумудрия, который всегда приобретает многий разум. <...>

81. Находясь в общежитии, внимай себе, и отнюдь не старайся в чем-нибудь показываться праведнее других братьев. Иначе ты сделаешь два зла: братию уязвишь своею ложною и притворною ревностью, и себе дашь повод к высокоумию.

82. Будь ревностен, но в душе своей, нисколько не выказывая сего во внешнем обращении, ни видом, ни словом каким-либо, ни гадательным знаком. И сокровенной даже ревности последуй не иначе, как если ты уже перестал унижать ближнего. Если же ты на это не воздержен, то будь подобен братьям твоим и самомнением не отличайся от них¹¹. <...>

84. Не тогда можем мы называться терпеливыми, когда мужественно переносим поругание от отца, но когда от всякого человека и презрения и уязвления переносим с терпением, ибо от отца мы все сносим из почтения, стыдясь и по долгу нашему.

87. Общежитие есть земное небо¹²; итак, понудим себя иметь такое же сердечное расположение, как служащие Господу Ангелы. Пребывающие на сем земном небе иногда бывают как бы камениты сердцем, а иногда, напротив, бывают утешаемы умилением...

вещ. Посему ничто не возбраняет сказать, что от послушания рождается бесстрастие, которым совершается смирение. Ибо начало бесстрастия есть смирение, как Моисей — начало закона...

72. Всякого наказания достойны перед Богом те больные, которые, испытавши искусство врача и получивши от него пользу, из предпочтения к другому оставляют его прежде совершенного исцеления. Не избегай из рук того, который привел тебя ко Господу; ибо во всю жизнь твою ни перед кем не должен ты иметь такого почтительного благоговения, как перед ним.

73. Небезопасно для неопытного воина отделяться от полка своего и выходить на единоборство... Кто отнимает путеводителя у слепца, пастыря у паствы, проводника у заблудившегося, отца у младенца, врача у больного, кормчего у корабля: тот всех их подвергает опасности погибнуть; а кто без помощи наставника вступает в борьбу

90. Не будь безрассудно молчалив, чтобы не причинить другим смущения и огорчения; и когда повелели тебе поспешать, не будь медлен в действии и в хождении; иначе ты будешь хуже мятежливых и бешеных. Видя, что некоторые души недугovali медлительностию по свойству нрава, а другие по упрямству, и удивился, как разнообразна злоба страстей!

92. Непрестанно борись с парением твоих мыслей, и когда ум рассеялся, собирай его к себе, ибо от новоначальных послушников Бог не ищет молитвы без парения. Потому не скорби, будучи расхищаем мыслями, но благодушестью и непрестанно воззымай ум ко вниманию; ибо никогда не быть расхищаему мыслями, что свойственно одному Ангелу.

94. Если ты пришел к неизвестному врачу и в неведомую лечебницу, то будь в ней как бы мимоходом; а между тем тайно рассматривай жизнь и духовную опытность там живущих. Когда же от сих духовных художников и служителей почувствуешь пользу в твоих недугах, а наиболее, если найдешь между ними то, чего и должно искать, то есть врачество против душевной надменности: тогда уже и приступи к ним, и продайся на злате смирения, на хартии послушания, на рукописании служения... Ибо если будешь только скитаться туда и сюда, то потеряешь искупление, которым Христос тебя искупил...

102. Послушник есть тот, кто телом предстоит людям, а умом ударяет в небеса молитвою.

103. Досады, унижения и все подобные случаи в душе послушника уподобляются полынной горечи; а похвалы, честь и одобрения, как мед, рождают в сладострастных всякую сладость. Но рассмотрим, какое свойство того и другого: полынь очищает всякую внутреннюю нечистоту; а мед обыкновенно умножает желчь.

105. От послушания рождается смирение, как мы и выше сказали; от смирения же — рассуждение... От рассуждения — рассмотрение, а от сего — прозрение. Кто же не пожелает идти добрым путем послушания, видя, что от него истекают такие блага? О сей-то великой добродетели и добрый певец сказал: *уготовал еси благостию Твоею, Боже, нищему послушнику, пришествие Твое в сердце его* (Пс. 67, 11).

113. Все, желающие стяжать страх Божий, должны всею силою подвизаться, чтобы в сем училище добродетели вместо добродетели не приобрести лукавства и злобы, хитрости и коварства, проницливости и гнева; ибо это случается, и не должно тому удивляться. Пока человек остается простолюдином, работником на корабле, или земледельцем, против него не столь сильно и враги царя вооружаются. Когда же видят, что он взял печать царскую и щит, меч, оружие и лук и оделся в воинскую одежду¹³; тогда скрежещут на него зубами и всячески покушаются убить его. Итак, дремать не должно.

114. Видел я, что незлобивые и прекрасные отроки пришли в училище для научения премудрости, для образования и получе-

ния пользы, но, по причине сообщества с другими, ничему там не выучились, кроме грубости и порока. Кто имеет разум, тот может понять сказанное.

115. Невозможно, чтобы прилежно обучающиеся какому-либо художеству ежедневно не успевали в нем, но одни познают это преуспеяние, а другие не примечают его, по особенному распоряжению Промысла Божия. Хороший купец на всякий вечер непременно считает дневную прибыль или убыток; но сего он не может ясно узнать, если ежечасно не будет всего записывать в счетную книгу, потому что ежечасное самоиспытание ежедневно просвещает душу.

116. Безрассудный, когда его укоряют или осуждают, оскорбляется и старается противоречить, или немедленно просит прощения у своего обличителя, не по смирению, но только чтобы прекратить выговор. Когда бьют тебя выговорами и укоризнами, молчи и принимай душевные прижигания, или, лучше сказать, светильники чистоты. Когда же духовный врач твой перестанет тебя обличать, тогда кайся пред ним: ибо в самом действии гнева он, может быть, и не примет твоего покаяния.

120. По качествам страстей наших должно рассуждать, какому руководителю отдаться нам в повиновение, и сообразно с тем

В *Какая в этом правда. Думаю, многие по обстоятельствам собственной жизни могут проследить, как верно и точно соотносилось посылаемое им духовное руководство со склонностями и особенностями их характера. Но школьный учитель задан своим воспитанникам. Сколь же высока его ответственность за них — разных.*

такого и избирать. Если ты невоздержан и удобопреклонен на плотскую похоть, то да будет твоим учителем подвижник, и в отношении к пище неумолимый, а не чудотворец, который готов всех примирить и угощать трапезою. Если ты высокомерен, то да будет твоим руководителем человек суровый и неуступчивый, а не кроткий и человеколюбивый. Не должно искать таких руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но прежде всего истинно смиренномудрых и по нраву и местопребыванию своему приличных нашим недугам.

...Когда, будучи непрестанно обличаем от своего наставника, ты почувствуешь, что вера и любовь твоя к нему возрастают, то знай, что Дух Святой невидимо вселился в твою душу и сила Вышняго осенила тебя.

122. Рассмотрим и рассудим со вниманием, когда должно нам благодарно и безмолвно терпеть обвинения от пастыря и когда объясняться перед ним. Мне кажется, что во всех случаях, когда бесчестье падает на одних нас, должно молчать (ибо это время духовного приобретения); а когда обвинение касается другого лица, тогда должно говорить в защиту, ради союза любви и ненарушимого мира.

124. Кто стремится к бесстрастию и к Богу, тот считает потерянными всякий день, в который его никто не укорял. Как деревья, колеблемые ветрами, глубоко в землю пускают корни, так и пребывающие в послушании стяжут крепкие и непоколебимые души.

Степень сия равночисленна Евангелистам. Мужайся, подвижник; стремись вперед без страха. Некогда Иоани опередил Петра, а здесь послушание положено прежде покаяния; ибо предваривший ученик представлял образ послушания, а другой — покаяния”.

СЛОВО 5

О ПОПЕЧИТЕЛЬНОМ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМ ПОКАЯНИИ

1. Покаяние есть возобновление крещения. Покаяние есть завет с Богом об исправлении жизни. Покаяние есть купля смирения. Покаяние есть всегдашнее отвержение телесного утешения. Покаяние есть помысл самоосуждения и попечения о себе, свободное от внешних попечений. Покаяние есть дочь надежды и отвержение отчаяния. Кающийся есть непосрамленный осужденник. Покаяние есть примирение с Господом чрез совершение благих дел, противных прежним грехам. Покаяние есть очищение совести. Покаяние есть добровольное терпение всего скорбного. Кающийся есть изобретатель наказаний для себя самого. Покаяние есть крепкое утеснение чрева, уязвление души в глубоком чувстве.

28. Когда мы впали в ров беззаконий, то не можем выйти из него, если не погрузимся в бездну смирения кающихся.

29. Иное есть смирение кающихся, исполненное сетования; иное зазрение совести еще согрешающих; и иное — блаженное и богатое смирение, которое особенным Божиим действием вселяется в совершенных. Не станем усиливаться объяснить словами сие третье смирение; ибо труд наш будет суетен. Приznak же второго состоит в совершенном терпении бесчестий. Часто старые привычки мучительным образом обладают и теми, которые оплакивают грехи свои; и сие не удивительно. Слово о судьбах и падениях темно для нас, и никакой ум не постигает: какие грехопадения случаются с нами от нерадения, какие попушением Промысла, и какие по оставлению Божию. Впрочем, некто сказал мне, что если мы падаем в грех по попушению Божию, то вскоре и восстаем, и отвращаемся от греха; ибо Попустивший не

дозволяет, чтобы мы долго были одержимы бесом печали. Если мы пали, то прежде всего против этого беса да ополчимся...

30. Не ужасайся, если и каждый день падаешь, и не отступай от пути

NB Эта буквальная под-
держка всех нас, идущих
и спотыкающихся: св. Ио-
ани Лествичник протяги-
вает нам руку помощи.

Божия, но стой мужественно: и, без сомнения, Ангел, который хранит тебя, почит твоё терпение. Когда язва ещё нова и горяча, тогда удобно исцеляется; но застарелые, оставленные в небрежении и запущенные раны неудобно исцеляются; ибо для врачевания своего требуют уже многого труда, резания и прижигания. Многие раны от закоснения делаются неисцельными; но у Бога вся возможна (Мф. 19, 26).

31. Прежде падения нашего бесы представляют нам Бога человеколюбивым, а после падения жестоким.

33. Кто истинно подвизается о своем спасении, тот всякий день, в который он не оплакивает грехов своих, почитает потерянным, хотя бы и совершил в оный какие-нибудь добрые дела.

NB *Надо заучить, запомнить, как помним с детства пословицу «В чужом глазу соринку видит, а в своем и бревна не замечает».*

36. Кто плачет о себе, тот не видит, плачет ли другой и пал ли он; и не станет судить других...

37. Должно внимать себе, не перестала ли совесть наша обличать нас, не ради чистоты нашей, но как бы утомившись. Признак разрешения от грехов состоит в том, что человек всегда почитает себя должником перед Богом.

Признак разрешения от грехов состоит в том, что человек всегда почитает себя должником перед Богом.

NB *Даны ориентиры (критерии), с которыми можно соотносить состояние своей собственной души после наших попыток приносить покаяние.*

38. Нет ничего равного милости Божией; нет ничего больше ее. Посему отчаивающийся сам себя губит. Признак прилежного покаяния заключается в том, что человек почитает себя достойным всех случающихся ему видимых и невидимых скорбей, и еще больших...

40. Я видел двух, одинаким образом и в одно время идущих ко Господу; один из них был стар и превосходил трудами; а другой — ученик, но *тече скорее старца и прежде прииде ко гробу смирения (Ин. 20, 4)¹⁵.*

42. *В поучении моем, паче же в покаянии моем разгорится огонь (Пс. 38, 4) молитвы, пожигающий вещество (греха)...*

На пятую степень восшел ты, покаявшийся; покаянием пять чувств очистил, и произвольным томлением и мучением ты избежал невольного.

СЛОВО 6

О ПАМЯТИ СМЕРТИ

1. Всякому слову предшествует помышление; память же смерти и согрешений предшествует плачу и рыданию: посему о ней по порядку и предлагается в сем слове.

3. Боязнь смерти есть свойство человеческого естества, происшедшее от преслушания; а трепет от памяти смертной есть признак нераскаянных согрешений. Бойся Христос смерти, но не трепещет, чтобы ясно показать свойства двух естеств.

4. Как хлеб нужнее всякой другой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деланий. Память смерти побуждает живущих в общежитии к трудам и постоянным подвигам покаяния и к благодушному перенесению бесчестий...

5. Как олово отличается от серебра, хотя и подобно ему по виду; так и различие между естественным и противоестественным страхом смерти для рассудительных ясно и очевидно.

6. Истинный признак того, что человек помнит смерть в чувстве сердца, есть добровольное беспристрастие ко всякой твари и совершенное оставление своей воли.

7. Тот, без сомнения, благоискусен, кто ежедневно ожидает смерти; а тот свят, кто желает ее на всякий час.

8. Не всякое желание смерти достойно одобрения. Некоторые люди, насильем привычки увлекаемые согрешения, желают смерти по чувству смирения; другие не хотят покаяться и призывают смерть из отчаяния; иные же не боятся ее потому, что в превозношении своем почитают себя бесстрастными; а бывают и такие (если только в нынешнее время найдутся), которые, по действию Духа Святаго, желают своего исшествия отсюда.

9. Некоторые испытывают и недоумевают, почему Бог не даровал нам предведения смерти, если воспоминание о ней столь благотворно для нас? Эти люди не знают, что Бог чудным образом устраивает через это наше спасение. Ибо никто, задолго предзнавши время своей смерти, не спешил бы принять крещение или вступить в монашество, но каждый проводил бы всю жизнь свою в беззакониях, и на самом уже исходе из сего мира приходил бы ко крещению или к покаянию; (но от долговременного навыка грех делался бы в человеке второю природою, и он оставался бы совершенно без исправления).

11. Кто хочет непрестанно сохранять в душе своей память смерти и суда Божия, а между тем предается попечениям и молвам житейским, тот подобен хотяшему плавать и в то же время плескать руками.

12. Живая память смерти пресекает невоздержание в пище; а когда сие пресечено со смирением, то вместе отсекаются и другие страсти.

14. Как отцы утверждают, что совершенная любовь не подвержена падению, так и я утверждаю, что совершенное чувство смерти свободно от страха.

15. Деятельный ум имеет многие делания: поучается любви к Богу, в памяти смертной, в памяти Божией, Царствия Небесного, ревности святых мучеников, всеприсутствия Самого Бога, по слову Псалмопевца: *всегда видел я пред собою Господа* (Пс. 15, 8),

в памяти святых и умных сил; в памяти об исходе души, об истязании, мучении и вечном осуждении. Мы начали здесь с великих вещей, а кончили такими, которые удерживают от падения.

18. Не премину сообщить тебе повесть и об Исихии, иноке горы Хорива. Он вел прежде самую нерадивую жизнь и нисколько не заботился о душе своей; наконец, впадши в смертельную болезнь, с час времени казался совершенно умершим. Пришедши в себя, он умолял всех нас, чтобы тотчас от него удалились и, заключив дверь своей келлии, прожил в ней лет двенадцать, никому никогда не сказав ни малого, ни великого слова и ничего не вкушая, кроме хлеба и воды; но сидя в затворе, как пред лицом Господним, ужасался и сетовал о том, что видел во время исступления, и никогда не изменял образа жизни своей, но постоянно был как бы вне себя и не переставал тихо проливать теплые слезы. Когда же он приблизился к смерти, мы, отбив дверь, вошли в его келлию и, по многом прощении, услышали только сии слова: «Простите, — сказал он, — кто стяжал память смерти, тот никогда не может согрешить». Мы изумились, видя, что в том, который был прежде столько нерадив, внезапно произошло такое блаженное изменение и преображение...

20. Должно знать, что память смертная, как и все другие блага, есть дар Божий; ибо часто, находясь и у самых гробов, мы пребываем без слез и в ожесточении; а в другое время, и не имея такого печального зрелища пред глазами, приходим в умиление.

21. Кто умертвил себя для всего в мире, тот истинно помнит смерть; а кто еще имеет какое-либо пристрастие, тот не может свободно упражняться в помышлении о смерти, будучи сам себе наветник.

NB Эти слова о любви так выделяются на фоне всей главы. И в них очень точно вскрыта наша особенность — желание говорить о любви, привносить в это чувство себя, объявлять об этом вслух вместо того, чтобы действительно любить.

22. Не желай словами уверять всех в твоём расположении к ним, а лучше проси Бога, чтобы Он открыл им любовь твою неведомым образом; иначе не достанет тебе времени на изъявление любви к ближним и на умиление.

24. «Невозможное, — как некто сказал, — невозможное для человека дело, чтобы настоящий день провели мы благочестиво, если не думаем, что это последний день нашей жизни».

И поистине удивительно, что и язычники изрекли нечто подобное этому; ибо и они полагали, что любомудрие заключается в помышлении о смерти.

Шестая степень: кто взошел на нее, тот во веки не согрешит. Поминай последняя твоя, и веки не согресиши (Сир. 7, 39).

СЛОВО 7

О РАДОСТОТВОРНОМ ПЛАЧЕ

1. Плач по Богу есть сетование души, такое расположение болезненного сердца, которое с испуганием ищет того, чего оно жаждет, и, не находя его, с трудом за ним стремится и горько рыдает вслед его. Или иначе: плач есть златое жало, уязвлением своим обнажающее душу от всякой земной любви и пристрастия и в назирании сердца святою печалию водруженное.

2. Умиление есть непрестанное мучение совести, которое прохлаждает сердечный огонь мысленною исповедию пред Богом.

3. Покаяние есть бесскорбное отвержение всякого утешения телесного.

4. Свойство преуспевающих еще в блаженном плаче есть воздержание и молчание уст; преуспевших — безгневие и непамятозлобие; а совершенных — смиренномудрие, жажда бесчестий, произвольная алчба невольных скорбей, неосуждение согрешающих, милосердие превьше силы. Достойны одобрения первые, достохвальны вторые; но блаженны алчущие скорби и жаждущие бесчестий, ибо они насытятся пищею ненасыщаемою.

5. Достигши плача, всею силою храни его; ибо прежде совершенного усвоения, он весьма легко теряется; и, как воск тает от огня, так и он легко истребляется от молвы, попечений телесных и наслаждения, в особенности же от многословия и смехотворства.

6. Источник слез после крещения больше крещения, хотя сии слова и кажутся несколько дерзкими. Ибо крещение очищает нас от прежде бывших зол, а слезы очищают грехи, сделанные и после крещения. Крещение приняв в младенчестве, мы все осквернили его, а слезами снова очищаем его. И если бы человеколюбие Божие не даровало нам оных, то поистине редки были бы и едва обретались бы спасающиеся.

7. Воздыхания наши и сетования вопиют ко Господу; слезы, происходящие от страха, ходатайствуют о нас; а те, которые от всесвятой любви, являют нам, что моление наше принято.

9. С усилием держи блаженную радостную печаль святого умиления и не переставай упражняться в сем делании, пока оно не поставит тебя выше всего земного и не представит чистым Христу.

12. Кто приобрел душевные слезы, тому всякое место угодно к плачу; а у кого делание только внешнее, тому всегда надобно будет избирать приличные места и положения. Как скрытое сокровище не столько подвержено хищению, сколько лежащее на торжище: так должно разуметь и о вышесказанном.

14. Кто иногда плачет, а иногда наслаждается и говорит смешное, тот, вместо камней, бросает хлебом на пса сластолюбия; по-видимому он отгоняет его, но самым делом привлекает его к себе.

15. Сетуй внутренне, но не выказываясь, а углубляясь в сердце свое; ибо бесы боятся сетования, как тати псов.

17. Некоторые, когда плачут, безвременно понуждают себя в это блаженное время не иметь совершенно никакого помышления, не разумея того, что слезы без помышлений свойственны бессловесному естеству, а не разумному. Слеза есть порождение помышлений, а отец помышлений есть смысл и разум.

23. Благий и праведный наш Судия, как во всем, так, без сомнения, и в плаче судит по мере сил естества; ибо я видел, что иные источают малые слезные капли, как капли крови, а другие без труда проливают целые источники слез. Но я судил о труждающихся более по труду, а не по слезам. Думаю, что и Бог так же судит.

25. ...Когда душа и без нашего страдания и попечения бывает склонна к слезам, мягка и проникнута умилением, тогда поспешим; ибо Господь пришел к нам и без нашего зова, и дал нам губу боголюбивой печали и прохладную воду благочестивых слез на изглаждение рукописания согрешений. Храни сей плач, как зеницу ока, пока он мало-помалу от тебя не отойдет; ибо велика сила онго и далеко превосходит силу того плача, который приходит от нашего тщания и умышления.

26. Не тот достиг совершенства плача, кто плачет, когда хочет, но кто плачет, о чем хочет (то есть о чем-либо душеполезном). Даже и тот еще не достиг совершенства плача, кто плачет, о чем хочет, но кто плачет, как Бог хочет. С богоугодным плачем часто сплетается гнуснейшая слеза тщеславия; и сие на опыте благочестно узнаем, когда увидим, что мы плачем и предаемся гневливости.

30. От ложного умиления рождается возношение, а от истинного — утешение.

31. Как огонь пожигает хворост, так и чистые слезы истребляют всякие внешние и внутренние скверны.

32. Многие из отцев говорят, что значение слез, особенно у новоначальных, темно и неудобопостижно и что они происходят от многих и различных причин: от естества, от Бога, от неправильной скорби и от скорби истинной, от тщеславия, от блудной страсти, от любви, от памяти смерти и от многих других побуждений.

34. Не удивительно начинать плач слезами добрыми, а оканчивать неправильными; но достойно похвалы от неправильных или естественных слез переходить к духовному плачу. Смысл сказанного ясен для тех, которые склонны к тщеславию.

35. Не верь слезам твоим прежде совершенного очищения от страстей; ибо то вино еще не надежно, которое прямо из точила¹⁶ заключено в сосуд.

37. Кто пребывает во всегдашнем плаче по Богу, тот не перестает ежедневно (духовно) праздновать; а кто всегда празднует телесно, того ожидает вечный плач.

40. Кто облекся в блаженный, благодатный плач, как в брачную одежду, тот познал духовный смех души (то есть радость).

44. Кто слезами своими внутренне гордится и осуждает в уме своем неплачущих, тот подобен испросившему у царя оружие на врага своего и убивающему им самого себя.

ВВ Часто нас, особенно в начале пути, отпугивает внешняя строгость, грусть, тишина, которые исходят от верующего человека. Нам кажется это странным, мы жалеем его. Но нам неизвестно еще подлинная радость — «духовный смех души», не можем нераскаленной душой понять радость плача, который сам по себе уже является началом утешения. Наверное, то чувство покоя и радости, нежности, которое мы можем испытывать в особые минуты жизни (например, глядя в счастливые глаза своего ученика, любясь красотой храма, пейзажа) могут дать нам хотя бы приблизительное представление о состоянии умиления.

45. Бог не требует, братия, и не желает, чтобы человек плакал от болезни сердца, но чтобы от любви к Нему радовался душевным смехом. Отымн грех, и излишни будут болезненные слезы чувственным очам; ибо когда нет раны, то не нужен и пластырь. У Адама прежде преступления не было слез, как не будет их и по воскресении, когда грех упразднится; ибо тогда отбежит болезнь, печаль и воздыхание.

49. Размышляя о свойстве умиления, изумляюсь тому, каким образом плач и так называемая печаль заключают в себе радость и веселие, как мед заключается в соте. Чему же из сего научаемся? Тому, что такое умиление есть поистине дар Господень. Нет тогда в душе плотской сладости, потому что Бог утешает сокрушенных сердцем сокровенным образом...

53. Плач бывает у многих предтечей блаженного бесстрастия, предукрасив, предочистив душу и поиребив вещество (то есть страсти).

55. Итак, в бездне плача находится утешение; и чистота сердца получает

просвещение. Просвещение же есть неизреченное действие, неизвестным образом разумеваемое и невидимо зримое. Утешение есть прохлаждение болезнующей души, которая, как младенец, и плачет внутренне, и вместе радостно улыбается. Заступление есть обновление души, погруженной в печаль, которое чудным образом превращает болезненные слезы в сладостные.

56. Слезы об исходе из сей жизни рождают страх; а когда страх породит безбоязненность (то есть упование), тогда воссияет радость; когда же достигнет конца радость нескончаемая, прозябает цвет святой любви.

57. Рукою смирения отвергай приходящую радость, как недостойный ее, чтобы не обольститься ею и не принять волка вместо пастыря.

58. Не стремись к видению, когда его нет. Пусть лучи само оно, привлеченное красотой твоего смирения, придет к тебе, обнимет тебя и соединится с тобою чистейшим браком на веки веков⁷.

59. С самого начала, когда младенец начнет познавать отца своего, он весь бывает исполнен радости и печали; радости, потому что опять зрит вожделенного; а печали, потому что столь долгое время лишен был видения любезнейшей ему красоты. Мать также иногда скрывает себя от младенца и, видя, с какою скорбию он ищет ее, веселится; и таким образом учит его всегда прилепляться к ней и сильнее воспламеняет любовь его к себе. *Имей уши слышати, да слышит* (Мф. 13, 9), глаголет Господь.

60. Осужденный преступник, который выслушал смертный приговор, не будет уже заботиться об учреждении зрелищ; и истинно плачущий не обратится ни к наслаждениям чувственным, ни к славе, ни к гневу и вспыльчивости. Плач есть укоренившаяся скорбь кающейся души...

61. Праведен и преподобен Господь; безмолвствующему с рассуждением Он премудро дарует умиление, и благоразумно повинующегося ежедневно веселит. А кто ни того, ни другого пути не проходит законным образом, тому плач не дается.

64. Хотя бы мы и великие подвиги проходили в жизни нашей, но если мы не приобрели болезнующего сердца, то все они притворны и суетны; ибо тем, которые, так сказать, после омовения осквернились, необходимо, поистине необходимо очистить руки свои неослабным огнем сердечным и елеем милости Божией.

69. Часто одно слово истребляет плач; но было бы чудно, если бы одно же слово и возвращало оный.

70. Мы не будем обвинены, о братия, не будем обвинены, при исходе души нашей, за то, что не творили чудес, что не богословствовали, что не достигли видения, но, без сомнения, дадим Богу ответ за то, что не плакали непрестанно о грехах своих¹⁸.

Степень седьмая. Сподобившийся достигнуть ее и мне да поможет; ибо сам он получил уже помощь, омывшись на сей седьмой степени от скверн века сего.

СЛОВО 8

О БЕЗГНЕВИИ И КРОТОСТИ

1. Как вода, мало-помалу возливаемая на огонь, совершенно угашает его, так и слеза истинного плача угашает всякий пламень раздражительности и гнева. Потому скажем теперь по порядку о безгневии.

2. Безгневие есть ненасытное желание бесчестий, как в тщеславных людях бывает бесконечное желание похвалы. Безгневие есть победа над естеством, нечувствительность к досадениям, происходящая от подвигов и потов.

3. Кротость есть недвижимое устроение души, в бесчестии и в чести пребывающее одинаковым.

4. Начало безгневия есть молчание уст при смущении сердца; середина — молчание помыслов при тонком смущении души; а конец — непоколебимая тишина при дыхании нечистых ветров.

5. Гнев есть воспоминание сокровенной ненависти, то есть памятозлобия. Гнев есть желание зла огорчившему. Вспыльчивость есть безвременное воспаление сердца. Огорчение есть неприятное чувство, гнездящееся в душе. Раздражительность есть удобопреклонное движение права и безобразие души.

В Если вдуматься — становится страшно. Мы успеваем по несколько раз на день прийти в состояние раздражения, подвержены ему почти поголовно, но даже не пытаемся вменить это себе в грех. Психологи разрабатывают программы по работе с гневом, определяя его как естественно присущее человеку состояние, отрабатывают эффективные механизмы его отреагирования. Но задумываемся ли мы об этом состоянии как о греховном, разрушающем, требующем преодоления серьезной духовной работой? Думаем ли мы о нем как о «безобразии души», о том, что каждый день теряем образ Божий.

6. Как при явлении света исчезает тьма, так и от благоволия смирения истребляется всякое огорчение и раздражительность.

7. Некоторые, будучи склонны к раздражительности, не радят о врачевании и истреблении сей страсти; но сии жалкие не размышляют о сказанном: *устремление ярости его падение ему* (Сир. 1, 22).

8. Быстрое движение жернова в одно мгновение может стереть и истребить больше душевной пшеницы и плода жизни, нежели медленное обращение другого в течение целого дня: посему мы и должны благоразумно внимать себе. Иногда пламя, вдруг раздуваемое сильным ветром, более, нежели продолжительный огонь, сожигает и истребляет душевную ниву.

9. Не должно быть от нас сокрыто, о друзья, и то, что иногда, во время гнева лукавые бесы скоро отходят от нас с тою целью, чтобы мы о великих страстях вознерадели (как некоторые в оправдание свое говорят: «Я хоть вспыльчив, но это у меня скоро проходит»), как бы о маловажных, и наконец сделали болезнь свою неисцельною.

10. Как твердый и остроугольный камень, сталкиваясь и соударяясь с другими камнями, лишается всей своей угловатости, неровности и шероховатости и делается кругловидным: так и человек вспыльчивый и упорный, обращаясь с другими грубыми людьми, получает одно из двух: или терпением исцеляет язву свою, или отступает, и таким образом очевидно познает свою немощь, которая, как в зеркале, явится ему в малодушном его бегстве.

12. Ничто так не противно кающимся, как смущение от раздражительности, потому что покаяние требует великого смирения, а раздражительность есть знак великого возношения.

13. Если признак крайней кротости состоит в том, чтобы и в присутствии раздражающего сохранять тишину сердечную и за-

лог любви к нему; то, без сомнения, крайняя степень гневливости обнаруживается тем, что человек наедине сам с собою, словами и телодвижениями как бы с оскорбившим его препирается и ярится.

14. Если Дух Святой называется и есть мир души, а гнев есть возмущение сердца; то ничто столько не препятствует пришествию в нас Духа Святаго, как гневливость.

15. Нам известны премногие злые порождения гнева; одно только невольное исчадие оно, хотя и побочное, бывает для нас полезно. Ибо я видел людей, которые, воспламенившись неистовым гневом, извергали давнее памятозлобие, скрывавшееся внутри их, и таким образом страстию избавились от страсти, получив от оскорбившего или изъявление

NB Не в том только дело, чтобы учить не проявлять гнева, но в том, чтобы учить не иметь его.

раскаяния, или объяснение относительно того, о чем долго скорбели. И видел опять таких, которые по-видимому являли долготерпение, но безрассудное, и под покровом молчания скрывали внутри себя памятозлобие; и

я счел их окаяннейшими неистовых, потому что они белизну голубя омрачали как бы некоторою чернотою.

16. Видел я людей, которые, прогневавшись, отвергали пищу от досады; и сим безрассудным воздержанием яд к яду прилагали. Видел я других, которые, как бы уважительною причиною, воспользовавшись гневом своим, предавались многоядению, из рва падали в стремнину. Наконец видел я и разумных людей, которые, подобно хорошим врачам, растворив то и другое, от умеренного утешения, данного телу, получали весьма великую пользу.

17. Иногда умеренное песнопение успешно успокаивает раздражительность, а иногда, если оно безмерно и безвременно, способствует сластолюбию. Итак, будем пользоваться им, рассудительно разбирая приличные времена.

19. Великий вред возмущать око сердца раздражительностью, как сказано: *смятеса от ярости око мое* (Пс. 6, 8), но больший — словами обнаруживать душевное неистовство; если же и руками, то это уже вовсе неприлично и чуждо монашескому, ангельскому и божественному житию.

20. Если хочешь, или думаешь, что хочешь вынуть сучек ближнего, то вместо врачебного орудия не употребляй бревна. Бревно — это жестокие слова и грубое обращение; врачебное орудие есть кроткое вразумление и долготерпеливое обличение. Обличи, говорит Апостол, *запрети, умоли* (2 Тим. 4, 2), а не сказал: и бей; если же и это потребует, то как можно реже, и не сам собою.

22. Если, как мы выше сказали, один волк, имея беса помощником, может возмутить все стадо; то и один премудрый брат, имея Ангела помощником, может, как добрый мех, полный елса,

укротить волну и дать кораблю тихое плавание¹⁹. Сколь тяжкого осуждения заслуживает первый, столь великую награду получит от Бога второй, сделавшись для всех полезным примером.

23. Начало блаженного незлобия — сносить бесчестия, хотя с огорчением и болезнью души. Средина — пребывать в оных беспечально. Конец же оного, если только оно имеет конец, — принимать поношения как похвалы. Да радуется первый; да возмывает второй; блажен о Господе, и да ликует третий.

24. Жалкое зрелище видел я в людях гневливых, бывающее в них от тайного возношения. Ибо разгневавшись, они опять гневались за то, что побеждались гневом. Я удивлялся, видя в них, как падение следовало за падением; и не мог без сострадания видеть, как они сами себе за грех отмищали грехом, и, ужасаясь о коварстве бесов, я едва не отчаялся в своей жизни.

26. Иное безгневие в новоначальных, происходящее от плача, а иное — невозмутимость, бывающая в совершенных. В первых гнев связан слезами, как некоторою уздою; а в последних он умершвлен бесстрашием, как змий мечом.

27. Я видел трех иноков, в одно время потерпевших бесчестие. Один из них оскорбился, но молчал; другой порадовался ради себя, но опечалился об укорившем его; третий же, воображая вред ближнего, пролил теплые слезы. Так можно было видеть здесь делателей страха, мздовоздаяния и любви.

29. Итак, да свяжется гнев, как мучитель, узами кротости, и поражаемый долготерпением, влекомый святою любовию, и представши пред судилищем разума, да подвергнется допросу. Скажи нам, безумная и постыдная страсть, название отца твоего и именование злой твоей матери, а также имена скверных твоих сынов и дочерей. Объяви нам притом, кто суть ратующие против тебя и убивающие тебя? В ответ на это гнев говорит нам: «Матерей у меня много, и отец не один. Матери мои суть: тщеславие, сребролюбие, объядение, а иногда и блудная страсть. А отец мой называется надмением. Дщери мои суть: памятозлобие, ненависть, вражда, самооправдание. Сопротивлющиеся же им враги мои, которые держат меня в узах, — безгневие и кротость. Наветник мой называется смиренномудрием; а от кого он рождается, спросите у него самого в свое время».

На восьмой степени лежит венец безгневия. Но кто носит его от естества, тот, может быть, не носит никакого иного, а кто приобрел его трудами, тот, без сомнения, победил восемь страстей.

СЛОВО 9

О ПАМЯТОЗЛОБИИ

1. Святые добродетели подобны лестнице Иакова. Добродетели, будучи связаны одна с другою, произволяющего возводят на небо; а страсти, одна другую рождая и одна другою укрепляясь, низвергают в бездну. И как мы ныне слышали от безумного гнева, что памятозлобие есть одно из собственных порождений его: то по порядку будем теперь об нем и говорить.

NB *Ведь если наедине с самим собой прислушаться к себе — почувствуем эти «гвозди», они мешают нам, лишают покоя и радости. Почему не удалить их прощением и покаанием? Исчезнут они, и снова потечет жизнь, вернется любовь...*

2. Памятозлобие есть исполнение гнева, хранение согрешений, ненависть к правде, пагуба добродетелей, ржавчина души, червь ума, посрамленные молитвы, пресечение моления, отчуждение любви, гвоздь, вонзенный в душу, неприятное чувство, в огорчении с услаждением любимое, грех непрестающий, законопреступление неусыпающее, злоба повсечасная.

4. Преставший от гнева убил памятозлобие; ибо доколе отец жив, дотеле бывает и чадородие.

5. Кто приобрел любовь, тот устранился от вражды; враждующий же собирает себе безвременные труды.

6. Трапеза любви разорвет ненависть; и дары искренние смягчают душу. Но трапеза без внимания есть мать дерзости; и чрез окно любви вскакивает чревообъядение.

7. Видал я, что ненависть расторгала долговременные узы блудной любви; а потом памятозлобие чудным образом не пустило им вновь соединиться. Дивное зрелище! Бес беса врачует; но может быть, это дело не бесов, но Провидения Божия.

8. Памятозлобие далеко от твердой естественной любви, но блуд удобно приближается к ней, как иногда видим в голубе кроющихся вшей.

9. Памятозлобствуя, памятозлобствуй на бесов и, враждуя, враждуй против твоей плоти непрестанно. Ибо плоть сия есть друг неблагодарный и лживый: чем более мы ей угождаем, тем более она нам вредит.

10. Памятозлобие есть лукавый толковник Писания, который толкует речения Духа по своему разумению. Да посрамляет его молитва, дарованная нам Иисусом, которой мы не можем произносить с Ним, имея памятозлобие.

11. Когда после многого подвига ты не можешь исторгнуть сие терние: тогда кайся и смирайся, по крайней мере на словах перед тем, на кого злобишься, чтобы ты, устыдившись долговременного перед ним лицемерия, возмог совершенно полюбить его, будучи жегом совестью, как огнем.

12. Не тогда узнаешь, что ты совершенно избавился от сей гнилости, когда помолишься об оскорбившем, или за зло воздашь ему дарами, или пригласишь его на трапезу: но когда, услышав, что он впал в некое злоключение душевное или телесное, восскорбишь о нем, как о себе, и прослезिшься.

NB *Воспоминания о больших страданиях позволяют совсем в другом свете увидеть свои — как незначительные, мелкие.*

вергает из себя гнев, тот

NB *Каждый день многие из нас стараются произносить слова молитвы: «И остави нам долги наша якоже и мы оставляем должником нашим...» Оставляем ли? Описан случай, как один духовник не разрешал своему послушнику произносить эти слова молитвы до тех пор, пока он не простит обидчика.*

14. Воспоминание страданий Иисусовых исцелит памятозлобие, сильно посрамляемое Его незлобием. В дереве, внутри гнилом, зарождается червь; а в видимо кротких и безмолвных, но не поистине таковых, скрывается продолжительный гнев. Кто получает прощение грехов; а кто прилепляется к нему, тот лишается милосердия Божия.

15. Некоторые взяли на себя труды и подвиги, чтобы получить прощение; но человек, не помнящий зла, опередил их. Отпустите мало, и отпустят вам много (Лк. 6, 37).

16. Непамятозлобие есть знак истинного покаяния; а кто содержит в сердце памятозлобие и думает, что он творит покаяние, тот подобен человеку, которому во сне представляется, что он бежит.

17. Видал я зараженных памятозлобием, которые увещевали других забыть обиды, а потом, устыдившись слов своих, страсть сию оставили.

18. Никто не думай, что сия мрачная страсть маловажна; ибо часто она вкрадывается и в духовных мужей.

Степень девятая. Вступивший на нее с дерзованием да просит разрешения грехов у Спасителя Иисуса.

ГЛАВО 10

О ЗЛОСЛОВИИ И КЛЕВЕТЕ

1. Никто из благомудствующих, как я думаю, не будет противоречить тому, что от ненависти и памятозлобия рождается злословие. И так оно после своих родоначальников по порядку мною и предлагается.

NB *Наше злословие друг на друга получается похоже на болезнь крови — смертельную болезнь, лишующую жизни. Ведь мы*

2. Злословие есть исчадие ненависти, тонкий недуг; большая сокровенная и таящаяся пиявица, которая высасывает и истребляет кровь любви; лицемерие любви; причина оскверне-

отравляем им любовь, которая считается утверждением жизни, ее основой.

ния и отягощения сердца; истребление чистоты.

3. Некоторые отроковицы грешат бесстыдно; а другие тайно, и со стыдливостью, но предаются еще лютейшим порокам, нежели первые. То же можно видеть и в страстях бесчестия. Много тайно лукавых отроковиц, каковы: лицемерие, лукавство, печаль, памятозлобие и сердечная клевета, кои видимо представляют одно, а внутренне взирают на другое.

4. Услышав, что некоторые злословят ближних, я запретил им; делатели же сего зла в извинение отвечали, что они делают это из любви и попечения о злословимом. Но я сказал им: «Оставьте такую любовь, чтобы не оказалось ложным сказанное: тайно клеветующего на ближнего своего изгону (Пс. 100, 5). Если ты истинно любишь ближнего, как говоришь, то не осменвай его, а молись о нем втайне; ибо сей образ любви приятен Богу. Станешь остерегаться осуждать согрешающих, если всегда будешь помнить, что Иуда был в соборе учеников Христовых, а разбойник в числе убийц: но в одно мгновение произошла с ними чудная перемена²⁹.

5. Кто хочет победить духа злословия, тот пусть приписывает вину не согрешающему, но подушающему его бесу. Ибо никто не желает грешить против Бога, хотя каждый из нас согрешает не по принуждению.

6. Видел я согрешившего явно, но втайне покаявшегося; и тот, которого я осудил как блудника, был уже целомудр у Бога, умиловитив Его чистосердечным обращением.

7. Никогда не стыдись того, кто перед тобою злословит ближнего; но лучше скажи ему: «Престань, брат, я ежедневно падаю в лютейшие грехи и как могу его осуждать?» Ты сделаешь

таким образом два добра и одним пластырем исцелишь и себя и ближнего. Это один из самых кратких путей к получению прощения грехов, то есть чтобы никого не осуждать. Ибо сказано: *не судите, и не судят вам* (Лк. 6, 37).

8. Как огонь противен воде, так и кающемуся несродно судить. Если бы ты увидел кого-либо согрешающего даже при самом исходе души из тела, то и тогда не осуждай его; ибо суд Божий неизвестен людям. Некоторые явно впадали в великие согрешения, но большие добродетели совершали втайне; и те, которые любили осмеивать их, обманулись, гоняясь за дымом и не видя солнца.

Эти слова — добрый совет нам, какой дорогой выходить из очень сложной ситуации, подстерегающей ежедневно. Думаю, учителям знакома тяжесть атмосферы, возникающей порой по нашей вине в учительской комнате. В моменты наших эмоциональных бесед может быть невольно осужден любой — и взрослый, и ученик. Мы втягиваемся в подобные беседы, как в водоворот амута, к сожалению, не сознавая опасности для себя и других.

Эти слова — добрый совет нам, какой дорогой выходить из очень сложной ситуации, подстерегающей ежедневно. Думаю, учителям знакома тяжесть атмосферы, возникающей порой по нашей вине в учительской комнате. В моменты наших эмоциональных бесед может быть невольно осужден любой — и взрослый, и ученик. Мы втягиваемся в подобные беседы, как в водоворот амута, к сожалению, не сознавая опасности для себя и других.

Эти слова — добрый совет нам, какой дорогой выходить из очень сложной ситуации, подстерегающей ежедневно. Думаю, учителям знакома тяжесть атмосферы, возникающей порой по нашей вине в учительской комнате. В моменты наших эмоциональных бесед может быть невольно осужден любой — и взрослый, и ученик. Мы втягиваемся в подобные беседы, как в водоворот амута, к сожалению, не сознавая опасности для себя и других.

Эти слова — добрый совет нам, какой дорогой выходить из очень сложной ситуации, подстерегающей ежедневно. Думаю, учителям знакома тяжесть атмосферы, возникающей порой по нашей вине в учительской комнате. В моменты наших эмоциональных бесед может быть невольно осужден любой — и взрослый, и ученик. Мы втягиваемся в подобные беседы, как в водоворот амута, к сожалению, не сознавая опасности для себя и других.

Эти слова — добрый совет нам, какой дорогой выходить из очень сложной ситуации, подстерегающей ежедневно. Думаю, учителям знакома тяжесть атмосферы, возникающей порой по нашей вине в учительской комнате. В моменты наших эмоциональных бесед может быть невольно осужден любой — и взрослый, и ученик. Мы втягиваемся в подобные беседы, как в водоворот амута, к сожалению, не сознавая опасности для себя и других.

Эти слова — добрый совет нам, какой дорогой выходить из очень сложной ситуации, подстерегающей ежедневно. Думаю, учителям знакома тяжесть атмосферы, возникающей порой по нашей вине в учительской комнате. В моменты наших эмоциональных бесед может быть невольно осужден любой — и взрослый, и ученик. Мы втягиваемся в подобные беседы, как в водоворот амута, к сожалению, не сознавая опасности для себя и других.

Эти слова — добрый совет нам, какой дорогой выходить из очень сложной ситуации, подстерегающей ежедневно. Думаю, учителям знакома тяжесть атмосферы, возникающей порой по нашей вине в учительской комнате. В моменты наших эмоциональных бесед может быть невольно осужден любой — и взрослый, и ученик. Мы втягиваемся в подобные беседы, как в водоворот амута, к сожалению, не сознавая опасности для себя и других.

Эти слова — добрый совет нам, какой дорогой выходить из очень сложной ситуации, подстерегающей ежедневно. Думаю, учителям знакома тяжесть атмосферы, возникающей порой по нашей вине в учительской комнате. В моменты наших эмоциональных бесед может быть невольно осужден любой — и взрослый, и ученик. Мы втягиваемся в подобные беседы, как в водоворот амута, к сожалению, не сознавая опасности для себя и других.

Эти слова — добрый совет нам, какой дорогой выходить из очень сложной ситуации, подстерегающей ежедневно. Думаю, учителям знакома тяжесть атмосферы, возникающей порой по нашей вине в учительской комнате. В моменты наших эмоциональных бесед может быть невольно осужден любой — и взрослый, и ученик. Мы втягиваемся в подобные беседы, как в водоворот амута, к сожалению, не сознавая опасности для себя и других.

В

Эти слова — добрый совет нам, какой дорогой выходить из очень сложной ситуации, подстерегающей ежедневно. Думаю, учителям знакома тяжесть атмосферы, возникающей порой по нашей вине в учительской комнате. В моменты наших эмоциональных бесед может быть невольно осужден любой — и взрослый, и ученик. Мы втягиваемся в подобные беседы, как в водоворот амута, к сожалению, не сознавая опасности для себя и других.

№ *Получается похоже на «порочный круг», страшную замкнутую цепь греха: только разобравшись со своими «сорняками», тут же «насадили» в душе другие, осудив человека. Осуждение похоже и на вирус, переносчик инфекции. Только начинает человек идти на поправку — осудил другого — новая инфекция. Так и ходим все больные.*

стал бы уже заботиться, помышляя, что на оплакание и самого себя не достанет ему времени, хотя бы он и сто лет прожил и хотя бы увидел истекающим из очей своих целый Иордан слез. Я наблюдал за плачем истинного покаяния и не нашел в нем и следа злословия и осуждения.

11. Человекоубийцы бесы побуждают нас или согрешить, или, когда не грешим, осуждать согрешающих, чтобы вторым осквернить первое.

12. Знай, что и это признак памятозлобного и завистливого человека, если он легко с удовольствием порицает учение, дела и добродетели ближнего, будучи одержим духом ненависти.

13. Видал я таких людей, которые тайно и скрытно соделывали тяжкие согрешения, а между тем, считая себя лучшими других, безжалостно нападали на тех, которые увлекались в легкие, но явные проступки.

14. Судить — значит бесстыдно похищать сан Божий; а осуждать — значит погублять свою душу.

15. Как возношение и без другой страсти может сильно погубить человека: так и осуждение, одно само по себе, может нас погубить совершенно; ибо и фарисей оный за сие осужден был.

16. Как добрый виноградарь вкушает только зрелые ягоды, а кислые оставляет: так и благоразумный и рассудительный ум тщательно замечает добродетели, какие в ком-либо узрит; безумный же человек отыскивает пороки и недостатки. О нем-то сказано: *изыскивают неправду, делают расследование даже до внутренней жизни человека и до глубины сердца* (Ис. 63, 7).

17. Хотя бы ты и своими очами увидел согрешающего, не осуждай; ибо часто и они обманываются.

Степень десятая. Кто взошел на нее, тот бывает деятелем любви или плача.

выдержав «мук совести», когда краска стыда (от глагола «стыть») выступает на нашем лице и все видят, что мы лжем? Поразительная способность человека, свидетельствующая о его врожденной потребности в правде и истине. Можно солгать другим, но себе и Богу невозможно. Невозможно и все. С совестливым человеком не страшно иметь дело. Наличие совести ярче всего подтверждает нашу глубинную связь с идеалом, со своим Прообразом, даже если мы считаем себя последователями научного мировоззрения. А если совести нет, то кто же тогда наш Прообраз?

упившийся умилением солгать не может.

Восхождение двенадцатое. Кто взошел на сию степенъ, той стязал корень добродетелей.

СЛОВО 13

ОБ УНЫНИИ И ЛЕНОСТИ

1. Уныние часто бывает одною из отраслей, одним из первых нечестивых многословия, как мы уже и прежде сказали; потому мы сей порок и поставили здесь, как на месте приличном ему, в лукавой цени страстей.

2. Уныние есть расслабление души, изнеможение ума, пренебрежение иноческого подвига, ненависть к обету, ублажатель мирских, оболгатель Бога, будто Он немилосерд и нечеловеколюбив...

3. Муж послушливый не знает уныния, чрез чувственные дела исправляя мысленные и духовные (делания).

7. Ставшим на молитву сей лукавый дух напоминает о нужных делах и употребляет всякое ухищрение, чтобы только отвлечь нас от собеседования с Господом, как обротью, каким-либо благовидным предложом.

10. Мужественная душа воскрешает и умерший ум; уныние же и леность расточают все богатство. Но как из всех восьми

7. Кто стязал страх Божий, тот устранился лжи имея в себе неподкупного судию — свою совесть.

8. Как во всех страстях, так и во лжи, познаем мы различные степени вреда; ибо иной суд тому, который лжет по страху наказания, и иной тому, который лжет без подлежащей опасности.

9. Один лжет ради увеселения, другой — ради сластолюбия, иной, чтобы заставить присутствующих смеяться, а некоторый для того, чтобы ближнему поставить сеть и сделать ему зло.

12. Когда мы будем совершенно чисты от лжи, тогда уже, если случай и нужда потребует, и то не без страха, можем употребить ее.

13. Не знает младенец лжи; не знает оной и душа, очистившаяся от лукавства.

14. Развеселившийся от вина, по неволе во всем говорит истину; так и

АВ *Хотя бы так, пока не можем большего: трудиться вместе с детьми, заниматься совместной полезной деятельностью (мы, например, ездим в летние экспедиции, изучаем народный быт, помогаем, что по силам нашим, в сельскохозяйственных работах, участвуем в реставрации храмов и т.п.).*

предводителей злобы дух уныния есть тяжчайший, то поступим и с ним по тому же порядку, как с другими.

13. ...Плачущий о себе не знает уныния.

14. Свяжем теперь и сего мучителя памятию о наших согрешениях; станем бить его рукоделием²³, повлечем его размышлением о будущих благах; и когда оно предстанет нам, предложим ему подобающие вопросы.

15. Итак, скажи нам, о ты, нерадивый и расслабленный, кто есть зло родившее тебя? и какие твои исчадия? Кто суть воюющие против тебя? и кто убийца твой? Он отвечает: Родительницы у меня многие: иногда бесчувствие души, иногда забвение небесных благ, а иногда и чрезовность трудов. Исчадия мои, со мною пребывающие: перемены местопребываний, пренебрежение повелений отца духовного, непамятование о последнем суде, а иногда и оставление монашеского обета. А противники мои, которые связывают меня ныне, суть псалмопение с рукоделием. Враг мой есть помышление о смерти; умерщвляет же меня молитва с твердою надеждою сподобиться вечных благ; а кто родил молитву, о том ее и спросите.

Кто подлинно одержал тринадцатую победу, тот и во всем будет искусен.

СЛОВО 14

О ЛЮБЕЗНОМ ДЛЯ ВСЕХ И ЛУКАВОМ ВЛАДЫКЕ, ЧРЕВЕ

1. Имея намерение говорить о чреве, если когда-нибудь, то теперь наиболее, предположил я любомудрствовать против себя самого; ибо чудно было бы, если бы кто-нибудь, прежде сошествия своего в гроб, освободился от сей страсти.

2. Чревоугодие есть притворство чрева; потому что оно, и будучи насыщено, вопиет: «Мало!», будучи наполнено и рассядаясь от излишества, зывает: «Алчу!»

3. Чревоугодие есть изобретатель приправ, источник сластей. Упразднил ли ты одну жилу его, оно проистекает другою. Заградил ли ты и сию — иною прорывается и одолевает тебя.

4. Чревоугодие есть прельщение очей; вмещаем в меру, а оно подстрекает нас поглотить все разом.

5. Насыщение есть мать блуда; а утеснение чрева — виновник чистоты.

6. Кто ласкает льва, тот часто укрошает его; а кто угождает телу, тот усиливает его свирепость.

7. Жид радуется о своей субботе и о празднике: и монах-чревоугодник веселится о субботе и о воскресном дне; во время поста считает, сколько осталось до Пасхи; и за много дней до нее prepares снеди. Раб чрева рассчитывает, какими снедями почтить праздник; а раб Божий помышляет, какими бы дарованиями ему обогатиться.

8. Когда пришел странник, чревоугодник весь движется на любовь, подстрекаемый чревонеистовством; и думает, что случай сделать брату утешение есть разрешение и для него. Пришествие других считает он за предлог, разрешающий пить вино; и под видом того, чтобы скрыть добродетель, делается рабом страсти.

9. Часто тщеславие враждует против объядения; и сии две страсти ссорятся между собою за бедного монаха, как за купленного раба. Объядение понуждает разрешать, а тщеславие внушает показывать свою добродетель; но благоразумный монах избегает той и другой пучины и умеет пользоваться удобным временем для отражения одной страсти другою.

10. Если бывает разжжение плоти, то должно укрощать ее воздержанием, во всякое время и на всяком месте. Когда же она утихнет (чего, впрочем, не надеюсь дожидаться прежде смерти), тогда может скрывать пред другими свое воздержание.

12. Кто говорит: «Когда душа наша желает различных снедей, тогда должно изнурять ее хлебом и водою», ...это — то же, что сказать малому отроку, чтобы он одним шагом вошел на самый верх лестницы. Итак, скажем в опровержение сего правила: если душа желает различных снедей, то она ищет свойственного естеству своему; и потому против хитрого нашего чрева должно и нам употребить благоразумную осторожность; и когда нет сильной плотской брани и не предстоит случая к падению, то отсечем прежде всего утучняющую пищу, потом разжигающую, а после и услаждающую. Если можно, давай чреву твоему пищу достаточную и удобоваримую, чтобы насыщением отделяться от его ненасытной алчности, и чрез скорое переварение пищи избавиться от разжжения, как от бича. Вникнем, и усмотрим, что многие из яств, которые пучат живот, возбуждают и движение похоти.

16. В сердцах чревоугодников — сновидения о снedah и яствах; в сердцах же плачущих — сновидения о последнем суде и о муках.

17. Будь господин над своим чревом, прежде, нежели оно тобою возобладает, и тогда будешь принужден со стыдом воздерживаться...

18. Будем внимательны, и мы увидим, что объядение есть единственная причина потоплений, с нами случающихся.

19. Ум постника молится трезвенно; а ум невоздержного исполнен нечистых мечтаний. Насыщение чрева иссушает источники слез; а чрево, иссушенное воздержанием, рождает слезные воды.

21. Когда чрево утесняется, тогда смиряется и сердце; если же оно упокоено пищею, то сердце возносится помыслами.

23. Утесняй чрево воздержанием, и ты сможешь заградить себе уста; ибо язык укрепляется от множества снедей. Всеми силами подвизайся против сего мучителя и бодрствуй неослабным вниманием, наблюдая за ним; ибо если ты хотя мало потрудишься, то и Господь тотчас поможет.

24. Мехи, когда их размягчают, раздаются и вмещают большее количество жидкости; а оставленные в небрежении не принимают и прежней меры. Обременяющий чрево свое расширяет внутренности; а у того, кто подвизается против чрева, они стягиваются мало-помалу; стянутые же не будут принимать много пищи, и тогда, по нужде самого естества, будем постниками.

27. По пресыщении нашем сей нечистый дух отходит и посылает на нас духа блудного; он возвещает ему, в каком состоянии мы остались, и говорит: «Иди, возмути такого-то: чрево его пресыщено, и потому ты немного будешь трудиться». Сей, придя, улыбается и, связав нам руки и ноги сном, уже все, что хочет, делает с нами, оскверняя душу мерзкими мечтаниями и тело истечениями.

28. Удивительное дело, что ум, будучи бестелесен, от тела оскверняется и омрачается, и что, напротив, невещественное от брения утончается и очищается.

29. Если ты обещался Христу идти узким и тесным путем, то утесняй чрево свое; ибо угождая ему и расширяя его, ты отвергаешься своих обетов. Но внимай, и услышишь говорящего: просторен и широк путь чревоугодия, *вводящий в пагубу блуда, и многие идут по нему, но узки врата и тесен путь воздержания, вводящий в жизнь чистоты, и немногие входят им* (Мф. 7, 14).

33. Пост есть насилие естества, отвержение всего, что услаждает вкус, погашение телесного разжжения, истребление лукавых помышлений, освобождение от скверных сновидений, чистота молитвы, светило души, хранение ума, истребление сердечной бесчувственности, дверь умиления, воздыхание смиренное, радостное сокрушение, удержание многословия, причина безмолвия, страж послушания, облегчение сна, здравие тела, виновник бесстрастия, разрешение грехов, врата рая и небесное наслаждение.

35. Скажи нам, мучительница всех людей, купившая всех золотом ненасытной алчности: как нашла ты вход в нас? Вошедши, что обыкновенно производишь? И каким образом ты выходишь из нас?

36. Она же, раздражившись от сих досад, яростно и свирепо отвечает нам: «Почто вы, мне повинные, биете меня досаждениями? И как вы покушаетесь освободиться от меня, когда я естеством связана с вами? Дверь, которою я вхожу, есть свойство снедей, а причина моей ненасытности — привычка; основа-

ние же моей страсти — долговременный навык, бесчувствие души и забвение смерти. И как вы ищете знать имена исчадий моих? Изочту их, и паче песка умножатся. Но узнайте, по крайней мере, какие имена моих первенцев и самых любезных исчадий моих. Первородный сын мой есть блуд, а второе после него исчадие — ожесточение сердца, третье же — сонливость. Море злых помыслов, волны скверн, глубина неведомых и неизреченных нечистот от меня происходят. Дщери мои суть: леность, многословие, дерзость, смехотворство, кощунство, прекословие, жестоковыйность, непослушание, бесчувственность, пленение ума, самохвальство, наглость, любовь к миру, за которую следует оскверненная молитва, парение помыслов и нечаянные и внезапные злоключения; а за ними следует отчаяние — самая лютая из всех страстей. Память согрешений воюет против меня. Помышление о смерти сильно враждует против меня; но нет ничего в человеках, что бы могло меня совершенно упразднить. Кто стяжал Утешителя, тот молится Ему против меня, и Он, будучи умолен, не попускает мне страстно действовать в нем. Не вкушившие же небесного Его утешения всячески ищут наслаждаться моею сладостью».

ПРЕДИСЛОВИЕ К 15-МУ СЛОВУ

О ЧЕЛОВЕКАХ, ВО ПЛОТИ ЖИВУЩИХ ПОДОБНО БЕСПЛОТНЫМ

Мы слышали от неистового обьядения, что блудная брань в теле есть его исчадие; и это не удивительно. Сему научает нас древний наш праотец Адам; ибо если бы он не был побежден чревом, то, конечно, не познал бы, что такое жена²⁴. Посему соблюдающие первую заповедь (о воздержании), не впадают во второе преступление (нарушение целомудрия); и хотя пребывают сынами Адамовыми, но бывают малым чим умалены от Ангел; и это для того, чтобы зло не пребывало бессмертным, как говорит учитель, почтенный именем Богослова (Святитель Григорий Назианзин).

СЛОВО 15

О НЕТАБЕННОЙ ЧИСТОТЕ И ЦЕЛОМУДРИИ, КОТОРЫЕ ТАЕННЫЕ ПРИОБРЕТАЮТ ТРУДАМИ И ПОТАМИ

1. Чистота есть усвоение бестелесного естества. Чистота есть вожденный дом Христов и земное небо сердца.

3. Чист тот, кто (плотскую) любовь отражает любовью (Божественною), и телесный огонь угасил огнем невестественным.

4. Целомудрие есть всеобъемлющее название всех добродетелей.

5. Целомудрие есть чистота души и тела.

6. Целомудр тот, кто и в самом сне не ощущает никакого движения или изменения в том устроении, в котором он пребывает.

7. Целомудр, кто навсегда стяжал совершенную нечувствительность к различию тел.

8. Предел и крайняя степень совершенной и всеблаженной чистоты состоит в том, чтобы в одинаковом устроении пребывать при виде существ одушевленных и бездушных, словесных и бессловесных.

9. Никто из обучившихся хранению чистоты да не вмняет себе приобретение ее; ибо невозможное дело, чтобы кто-нибудь победил свою природу; и где природа побеждена, там познается пришествие Того, Кто выше естества; ибо, без всякого прекословия, меньшее упраздняется большим.

12. Не тот чист, кто сохранил неразстленным сие бренное тело, но тот, кто члены его совершенно покорил душе.

14. Кто телесными трудами и потами веде брань с сим соперником, тот подобен связавшему врага своего слабым вервием; кто воюет против него воздержанием и бдением, тот подобен обложившему врага своего железными оковами; а кто вооружается смиренномудрием, безгневием и жаждою, тот подобен убившему своего супостата и скрывшему его в песке. Под именем песка разумей смирение, потому что оно не произраждает пажити для страстей, но есть земля и пепел.

15. Иной связал сего мучителя подвигами, иной — смирением, а иной — откровением Божиим. Первый подобен утренней звезде, второй — полной луне, а третий — светлому солнцу; но все имеют жительство на небесах. И как от зари свет, а по свете воссиявает солнце, так и о сказанном можно разуметь и видеть это на самом деле.

16. Лисица притворяется спящею, а бес целомудренным; та хочет обмануть птицу, а сей погубить душу.

17. Не верь во всю жизнь твою сему бренному телу и не надейся на него, пока не предстанешь Христу.

20. С новоначальными телесные падения случаются обыкновенно от наслаждения снедами; со средними они бывают от высокоумия и от той же причины, как и с новоначальными; но с приближающимися к совершенству они случаются только от осуждения ближних.

23. Окаянен падающий; но тот окаяннее, кто и сам падает, и другого увлекает к падению, потому что он понесет тяжесть двух падений и тяжесть сласти иного.

24. Не думай низложить беса блуда возражениями и доказательствами; ибо он имеет многие убедительные оправдания, как воюющий против нас с помощью нашего естества.

25. Кто хочет бороться с своею плотию и победить ее своими силами, тот тщетно подвизается; ибо если Господь не разорит

дома плотской похоти и не созиждет дома душевного, то всеудбит и постится думающий разорить.

26. Представь Господу немощ своего естества, сознавая во всем свое бессилие, и неощутительным образом получишь дарование целомудрия.

33. Бесчеловечный наш враг и наставник блуда внушает, что Бог человеколюбив и что Он скорое прощение подает сей страсти, как естественной. Но если станем наблюдать за коварством бесов, то найдем, что, по совершении греха, они представляют нам Бога праведным и неумолимым Судиею. Первое они говорят, чтобы вовлечь нас в грех; а второе, чтобы погрузить нас в отчаяние.

34. Когда печаль и отчаяние в нас усиливается, тогда мы не можем приносить должного покаяния, ни окаивать себя, ни укорять, хотя в печальном расположении души и не предаемся греху. Когда оные угаснут, тогда опять мучитель наш внушает нам о милосердии Божиим, чтобы мы снова пали.

35. Господь, как нетленный и бестелесный, радуется о чистоте и нетлении нашего тела; бесы же, по утверждению некоторых, ни о чем другом столько не веселятся, как о злосмрадии блуда, и никакой страсти не любят так, как оскверняющую тело.

36. Чистота нас усваивает Богу и, сколько возможно, делает Ему подобными.

В *Св. Иоанн Лествичник обращает наше внимание на сложнейшие мотивы поведения человека, решившего стать «целомудренным». Если совершать только подвиг воздержания, то это от гордыни, и нет здесь никакого целомудрия. Оно же наступает, когда тело подчиняется смиренной душе и возвышенному духу. Мне кажется, телесная чистота есть следствие чистоты помыслов и веры в премудрость Бога. Современный разгул вседозволенности как раз есть результат нашей безобразности, безумности, безлюбости. Любим свое тело, утеху, но не душу, не Бога в себе. И нет целомудрия как чистого состояния ума.*

39. Кто хочет с объядением и насыщением победить беса блуда, тот подобен угашающему пожар маслом.

40. Кто одним воздержанием покусается утолить сию брань, тот подобен человеку, который думает выплыть из пучины, плавая одною рукою. Совокупив с воздержанием смирение: ибо первое без последнего не приносит пользы.

41. Кто видит в себе какую-нибудь господствующую страсть, тому должно прежде всего противу ней вооружаться, особенно же если это — домашний враг; ибо если мы не победим сей страсти, то от победы над прочими не будет нам никакой пользы, а поразивши сего Египтянина, конечно, и мы узрим Бога в купине смирения.

45. Когда диавол хочет связать два лица союзом постыдной любви, тогда испытывает ту и другую сторону, и потом уже начинает возжигать огонь страсти.

48. Будем испытывать, исследовать и наблюдать: какая сладость происходит в нас при псалмопении, от беса блуда, и какая от словес Духа и заключающейся в них благодати и силы.

52. Возлегли на постель, мы наиболее должны бодрствовать и трезвиться; потому что тогда ум наш один без тела борется с бесами; и если он бывает сластолюбив, или исполнен сладострастных мечтаний, то охотно делается предателем.

55. Никто в продолжение дня не представляй себе в уме случающихся во сне мечтаний; ибо и то есть в намерении бесов, чтобы сновидениями осквернять нас бодрствующих.

59. Поведал мне некто об удивительной и высочайшей степени чистоты. Некто, увидев необыкновенную женскую красоту, весьма прославил о ней Творца и от одного этого видения возгорел любовью к Богу и пролил источник слез. Поистине удивительное зрелище! Что иному могло быть рвом погребели, то ему сверхъестественно послужило к получению венца славы. Если такой человек в подобных случаях всегда имеет такое же чувство и делание, то он воскрес, нетленен прежде общего воскресения.

60. Так должны мы поступать и при слушании песнопений и песней. Боголюбивые души, когда слышат пение мирских или духовных песен, исполняются чистейшего утешения, любви божественной и слез; между тем как в сластолюбивых возбуждаются совсем противные чувства.

65. Похвала чистоты столь велика и высока, что некоторые из отцев осмелились назвать ее бесстрашием.

66. Некоторые говорят, что по вкушении плотского греха невозможно называться чистым; а я, опровергая их мнение, говорю, что хотящему возможно и удобно привить дикую маслину к доброй. И если бы ключи Царства Небесного были вверены девственнику по телу, то мнение оное, может быть, имело бы основательность. Но да постыдит умствующих таким образом тот, кто имел тещу, а был чист и носил ключи Царствия²⁵.

67. Змий сладострастия многообразен; невкусившим сласти греха он внушает, чтобы только однажды вкусили ее и перестали; а вкусивших коварный побуждает воспоминанием опять к совершению греха. Многие из первых, поелику не знают зла сего, бывают свободны и от борьбы; а из последних многие, как познавшие опытом сию мерзость, терпят стужение и брани.

68. Иногда восстаем мы от сна чисты и мирны, и это бывает тайным благоденствием, которое мы получаем от святых Ангелов, особенно когда мы уснули со многою молитвою и трезвением; иногда же встаем нечистыми и смущенными; причиною же сего бывают худые сновидения.

70. Кто победил тело, тот естество победил; победивший же естество, без сомнения, стал выше естества; а такой человек ма-

NB Давайте задумаемся, что происходит на этой ступени — человек получает возможность испытать свою новую природу (духовную, бестелесную). И при этом он остается жить как человек в высшей степени замечательный. Необъяснимое чудо с точки зрения современной психологии. Фрейд никогда не мог этого понять.

лым чим, или, если можно так сказать, ничем не умален от Ангел (Пс. 8, 6).

71. Нет ничего чудного, если невестественный борется с невестественным; но то поистине великое чудо, что дух, облеченный в вещество, враждебное ему и борющееся с ним, побеждает врагов невестественных.

73. По определению рассудительных отцев, иное есть *прилог*, иное — *сочетание*, иное — *сосложение*, иное — *пленение*, иное — *борьба*, и иное — так называемая *страсть* в душе²⁶.

82. Все бесы покушаются сначала помрачить наш ум, а потом уже внушают то, что хотят; ибо если ум не смежит очей своих, то сокровище наше не будет похищено; но блудный бес гораздо больше всех употребляет это средство. Часто, помрачив ум, сего владыку, он побуждает и заставляет нас и пред людьми делать то, что одни только сумасшедшие делают. Когда же, спустя несколько времени, ум истрезвится, тогда мы стыдимся не только видевших наши бесчинные действия, но и самих себя, за непристойные наши поступки, разговоры и движения, и ужасаемся о прежнем нашем ослеплении; почему некоторые, рассуждая о сем, нередко отставали от этого зла.

83. Отвращайся от сего супостата, когда он, по соделании тобою вышеописанных поступков, возбращает тебе молиться, упражняться в благочестивых делах и пребывать во бденни; и поминай Того, Который сказал: *заче творит ми труды душа сия, мучимая порочными навыками, сотвори отмищение ея от ерагов ея* (Лк. 18, 5—8)²⁷.

84. Кто побелил свое тело? Тот, кто сокрушил свое сердце. А кто сокрушил свое сердце? Тот, кто отвергся себя самого; ибо

NB Идет правдивый, естественный, открытый разговор на тему, на которой мы сегодня все время «подскальзываемся»: *говорим либо цинично, либо вскользь, «пряча голову в песок».* Но только преодолев блуд, позоть, человек сможет прорваться к истинной любви. Сегодня эти понятия перепутаны, а подростки, в котором набирают силу биологические потребности, очень важно в этом разобраться.

как не быть сокрушенным тому, кто умер своей воле?

86. Каким образом и способом связать мне плоть свою, сего друга моего, и судить ее по примеру прочих страстей? Не знаю. Прежде, нежели успю связать ее, она уже разрешается; прежде, нежели стану судить ее, примирюсь с нею; и прежде, нежели начну мучить, преклоняюсь к ней жалостно. Как мне возненавидеть ту, которую я по естеству привык любить? Как освободиться от той, с которою я связан на веки? Как умертвить ту, которая должна воскреснуть со мною? Как сделать нетленную ту, которая получила тлен-

ное естество? Какие убедительные доказательства представлю той, которая может противоположить мне столько естественных возражений? Если свяжу ее постом, то, осудив ближнего, снова предаю ей; если, перестав осуждать других, побеждаю ее, то, вознесшись сердцем, опять бываю ею низлагаем. Она и друг мой, она и враг мой, она помощница моя, она же и соперница моя; моя заступница и предательница. Когда я угождаю ей, она вооружается против меня. Изнуряю ли ее — изнемогает. Упокою ли ее — бесчинствует. Обременяю ли — не терпит. Если я опечалю ее, то сам крайне буду бедствовать. Если поражу ее, то не с кем будет приобретать добродетели. И отвращаюсь от нее, и объемию ее. Какое это во мне таинство? Каким образом составилось во мне это соединение противоположностей? Как я сам себе и враг, и друг? Скажи мне, супруга моя — естество мое; ибо я не хочу никого другого, кроме тебя, спрашивать о том, что тебя касается; скажи мне, как могу я пребывать неуязвляем тобою? Как могу избежать естественной беды, когда я обещался Христу вести с тобою всегдашнюю брань? Как могу я победить твое мучительство, когда я добровольно решился быть твоим понудителем? Она же [естество], отвечая душе своей, говорит: «Не скажу тебе того, чего и ты не знаешь; но скажу то, о чем мы оба разумеем. Я имею в себе отца своего — самолюбие. Внешние разжжения происходят от угождения мне и от чрезмерного во всем покоя; а внутренние — от прежде бывшего покоя и от сладострастных дел. Зачавши, я рождаю падения; они же, родившись, сами рождают смерть отчаянием. Если явственно познаешь глубокую мою и твою немощь, то тем свяжешь мои руки. Если гортань умучишь воздержанием, то свяжешь мои ноги, чтобы они не шли вперед. Если соединишься с послушанием, то освободишься от меня; а если приобретешь смирение, то отсечешь мне голову.

Пятнадцатая степень. Кто, будучи во плоти, получил и здесь победную почесть, тот умер и воскрес, и еще здесь познал начало будущего нетления.

СЛОВО 16

О СРЕБРОЛЮБИИ

1. Большая часть премудрых учителей, после описанного нами сладострастного мучителя, полагают обыкновенно сего многословного беса сребролюбия. Чтобы и нам, немудрым, не изменить порядка премудрых, восхотели и мы последовать тому же распределению и правилу. Итак, если угодно, поговорим немного о сем недуге, а потом скажем вкратце и о врачевании.

2. Сребролюбие есть поклонение идолам, дочь неверия, извинение себя своими немощами, предсказатель старости, предвозвестник голода, гадатель о бездождии.

3. Сребролюбец есть хулитель Евангелия и добровольный отступник. Стяжавший любовь расточил деньги; а кто говорит, что имеет и то и другое, тот сам себя обманывает.

5. Не говори, что собираешь деньги ради нищих; ибо и две лепты вдовицы купили Царство Небесное.

6. Страннолюбец и сребролюбец друг с другом встретились; и второй назвал первого безрассудным.

7. Победивший страсть сию отсек попечения; а связанный ею никогда не молится чисто.

8. Сребролюбие начинается под видом раздаяния милостыни, а оканчивается ненавистью к бедным. Сребролюбец бывает милостив, пока собирает деньги; а как скоро накопил их, так и сжал руки.

NB *Сребролюбие — подмена цели жизни, идеала, незнание любви. Это извращение потребности «стяжания», первоначально связанной с приумножением духовных ценностей — талантов, творческих способностей, знаний, милосердия. Есть «стяжание духа», ведущее к нравственному росту, и есть «стяжание богатства», сопряженное с моральным уродством. При раздутой потребности «иметь» рушатся все человеческие связи, когда можно и нужно обмануть, украсть, унижить, предать и даже убить, о чем и свидетельствует современная жизнь. Почему вдруг наши люди, приученные к скромной жизни, вдруг яростно потянулись к богатству? Мне кажется, когда человек не может реализоваться в духе, он начинает реализовываться в приобретении вещей. И случается это именно со взрослыми людьми. Дети совершенно не знакомы со сребролюбием, для них актуальна потребность в саморазвитии, в приобретении духовных ценностей, ... если только мы — педагоги и учителя — даем им возможность сделать это.*

9. Видел я нищих деньгами, которые, в сожительстве с нищим духом, обогатились духовно и забыли первую свою нищету.

Шестнадцатая борьба. Кто в ней одержал победу, тот или любовь Божию приобрел, или отсек суетные попечения.

СЛОВО 17

О НЕСТЯЖАНИИ

1. Нестяжание есть отложение земных попечений, беззаботность о жизни, невозвратимое путешествие, вера заповедям Спасителя; оно чуждо печали.

2. Нестяжательный инок есть владыка над миром, вверивший Богу попечение о себе и верою стяжавший всех своими рабами. Он не будет говорить человеку о своей нужде; а что приходит, то принимает, как от руки Господней.

3. Нестязательный подвижник есть сын беспристрастия, и что он получает, то считает за ничто. Если случится ему куда-либо отойти, все вменяет как сор. Если же печалится о чем-нибудь, то еще не сделался нестяжательным.

4. Нестязательный муж молится чистым умом; а любостязательный во время молитвы представляет образы вещества.

5. Пребывающие в повиновении чужды сребролюбия: ибо когда они и тело свое предали, то что уже будут считать своею собственностью? Тем только лишаются они пользы, что удобны и готовы к переходам с места на место. Видел я, что вещество родило монахам терпение, чтобы пребывать на одном месте; но я больше их ублажил скитающихся ради Господа.

6. Вкусивший вышних благ легко презирает земные; не вкусивший же первых радуется о стяжании последних.

9. Велик благочестиво отвергший свое имение, но свят, кто отвергается своей воли. Первый сторицею имением или дарованиями обогатится; а последний жизнь вечную наследует.

10. Волны не оставят моря; а сребролюбца не оставят гнев и печаль.

11. Презревший вещество избавился от словооправданий и прекословия; любостязательный же за иглу готов состязаться до смерти.

12. Непоколебимая вера отсекает суетные попечения; а память о смерти научает отвергаться и тела.

14. Сребролюбие есть и называется корень всем злым (1 Тим. 6, 10); и оно действительно таково, ибо производит ненависть, хищения, зависть, разлучения, вражды, смущения, злопамятство, жестокость и убийства.

15. Малым огнем сожгли некоторые много вещества; и одною добродетелию избежали многие всех вышеписанных страстей: эта добродетель называется беспристрастием. Она рождается в нас от опытного ведения и вкушения Божественного разума и от попечения о страшном ответе во время исхода из сего мира.

Степень семнадцатая. Кто на нее взошел, тот шествует на небо, совлекись вещества.

СЛОВО 18

**О НЕЧУВСТВИИ, ТО ЕСТЬ ОБ ОМЕРТВЕНИИ ДУШИ,
И О СМЕРТИ УМА, ПРЕДВАРЯЮЩЕЙ СМЕРТЬ ТЕЛА**

1. Нечувствие, как телесное, так и душевное, есть омертвление чувства от долговременного недуга и нерадения, окончившееся нечувствием.

2. Безболезненность есть обратившееся в природу нерадение, оцепенение мысли, порождение худых навыков, сеть усердию,

силوک мужеству, незнание умиления, дверь отчаяния, мать забывения, которая, родив дочь свою, снова бывает ее же дщерию; это — отвержение страха Божия.

3. Бесчувственный есть безумный мудрец, учитель, осуждающий себя самого, любослов, который говорит против себя, слепец, учащий видеть; беседует о врачевании язвы, а между тем беспрестанно чешет и растревляет ее; жалуется на болезнь, и не отстает от вредных для него снейдей; молится о своем избавлении от страсти, и тотчас исполняет ее на самом деле; за совершение ее гневается сам на себя, и не стыдится слов своих, окаянный. «Худо я поступаю», — вопиет, и усердно продолжает делать злое. Устами молится против своей страсти, а делом для нее подвизается. О смерти любомудрствует, а живет как бессмертный. Вздыхает о разлучении души с телом, а сам пребывает в дремоте, как бы был вечный. О воздержании беседует, а стремится к объедению. Читает слово о последнем суде, и начинает смеяться. Читает слово против тщеславия, и самым чтением тщеславится. Говорит о блении, и тотчас погружается в сон. Хвалит молитву, и бегает от нее, как от бича. Послушание ублажает, а сам первый преступник. Беспристрастных хвалит, а сам не стыдится за рубище памятозлюбствовать и ссориться. Разгневавшись, огорчается, и опять за самое это огорчение на себя гневается: и прилагая побеждение к побеждению, не чувствует. Пресьтившись, раскаивается; и немного спустя опять прилагает насыщение к насыщению. Ублажает молчание, но восхваляет его многословием. Учит кротости, но часто в самом том учительстве гневается, и за огорчение свое опять на себя гневается. Воспрянув от греховного усыпления, въздыхает; но, покивав головою, снова предается страсти. Осуждает смех и учит о плаче, смеясь. Порицает себя перед некоторыми, как тщеславного, и тем порицанием покушается снискать себе славу. Сладострастно смотрит на лица, и между тем беседует о целомудрии. Пребывая в мире, хвалит безмолвствующих; а того не разумеет, что он этим посрамляет себя самого. Славит милостивых, а нищих поносит. Всегда сам себя обличает и прийти в чувство не хочет, чтобы не сказать не может.

4. Видал я много таких людей, которые, слушая слово о смерти и Страшном Суде, проливали слезы; а потом, когда слезы еще были в очах их, со тиданием снешили на транезу. Я подивился тому, каким образом госпожа оная, смрадная страсть объедения, будучи укрепляема долговременным бесчувствием, могла победить и плач.

5. По мере немощной моей силы я объяснил коварства и язвы сей безумной и неистойвой, каменистой и жестокой страсти; ибо я не намерен много против нее распространяться. Могущий же о Господе от опыта своего приложит врачевания к сим язвам, да не обленится это сделать; я же не стыжусь исповедать мою немощь в этом деле, будучи сам одержим крепкою оною страстию. Я не мог бы сам собою постигнуть хитростных козней ее, если бы не настиг ее негде, силою не задержал ее, и муками не прину-

дил ее исповедать все вышесказанное, бив ее мечом страха Господня и непрестанною молитвою. Потому-то сия злоторная мучительница и говорила мне: «Союзники мои, когда видят мертвых, смеются; стоя на молитве, бывают совершенно окаменелыми, жестокосердыми и омраченными. Пред священной трапезою Евхаристии остаются бесчувственными; и даже, причащаясь сего небесного дара, как бы простой хлеб вкушают. Когда я вижу людей, предстоящих с умилением, то ругаюсь над ними. От отца, родившего меня, научилась я убивать все доброе, рождающееся от мужества и от любви. Я мать смеха; я питательница сна; я друг пресыщению; я неразлучна с ложным благоговением; и когда меня обличают, я не чувствую скорби».

ВЗ *Очень страшное, но очень узнаваемое состояние, похожее на замбиование. Тебя уже не мучает, что ты поступаешь страшно, «убиваешь доброе» на ходу, даже если тебе на это укажут — ты это чувствуешь скорби». Мы погружаемся в это болото перманентно, пока нас что-то не встряхнет. Тогда немного выгребем, и снова окунаемся с головой. Рядом с нами так же засасывает эта холодная тряпина души наших близких — мы бездействуем. Некоторые дети на наших глазах превращаются в циников с холодным взглядом — мы их заслужили, потому что не тормозили, когда видели, что идут ко дну, что уже еле плывет душевная теплота и отзывчивость. Не поддержали огонек взаимным теплом, не оценили. Не показали, что он важен и нужен кому-то... Когда у человека не имеет какая-то часть тела — ее нужно растереть, разогреть, вернуть чувствительность. Подобным образом нужно пробовать обращаться к потерявшей чувствительность душе: не оставлять ее одну, тормозить, не давать засыпать, обращаться к ее совести, уму, сердцу с важными вопросами, заставляя их работать. Тогда душа должна оттаять. «Стучите и откроется вам».*

6. От слов сей неистовой страсти я, окаянный, ужаснулся и спросил о имени родившего ее. Она мне сказала: «Рождение у меня не одно: зачатие мое смешано и неопределенно. Насыщение меня укрепляет, время возвращает, а худой навык утверждает; одержимый им никогда от меня не освободится. Если ты со многим блением соединишь размышление о вечном суде, то, может быть, дам тебе малую ослабу»...

СЛОВО 19

О СНЕ, О МОЛITBE И ПСАЛМОПЕНИИ В СОВОРЕ БРАТИЙ

1. Сон есть некоторое свойство природы, образ смерти, бездействие чувств. Сон сам по себе один и тот же; но он, как и похоть, имеет многие причины: происходит от естества, от пищи, от бесов и, может быть, от чрезмерного и продолжительного поста, когда изнемогающая плоть хочет подкрепить себя сном.

18 *Очень важно осознать эту связь сна и бодрствования, содержание сна как «воздаяние» за содержание нашей жизнедеятельности. Что заслужил, что «наработал» в течение дня — то отзовется ночью, во время сна, когда мы условно, символически, переживаем состояние смерти. Как похожа эта связь сна и бодрствования на главную связь — жизни и смерти, то есть посмертного воздаяния за наши прижизненные дела.*

2. Как много пить зависит от привычки, так и много спать. Потому-то и должно нам, особенно в начале нашего подвига, подвизаться против сна; ибо трудно исцелить давний навык.

3. Начнем наблюдать и найдем, что, когда, по гласу духовной трубы (колокола), видимо собираются братья, невидимо стекаются душевные враги. Они... предстоящих на молитве погружают в сон. Иные производят сильные и безвременные движения в животе. Иные побуждают заводить разговоры. Другие отвлекают ум наш в скверные помыслы. Иные заставляют нас, как изнемогших, опираться о стену, а иногда наводят весьма частую зевоту. Некоторые же возбуждают в нас во время молитвы смех, чтобы чрез

сие подвигнуть Бога к негодованию на нас. Иные побуждают нас от лени спешить в псалмопении. Другие убеждают петь медленнее от самоуслаждения; а иногда сидят при устах наших и закрывают их, так что мы едва можем их открыть.

4. Но кто в чувстве сердца помышляет, что он предстоит Богу, тот в молитве будет как столп неподвижный, и ничем из прежде сказанных не будет поруган.

5. Часто истинный послушник, став на молитву, вдруг исполняется света и радости; потому что подвижник сей был приготовлен к сему и предпочищен нелицемерным послушанием.

9. В горниле искушается золото, а предстояние на молитве искушает усердие и любовь к Богу...

Кто приобрел похвальное дело молитвы, тот приближается к Богу и избегает бесов.

СЛОВО 20

О БДЕНИИ ТЕЛЕСНОМ: КАК МЫ ЧРЕЗ НЕГО ДОСТИГАЕМ ДУХОВНОГО И КАК ДОЛЖНО ОНОЕ ПРОХОДИТЬ

3. Бодрственное око очищает ум, а долгий сон ожесточает душу.
4. Бодрый инок — враг блуда, сонливый же — друг ему.
5. Бдение есть погашение плотских разжжений, избавление от сновидений, исполнение очей слезами, умягчение сердца, хранение помыслов, лучшее горнило для сварения принятой пищи, укрощение злых духов, обуздание языка, прогнание мечтаний.
6. Бдительный инок есть ловец помыслов, могущий удобно их усматривать и уловлять в тишине ночи.

9. Излишество сна — причина забвения; бдение же очищает память.

11. Многий сон есть неправедный сожигатель, похищающий у ленивых половину жизни, или еще больше.

20. От частого псалмопения, во время бодрственного состояния, бывает то, что и во сне приходят на ум слова псалмов... Душа, которая днем непрестанно поучается слову Божию, обыкновенно и во сне упражняется в том же; ибо сие второе бывает истинным воздаянием за первое делание, для отгнания духов и лукавых мечтаний.

Двадцатая степень. Восшедший на нее принял в сердце своем свет.

СЛОВО 21

О ЖАЛОДУШНОЙ БОЯЗЛИВОСТИ, ИЛИ СТРАХОВАНИИ

2. Боязливость есть младенческий нрав в старой тщеславной душе. Боязливость есть уклонение от веры в ожидании нечаянных бед.

3. Страх есть предвоображаемая беда; или, иначе, страх есть трепетное чувство сердца, тревожимое и сетующее от представления неведомых злоключений. Страх есть лишение твердой надежды.

4. Гордая душа есть раба страха; уповая на себя, она боится слабого звука тварей и самых теней.

5. Плачущие и болезнующие о грехах своих не имеют страхований; а страшливые часто лишаются ума; и по справедливости. Ибо праведно Господь оставляет гордых, чтобы и прочих научить не возноситься.

6. Все боязливые тщеславны, но не все небоящиеся смиренномудры; ибо случается, что и разбойники, и гробокопатели не боятся.

7. Не ленись в самую полночь приходить в те места, где ты боишься быть. Если же ты хоть немного уступишь сей младенческой и смеха достойной страсти, то она состарится с тобою. Но, когда ты пойдешь в те места, вооружайся молитвою; пришедши же, распрости руки и бей супостатов именем Иисусовым; ибо нет сильнеею оружием ни на небе, ни на земле. А избавившись от сего недуга, восхваляя Избавившего; ибо когда ты будешь Его благодарить, то и Он во век будет покрывать тебя.

8. Нельзя в одну минуту насытить чрево; так нельзя и боязливость победить скоро. По мере усиления в нас плача, она от нас отходит; а с уменьшением одного увеличивается в нас.

9. ...Иногда душа, а иногда плоть прежде поражается страхом, и потом страсть сию одна другой передают. Если плоть устраши-

ВВ *Воспитание бесстрашия к неожиданностям — очень важная задача для любой педагогической системы.*

освободились от боязливости.

ВВ *Непосвященным (часто — подросткам) кажется, что верующие — это такие темные люди, которые всего боятся и поэтому все время молятся Богу. Очень важно объяснить им, в чем разница между подлинной свободой христианина, имеющей своим основанием упование на волю Божию, и светной боязливостью неверующего человека.*

помолиться вместе с нами.

лась, а в душу не вошел сей безвременный страх, то близко избавление от этого недуга. Если же мы, от сокрушения сердца, с преданностью Богу, усердно ожидаем от Него всяких непредвидимых случаев, то мы воистину

наш, но бесплодие нашей души; иногда же это бывает промыслительно к вразумлению нашему.

11. Кто сделался рабом Господа, тот боится одного своего Владыки; а в ком нет страха Господня, тот часто и тени своей боится.

12. Когда злой дух приступает невидимо, тогда боится тело; а когда приступает Ангел, тогда радуется душа смиренного. Итак, когда мы по этому действию узнаем пришествие Ангела Божия, то скорее восстанем на молитву: ибо добрый хранитель наш пришел

СЛОВО 22

О МНОГООБРАЗНОМ ТЩЕСЛАВИИ

2. Тщеславие, по виду своему, есть изменение естества, развращение нравов, наблюдение укоризн. По качеству же оно есть расточение трудов, потеря потов, похититель душевного сокровища, исчадие неверия, предтеча гордости, потопление в пристани, муравей на гумне, который, хотя и мал, однако расхищает всякий труд и плод. Муравей ждет собрания пшеницы, а тщеславие — собрания богатства: ибо тот радуется, что будет красть; а сие, что будет расточать.

3. Дух отчаяния веселится, видя умножение грехов; а дух тщеславия, когда видит умножение добродетелей; ибо дверь первому — множество язв, а дверь второму — изобилие трудов.

4. Наблюдай и увидишь, что непотребное тщеславие до самого гроба украшается одеждами, благовониями, многочисленною прислугою, ароматами и тому подобным.

5. Всем без различия сияет солнце; а тщеславие радуется о всех добродетелях. Например: тщеславолюсь, когда пощусь; но когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, опять тщеславолюсь, считая себя мудрым. Побеждаю тщеславлем, одевшись в хорошие одежды; но и в худые одеваясь, также тщеславолюсь. Стану говорить, побеждаю тщеславлем; замолчу,

NB Порой кажется, что, действительно, нет начала и конца этому состоянию.

и опять им же победился. Как ни брось сей троерожник, все один рог станет вверх.

6. Тщеславный человек есть идолопоклонник, хотя и называется верующим. Он думает, что почитает Бога; но в самом деле угождает не Богу, а людям.

7. Всякий человек, который любит себя выказывать, тщеславен. Пост тщеславного остается без награды, и молитва его бесплодна, ибо он и то и другое делает для похвалы человеческой.

8. Тщеславный подвижник сам себе причиняет двойной вред: первый, что изнуряет тело, а второй, что не получает за это награды.

10. Господь часто скрывает от очей наших и те добродетели, которые мы приобрели; человек же, хвалящий нас, или, лучше сказать, вводящий в заблуждение, похвалою отверзает нам очи; а как скоро они отверзлись, то и богатство добродетели исчезает.

11. Лысец есть слуга бесов, руководитель к гордости, истребитель умиления, губитель добродетелей, отволитель от истинного пути. *Блажащии вас, лысят вы*, говорит Пророк.

12. Людям великим свойственно переносить обиды мужественно и с радостью, святым же и преподобным — выслушивать похвалу без вреда.

13. Видал я плачущих, которые, будучи похвалены, за похвалу воспылали гневом; и как случается в торговле, променяли одну страсть на другую.

15. Когда услышишь, что ближний твой или друг укорил тебя в отсутствии или в присутствии твоём: тогда покажи любовь и похвали его.

16. Великое дело — отвергнуть от души похвалу человеческую, но большее — отворотить от себя похвалу бесовскую.

17. Не тот показывает смиренномудрие, кто оуждает сам себя (ибо кто не стерпит поношения от себя самого?); но тот, кто, будучи укорен другим, не уменьшает к нему любви.

23. Тщеславие предпочитаемых делает гордыми, а презираемых памятозлыми.

24. Тщеславие часто бывает причиною бесчестия, вместо чести; ибо разгневающимся ученикам своим приносит великий стыд.

25. Тщеславие делает гневливых кроткими перед людьми.

26. Оно весьма удобно присоединяется к естественным дарованиям и чрез них нередко низвергает окаянных рабов своих.

28. Монах, сделавшийся рабом тщеславия, ведет двойственную жизнь, по наружности пребывая в монастыре, а умом и помышлениями в мире.

29. Если мы усердно хотим угождать Царю Небесному: то, без сомнения, и славы небесной вкусим; а вкусивший ее будет презирать всякую земную славу; и я удивился бы, если бы кто, не вкусивши первой, мог презреть последнюю.

31. Кто возносится естественными дарованиями, то есть остроумием, понятливостью, искусством в чтении и произношении, быстротою разума и другими способностями, без труда нами полученными, — тот никогда не получит вышеестественных благ; ибо неверный в малом — и во многом неверен и тщеславен.

32. Некоторые для получения крайнего бесстрастия и богатства дарований, силы чудотворения и дара прозорливости всеу изнуряют тело свое; но сии бедные не знают того, что не труды, но более всего смирение есть мать этих благ.

33. Кто просит у Бога за труды свои дарований, тот положил опасное основание; а кто считает себя должником, тот неожиданно и внезапно обогатится.

34. Не повинуйся велятелю сему, когда он научает тебя объявлять свои добродетели на пользу слышащих; *какая бо польза человеку, если он весь мир будет пользоваться, душе же своей повредит* (Мф. 16, 26)? Ничто не приносит столько пользы ближним, как смиренный и непритворный нрав и слово. Таким образом мы и других будем побуждать, чтобы они не возносились; а что может быть полезнее сего?

36. Есть слава от Господа, ибо сказано в Писании: *прославляющая Мя прославит* (1 Цар. 2, 30); и есть слава, происходящая от диавольского коварства, ибо сказано: *горе, егда добре рекут вам вси человецы* (Лк. 6, 26). Явно познаешь первую, когда будешь взирать на славу как на вредное для тебя, когда всячески будешь от нее отвращаться, и куда бы ни пошел, везде будешь скрывать свое жителство. Вторую же можешь узнать тогда, когда и малое что-либо делаешь для того, чтобы видели тебя люди.

38. Часто Господь исцеляет тщеславных от тщеславия приключающимся бесчестьем.

39. Начало к истреблению тщеславия есть хранение уст и любление бесчестья; середина же — отсечение всех помышляемых ухищрений тщеславия; а конец (если только есть конец в этой бездне) состоит в том, чтобы стараться делать пред людьми то, что нас уничижает, и не чувствовать при оном никакой скорби.

41. Когда мы домогаемся славы, или когда, без искательства с нашей стороны, она приходит к нам от других, или когда покушаемся употреблять некие ухищрения, служащие к тщеславию, тогда вспомним плач свой и помыслим о святом страхе и трепете, с которым мы предстояли Богу в уединенной нашей молитве; и таким образом, без сомнения, посрамит бесстыдное тщеславие, если, однако, стараемся об истинной молитве. Если же в нас нет этого, то поспешим вспомнить об исходе своем. Если же мы и сего помышления не имеем: то по крайней мере убоимся стыда, следующего за тщеславием, потому что *всякий возвышающий ссем себя унижен будет* (Лк. 14, 11) еще и здесь, прежде будущего века.

NB Хорошо бы нам запомнить этот способ: как только начинаешь «раздувать щеки» — загляни в свои «неприглядные кладовые» — и сразу успокойсья.

42. Когда хвалители наши, или, лучше сказать, обольстители начнут хвалить нас, тогда поспешим вспомнить множество наших беззаконий; и увидим, что мы поистине недостойны того, что говорят или делают в честь нашу.

Степень двадцать вторая. Кого не уловило тщеславие, тот не впадет в безумную гордость, враждующую на Бога.

СЛОВО 23

О БЕЗУМНОЙ ГОРДОСТИ

1. Гордость есть отвержение Бога, бесовское изобретение, презрение человек, матерь осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнивание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина беснования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья, противница Богу, корень хулы.

NB Вообще-то страсть эта называется по-русски «гордыня», а у св. Иоанна Лествичника «безумная гордость». Мне кажется, ее нужно отличать от привычного нам понятия «гордость» как способности человека любить общие успехи. Есть гордость за страну, за город, за друзей, за семью, ради них можно и жизнь положить, но не честь. А гордыня — это присваивание исключительно себе духовных достижений, принадлежащих всем. Это отсутствие совести и отсюда «безумие». Кстати, среди детей таких не встретишь. Эгоисты есть, хвастунишки есть, а вот гордецов нет, так как жизнь подростков есть сплошные взлеты и падения: на ошибках учимся.

2. Начало гордости — корень тщеславия; середина — унижение ближнего, бесстыдное проповедание своих трудов, самохвалство в сердце, ненависть обличения; а конец — отвержение Божией помощи, упование на свое тщание, бесовский нрав.

4. Где совершилось грехопадение, там прежде водворялась гордость; ибо провозвестник первого есть второе.

5. Один почтенный муж сказал мне: «Положим, что есть двенадцать бесчестных страстей; если произвольно возлюбишь одну из них, то есть гордость, то и одна сия наполнит место прочих одиннадцати».

6. Высокомудрый монах сильно прекословит; смиренномудрый же не только не прекословит, но и очей возвести не смеет.

8. Высокоумный человек желает начальствовать; да иначе он и погибнуть совершенно не может, или, правильное сказать, не хочет.

9. Бог гордым противится (Иак. 4, 6): кто же может помиловать их? Нечист пред Господом всяк высокосердый (Притч. 16, 5); кто же может очистить его?

10. Наказание гордому — его падение, досадитель — бес; а признаком оставления его от Бога есть умоисступление. В первом двух случаях люди нередко людьми же были исцеляемы; но последнее от людей неисцельно.

11. Отвергающий обличение обнаруживает страсть, а кто принимает оное, тот разрешился от уз ее.

14. Один премудрый старец духовно увещевал горящегося брата, но сей, ослепленный, сказал ему: «Прости меня, отче, я не горд». Мудрый же старец возразил: «Чем же ты, сын мой, яснее можешь доказать, что ты горд, как не тем, что говоришь: я не горд?»

15. Таковым весьма полезно повиновение, жестокое и презренное жителство, и чтение о сверхъестественных подвигах святых отцев. Может быть, хотя чрез это, сии недугующие получают малую надежду ко спасению.

16. Стыдно тщеславиться чужими украшениями, и крайнее безумие — гордиться Божиими дарованиями. Превозносись только теми добродетелями, которые ты совершил прежде рождения твоего; а те, которые ты исполнил после рождения, даровал тебе Бог, как и самое рождение. Какие ты исправлял добродетели без помощи ума, те только и твои; потому что Бог даровал тебе и самый ум. Какие подвиги показал ты без тела, те только и твои; ибо и тело не твое, а творение Божие.

19. Когда бес гордости утвердился в своих служителях, тогда, являясь им во сне или наяву в образе светлого Ангела, или мученика, преподает им откровение таинств и как бы дар дарований, чтобы сии окаянные, прельстившись, совершенно лишились ума.

27. Монах есть бездна смирения, в которую он низринул и в которой потонул всякого злого духа.

29. Гордость есть крайнее убожество души, которая мечтает о себе, что богата, и, находясь во тьме, думает, что она во свете.

30. Сия скверная страсть не только не даст нам преуспевать, но и с высоты низвергает.

31. Гордый подобен яблоку, внутри сгнившему, а снаружи блестящему красотою.

33. Тьма чужда света, и гордый чужд всякой добродетели.

34. В сердцах гордых рождаются хульные слова, а в душах смиренных —

небесные видения.

35. Тать не любит солнца; гордый же уничтожает кротких.

37. Кто пленен гордостью, тому нужна помощь Самого Бога; ибо суетно для такого спасение человеческое.

NB Запомнить бы этот образ и передать другим. Вскрывает гордыню как скальпелем. Позволяет воочию увидеть ее образ.

38. Некогда я уловил сию безумную прелестницу в сердце моем, внесенную в оное на раменах ее матери, тщеславия. Связав обеих узами послушания и бив их бичом смирения, я понуждал их сказать мне, как они вошли в мою душу? Наконец, под ударами, они говорили: «Мы не имеем ни начала, ни рождения, ибо мы сами начальницы и родительницы всех страстей. Не мало ратует против нас сокрушение сердца, рождаемое от повинования. Быть кому-нибудь подчиненными мы не терпим... Кратко сказать: мы родительницы всего, противного смиренномудрию: а что оному споспешествует, то нам сопротивляется... Наши исчадия суть падения мужей духовных: гнев, клевета, досада, раздражительность, вопль, хула, лицемерие, ненависть, зависть, прекословие, своенравие, непокорство. Есть только одно, чему мы не имеем силы противиться; будучи сильно тобою биты, мы и сие тебе скажем: если будешь искренно укорять себя пред Господом, то презришь нас, как паутину»...

Степень двадцать третья. Кто взойдет на нее (если только возможен взойти), тот будет крепок.

О нечеловеческих хульных помыслах

39. Выше сего мы слышали, что от злого корня и злой матери происходит злейшее исчадие, то есть от скверной гордости рождается неслезанная хула на Бога. Посему нужно и ее вывести на средю; ибо это не малогажное что-нибудь, но самый лютей из наших врагов и супостатов. И, что еще ужаснее, мы не можем без затруднения сказать, открыть, исповедать врачу духовному сии помыслы. Посему они часто многих повергали в отчаяние и безнадежность, истребив всю надежду их, подобно червю в дереве.

42. Никто не должен думать, что он виновен в хульных помыслах; ибо Господь есть Сердцеведец и знает, что такие слова не наши, но врагов наших.

43. Пьянство бывает причиною преткновения, а гордость — причина непотребных помыслов. Хотя преткнувшийся неповинен за преткновение, но за пьянство, без сомнения, будет наказан.

45. Безбожный сей дух не только хулит Бога и все Божественное, но и слова срамные и бесчестные произносит в нас, чтобы мы или оставили молитву, или впали в отчаяние.

50. Бес этот часто старается нападать на простейших по уму и незлобивейших, которые более других беспокоятся и смущаются от сего; о них можно сказать по справедливости, что все сие бывает с ними не от превозношения их, но от зависти бесов.

52. Как затворившийся в доме слышит слова проходящих, хотя сам с ними и не разговаривает: так и душа, пребывающая в себе самой, слыша хулы дьявола, смущается тем, что он, проходя сквозь ее, произносит.

53. Кто презирает сего врага, тот от мучительства его освобождается; а кто иным образом ухищряется вести с ним борьбу,

тем он возобладает. Хотящий победить духов словами подобен старающемуся запереть ветры.

Кто одержал победу над сею страстию, тот отринул гордость.

СЛОВО 24

О КРОТОСТИ, ПРОСТОТЕ И НЕЗЛОБИИ, КОТОРЫЕ НЕ ОТ ПРИРОДЫ ПРОИСХОДЯТ, НО ПРИОБРЕТАЮТСЯ ТЩАНИЕМ И ТРУДАМИ, И О ЛУКАВСТВЕ

1. Солнцу предшествует утренний свет, а всякому смиренномудрию предтеча есть кротость...

2. Кротость есть неизменное устройство ума, которое и в чести и в бесчестии пребывает одинаковым.

NB Если злословие было названо силой, истребляющей любовь, то кротость — сила, ее рождающая. То есть, чтобы любовь возникла (или сохранилась, или приумножилась), нужно в ответ на обиду или другое зло — «без смущения и искренно» помолиться о человеке. Осуждением любовь прекращаем.

щения грехов, дерзновение в молитве, вместилище Духа Святаго. На кого воззрю,

NB Есть Образ — есть безобразие; есть Правда, Истина — есть ложь, искусственность; есть Простота — есть лукавство. Св. преп. Амвросий Оптинский говорил: «Где просто — там ангелов со сто, а где хитро — там ни одного». Что-то одно мы должны выбрать и стремиться к этому. Простота принадлежит одному Началу (Божественному), а ложь — другому (лукавому).

3. Кротость состоит в том, чтобы при оскорблениях от ближнего без смущения и искренно о нем молиться.

4. Кротость есть скала, возвышающаяся над морем раздражительности, о которую разбиваются все волны, к ней приражающиеся; а сама она не колеблется.

5. Кротость есть утверждение терпения, дверь, или, лучше сказать, мать любви, начало рассуждения духовного; ибо Писание говорит: *научит Господь кроткия путем Своим* (Пс. 24, 9). Она есть ходатаица отпущения грехов, дерзновение в молитве, вместилище Духа Святаго. На смиренного и сокрушенного духом (Ис. 66, 2).

6. Кротость есть споспешница послушания, путеводительница братства, узда неистовству, пресечение гнева, подательница радости, подражание Христу, свойство ангельское, узы на бесов и щит против огорчения.

7. В кротких сердцах почивает Господь, а мятежливая душа — седалище диавола.

8. *Кроткия наследят землю*, или, лучше, возобладают землею; а неистовые во гневе *потребятся от земли их*.

9. Кроткая душа — престол простоты; а гневливый ум есть делатель лукавства.

10. Тихая душа вместит слова премудрости; ибо сказано: Господь *наставит кроткия на суд* (Пс. 24. 9), паче же на рассуждение.

11. Душа правая — сожительница смирения; лукавая же — раба гордости.

12. Души кротких исполнятся разума; а гневливый ум — сожитель тьмы и неразумия.

13. Гневливый человек и лицемер встретились друг с другом; и невозможно было найти правого слова в их беседе. Если раскрыть сердце первого, то найдешь неистовство; а испытавши душу второго, увидишь лукавство.

14. Простота есть утвердившийся навык души, которая сделалась чуждою всякого различия и неспособною к лукавству.

15. Лукавство есть искусство, или, лучше сказать, безобразие бесовское, которое потеряло истину и думает утаить это от многих.

16. Лицемерие есть противоположное тела с душой устройство, переплетенное всякими вымыслами.

17. Незлобие есть тихое устройство души, свободной от всякого ухищрения.

18. Правота есть незрительная мысль, искренний нрав, непритворное и неподготовленное слово.

19. Нелукавый есть тот, кто находится в естественной чистоте души, как она была сотворена, и который искренно обращается со всеми.

20. Лукавство есть извращение правоты, обольщенный разум, лживое оправдание себя благонамеренностию, клятвы, повинные мукe, двусмысленные слова, скрытность сердца, бездна лести, навык лгать, превратившееся в природу самомнение, противник смирения, личина покаяния, удаление плача, вражда против исповеди, упорство в своем мнении, причина падений, препятствие восстанию от падения, коварная улыбка при обличениях, безрассудное сетование, притворное благоговение; словом, оно есть бесовское житие.

21. Лукавый — диаволу соименник и сообщник; потому и Господь научил нас называть диавола лукавым, когда говорим: *избави нас от лукаваго* (Мф. 6, 13).

24. Первое свойство детского возраста есть безразличная простота; и доколе Адам имел ее, доколе не видел наготы души своей и ничего постыдного в наготе плоти своей. Похвальна и блаженна и та простота, которая бывает в некоторых от природы, но не так, как претворенная из лукавства чрез многие поты и труды; ибо первая покрывает нас от многообразия и страстей, а вторая бывает причиною высочайшего смиренномудрия и кротости; почему и награда первой не велика, а последней преславна.

25. Все, хотящие привлечь к себе Господа, приступим к Нему, как ученики к Учителю, с простотою, без притворства, без двоедушия и лукавства, без пыгливости. Он, будучи прост и незлобен, хочет, чтобы и души, приходящие к Нему, были просты

и незлобивы; ибо кто не имеет простоты, тот не может когда-либо увидеть смирение.

26. Лукавый есть лживый провидец, который думает, что он из слов может разуместь мысли других, и по внешним поступкам — сердечное расположение.

27. Видал я таких людей, которые прежде были праводушны, а потом у лукавых научились лукавить. Я удивился, как могли они так скоро потерять свое природное свойство и преимущество. Но сколь удобно праводушным людям измениться в лукавых, столь трудно лукавым переродиться в простосердечных.

28. Истинное удаление от мира, повиновение и хранение уст часто имели великую силу и сверх чаяния врачевали неисцельные страсти.

34. Борись, и старайся посмеяться своей мудрости. Делая так, обрящешь спасение и правость о Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

Кто на сей степени одержал победу — да дерзает, ибо он, сделавшись подражателем Христу, обрел спасение.

СЛОВО 25

ОБ ИСКОРЕНИИ СРАСТЕЙ, ВЫСОЧАЙШЕМ СМИРЕННОМУДРИИ, БЫВАЮЩЕМ В НЕВИДИМОМ ЧУВСТВЕ

1. Кто хотел бы чувственным словом изъяснить ощущение и действие любви Божией во всей точности, святого смиренномудрия — надлежащим образом, блаженной чистоты — истинно, просвещения Божественного — во всей его ясности, страха Божия — неложно, сердечного удостоверения — чисто; и кто думает одним сказанием своим просветить и научить невкусивших сего самым делом: тот делает нечто подобное человеку, вознамерившемуся словами и примерами дать понятие о сладости меда тем, которые никогда его не вкушали. Но как последний всеу риторствует, или, лучше сказать, пустословит: так и первый, будучи неопытен, сам не знает, о чем говорит, или сильно поруган тщеславием.

2. Настоящее слово представляет рассуждению вашему сокровище в бранных сосудах, то есть в телах. Никакое слово не может изъяснить его качество. Одну надпись имеет сие сокровище, надпись непостижимую, как свыше происходящую; и те, которые стараются истолковать ее словами, принимают на себя труд великого и бесконечного испытания. Надпись эта такова: *святое смирение*.

3. Все, которые Духом Божиим водятся, да внидут с нами в сие духовное и премудрое собрание, неся в мысленных руках Бо-

гописанные скрижали разума! И мы сошлись, исследовали силу и значение честного одного надписания. Тогда один сказал, что смирение есть всегдашнее забвение своих исправлений. Другой сказал: «Смирение состоит в том, чтобы считать себя последним и грешнейшим всех». Иной говорил, что смирение есть сознание умом своей немощи и бессилия. Иной говорил, что признак смирения состоит в том, чтобы в случае оскорбления предварять ближнего примирением и разрушать оным пребывающую вражду. Иной говорил, что смирение есть познание благодати и милосердия Божия. Другой же говорил, что смирение есть чувство сокрушенной души и отречение от своей воли.

4. Все сие выслушав и с великою точностию и вниманием рассмотрев и сообразив, не мог я слухом познать блаженное чувство смирения; и потому, будучи последним из всех, как пес, собрав крупичицы, падавшие со стола мудрых и блаженных мужей, то есть слова их уст, определяя добродетель оную, говорю так: смиреномудрие есть безыменная благодать души, имя которой тем только известно, кои познали ее собственным опытом: оно есть несказанное богатство, Божие именование; ибо Господь говорит: научитесь не от Ангела, не от человека, не от книги, но от Мене,

NB Удивительно выходит: вроде бы есть имя у добродетели — смиреномудрие. Но, раскрывая ее смысл, св. Иоанн Лествичник называет ее «безыменной» благодатью, и говорит, что имя узнать можно только «собственным опытом», при этом — это «Божие именование». То есть, это состояние, о котором нельзя узнать, не пережив его, при этом пережить и узнать можно только с Божьей помощью. Только Бог позволяет узнать такую благодать через соединение с ним, так как сам «смирен сердцем, и помыслами, и образом мыслей». Такое ощущение, что чем выше поднимается Лествица, тем явственнее присутствие Божественной тайны, тем меньше остается человеческой заслуги и тем больше подается Божественной помощи.

то есть от Моего в вас вселения и осияния и действия, яко кроток есмь и смирен сердцем и помыслами, и образом мыслей, и обряцете покой душам вашим от браней, и облегчение от искусительных помыслов (Мф. 11, 29).

5. Иной вид священного сего вертограда²⁸ еще во время зимы страстей, другой — весною, которая обещает плоды, и иной — во время лета созреваемых добродетелей; впрочем, все сии видоизменения ведут к одному концу — к веселию и плодоносности; и потому каждое его время имеет свои некоторые указания и признаки плодов. Ибо когда начнет в нас процветать священный грозд смирения, тогда мы, хотя и с трудом, возненавидим всякую славу и похвалу человеческую, отгоняя от себя раздражительность и гнев. Когда же смиреномудрие, сия царица добродетелей, начнет преуспевать в душе нашей духовным возрастом, тогда не только за ничто почитаем наши все добрые дела, но и вменяем их в мерзость, думая, что мы ежедневно прилагаем к бремени наших грехов, неведомым для нас расточени-

см, и что богатство дарований, которые получаем от Бога и которых мы недостойны, послужит к умножению наших мучений в грядущем веке. Посему ум бывает в то время неокрадом, затворившись в ковчеге смирения, и только слышит вокруг себя топот и игры невидимых татей, но ни один из них не может ввести его в искушение; ибо смирение есть такое хранилище сокровищ, которое для хищников неприступно.

7. Покаяние искреннее, плач, очищенный от всякой скверны, и преподобное смирение новоначальных такое имеют различие между собою, как мука, тесто и печеный хлеб. Ибо душа стирается и истончается истинным покаянием, соединяется же неким образом и, так сказать, смешивается с Богом водою плача неложного; а когда от него разжжется огнем Господним, тогда хлеботорится и утверждается блаженное смирение, бесквасное и невоздымающееся.

8. Первое, и одно из превосходнейших свойств сей прекрасной и досточудной троицы, состоит в радостнейшем подъятии уничижений, когда душа распростертыми руками принимает и объемлет их, как врачевство, исцеляющее и попадающее ее недуги и великие грехи. Второе же по оном свойство есть истребление всякого гнева, и в утолнение оно — смирение. А третья и превосходнейшая степень есть постоянная недоверчивость к своим добрым делам и всегдашнее желание научиться.

11. Кто с добродетелью смиренномудрия соединился браком, тот кроток, приветлив, удобоу милосерд; паче же всего тих, благопокорлив, беспечален, бодр, неленостен и, что много говорить, бесстрастен...

12. Смиренномудрый не любопытствует о предметах непостижимых; а гордый хочет исследовать и глубину судеб Господних.

14. Да не будет душа твоя рвом, который иногда источает животворную воду смирения, а иногда иссыхает от зноя славы и возношения; но да будет она источником бесстрастия, всегда изводящим из себя реку нищеты.

16. Покаяние восстанавливает падшего; плач ударяет во врата небесные; а святое смирение отверзает оные. Я же, говоря сие, поклонюсь Троице во Единце и Единце в Троице.

17. Солнце освещает все видимые твари, а смирение утверждает все разумные действия. Где нет света, там все мрачно; и где нет смиренномудрия, там все наши дела суетны.

19. Иное дело превозноситься; иное дело не возноситься; а иное смиряться. Один целый день судит (о всех и о всем); другой ни о чем не судит, но и себя не осуждает, третий же, будучи неповинен, всегда сам себя осуждает.

20. Иное дело смиренномудрствовать; иное дело подвизаться для приобретения смиренномудрия; а иное дело хвалить смиренномудрого. Первое принадлежит совершенным; второе —

истинным послушникам; а третье — всем православным христианам.

21. Кто смирил себя внутренне, тот не бывает скрадываем чрез уста; ибо чего нет в хранилище, того и дверь сия не износит.

22. Когда конь бежит один, ему кажется, что он скоро бегаёт; но когда находится в бегу с другими, тогда познаёт свою медленность.

23. Если помысл наш уже не хвалится природными дарованиями, то это знак начинающегося здоровья; а доколе чувствует он сей смрад тщеславия, дотоле благовония мира (смирения) обонять не может.

24. Святое смиренномудрие говорит: кто имеет любовь ко мне, но еще не совокупился со мною совершенно, тот никого не будет осуждать, не пожелает начальствовать, не будет выказывать свою премудрость. По совокуплении же со мною для него уже закон не лежит (1 Тим. 1, 9).

25. Нечистые бесы тайно влагали похвалу в сердце одному, тщательно стремившемуся к сей блаженной добродетели, подвижнику; но он, будучи наставляем Божественным вдохновением, умел победить лукавство духов благочестивою хитростию. Вставши, написал он на стене своей келии названия высочайших добродетелей, то есть любви совершенной, ангельского смиренномудрия, чистой молитвы, нетленной чистоты и других подобных; и когда помыслы начинали хвалить его, он говорил к ним: «Пойдем на обличение» и, подошедши к стене, читал написанные названия и зывал к себе: «Когда и все сии добродетели приобретешь, знай, что ты еще далеко от Бога».

28. ...Есть еще и другие свойства, которые познает в душе своей великий обладатель сего богатства. Тогда ты достоверно узнаешь, что святое существо сей добродетели есть в тебе, когда будешь исполнен неизреченного света и несказанной любви к молитве. Прежде же чем ты достигнешь сих дарований, надлежит тебе приобрести сердце, незазирающее чужих согрешений; предтечею же всего сказанного должна быть ненависть к тщеславию.

30. Познавший себя достиг разума страха Господня, и хотя в оном, достигает врат любви.

31. Смиренномудрие есть дверь Царствия Небесного, и она вводит туда приближающихся к ней. Думаю, что о входящих сею дверью говорит и Сам Спаситель сими словами: *и внидет и изыдет* (Ин. 10, 9) без страха из сей жизни, *и пажить обрящет* и знак в райских селениях.

32. Если хотим достигнуть добродетели смиренномудрия, да не престанем самих себя испытывать и истязывать; и если в истинном чувстве души будем думать, что каждый ближний наш превосходнее нас, то милость Божия недалеко от нас.

34. Многие называют себя грешниками, а может быть, и в самом деле так о себе думают; но сердце искушается уничтожением (от других).

36. Некоторые, хотя и получили уже прощение грехов, но для всегдашнего побуждения к смиренномудрию удерживают до конца жизни воспоминание о прежде бывших согрешениях, преграждая оным суетное возношение. Другие, размышляя о страданиях Христа Спасителя, считают себя всегда неоплатными должниками пред Ним. Иные оуждают себя за ежедневные не исправности. Иные случающимися искушениями, немощами и согрешениями, в какие впадают, низвергают гордость. Другие молением о взятии от них дарований усвоили себе мать дарований — смирение. Есть и такие (но ныне есть ли, не могу сказать), которые тем более смиряются пред Богом, чем более ущедряются Божиими дарованиями, почитая себя недостойными такого богатства, и такой имеют залог в душе, что будто бы они ежедневно прилагают к долгу своему. Вот смирение, вот блаженство, вот совершенная почесть победная! Если увидим или услышим, что кто-нибудь, в продолжение немногих лет, приобрел высочайшее бесстрашие: верь, что такой шествовал не иным путем, но сим блаженным и кратким.

37. Священная двоица — любовь и смирение; первая возносит, а последнее вознесенных поддерживает и не дает им падать.

38. Иное дело — сокрушение сердца; другое дело — самопознание; а еще иное — смирение.

39. Сокрушение происходит от грехопадения. Падающий сокрушается, и хотя бездерзновенен, однако с похвальным бесстыдством предстоит на молитве, как разбитый, на жезл надежды опираясь и отгоняя им пса отчаяния.

40. Самопознание есть верное понятие о своем духовном возрасте и неразвлекаемое памятование легчайших своих согрешений.

41. Смирение есть духовное учение Христово, мысленно приемлемое достойными в душевную клеть. Словами чувственными его невозможно изъяснить.

43. *Не нам, Господи, не нам*, сказал некто, в чувстве души, но имени Твоему даждь славу (Пс. 113, 9); ибо он знал, что естество человеческое не может принимать похвалу безвредно. *О Тебе похвала моя в Церкви велицей* (Пс. 21, 26) в будущем веке: а прежде того не могу принимать ее безопасно.

46. ...Поистине дело великих — терпеть поругания от своих. Но да не приводит вас в ужас сказанное мною; никто никогда не мог одним шагом взойти на верх лестницы.

49. Святое смирение имеет дарование от Бога к восхождению на тридесять, на шестьдесят и на сто. На последнюю степень восходят одни бесстрастные, на среднюю — мужественные; на первую же степень все могут взойти.

51. Птицы боятся и вида ястреба; а делатели смирения — и гласа прекословия.

52. Многие получили спасение без прорицаний и осияний, без знамений и чудес; но без смирения никто не вникнет в небесный чертог. Ибо хранитель первых (дарований) есть второе (сми-

рение); но часто, в легкомысленных людях, чрез первые истребляется второе.

53. Чтобы нас, и не желающих смириться, побудить к сей добродетели, Господь Промыслом Своим устроил то, что никто из своих не видит так хорошо, как видит их ближний; и потому мы обязаны не себе приписывать исцеление наше, но ближнему, и Богу воздавать благодарение о здравии.

54. Смирennemудрый всегда гнушается воли своей, как погрешительной, даже и в прошениях своих ко Господу: он с несомненною верою научается должному, и принимает оное, не жительству учителя внимая, но возложив попечение на Бога. И хотя такой делатель все по воле Божией и делает, и мыслит, и говорит, но никогда не доверяет себе; ибо для смиренного тягость и жало — верить самому себе: как гордому трудно последовать словам и мнению других.

56. Кто просит от Бога меньше того, чего он достоин, тот, конечно, получит более, нежели чего стоит. Об истине сего свидетельствует мытарь, просивший отпущения грехов и получивший оправдание. Разбойник также просил только, чтобы Господь помянул его во Царствии Своем, но он первый получил весь рай в наследие²⁹.

62. Приснопамятные отцы наши утверждают, что путь к смирению и начальная причина сей добродетели суть труды телесные; а я полагаю — послушание и правость сердца, которые естественно сопротивляются возношению.

63. Если гордость некоторых из Ангелов превратила в бесов, то, без сомнения, смирение может и из бесов сделать Ангелов. Итак, да благодухшествуют падшие (уповая на Бога).

64. Потщимся и потрудимся всею силою взойти на верх сей добродетели. Если идти не можем, потщимся, чтобы оно подняло нас на раменах своих. Если немоществуем чем-нибудь, то да не отпадем, по крайней мере, от объятий; ибо я подивился бы, если бы отпадающий от него получил некий вечный дар.

66. Ничто так не смиряет душу, как пребывание в нищете... ибо тогда наипаче показуемся любомудрыми и боголюбивыми, когда, имея средства к возвышению, убегаем одного невозвратно³⁰.

68. Смирennemудрие есть тифон³¹, могущий возвести душу из бездн грехов на небо.

69. Некто увидел в сердце своем красоту сей добродетели, и, будучи объят удивлением и ужасом, вопрошал ее, да скажет ему имя родителя своего. Она же, радостно и кротко улыбаясь, сказала ему: «Как ты стараешься узнать имя Родившего меня, когда Он неименуем? Итак, я не объявляю тебе одного имени, доколе не стяжаешь в себе Бога» Слава Ему во веки веков. Аминь.

Матерь источника — бездна, рассуждения же источник — смирение.

СЛОВО 26

О РАССУЖДЕНИИ ПОМЫСЛОВ И СТРАСТЕЙ, И ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

1. Рассуждение в новоначальных есть истинное познание своего устройства душевного; в средних оно есть умное чувство, которое непогрешительно различает истинно доброе от естественного, и от того, что противно доброму; в совершенных же рассуждение есть находящийся в них духовный разум, дарованный Божественным просвещением, который светильником своим может просвещать и то, что есть темного в душах других.

2. Или же, рассуждение в общем смысле в том состоит и познается, чтобы точно и верно постигать Божественную волю во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи. Оно находится в одних только чистых сердцем, телом и устами.

4. Рассуждение есть совесть неоскверненная и чистое чувство.

5. Никто по неразумию да не впадет в неверие, видя или слыша в монашеской жизни бывающее выше естества; ибо где Бог, превысший естества, являет Свое присутствие, там много бывает выше естественного.

6. Все брани бесовские происходят от трех главных причин: или от нерадения нашего, или от гордости, или от зависти дьявола. Окаянен первый; всеокаянен второй; третий же — треблажен.

7. Целию и правилом, во всех случаях, да поставляем по Богу совесть нашу и, узнавши, откуда веют ветры, по ее указанию уже да распространяем и паруса.

8. Во всех деланиях, которыми стараемся угодить Богу, бесы выкапывают нам три ямы. Во-первых, борются, чтобы воспрепятствовать нашему доброму делу. Во-вторых, когда они в сем первом покушении бывают побеждены, то стараются, чтобы сделанное не было по воле Божией. А если тати оные и в сем умышлении не получают успеха: тогда уже тихим образом приступивши к душе нашей, ублажают нас, как живущих во всем богоугодно. Первому искушению сопротивляются тщание и попечение о смерти; второму — повинование и уничтожение; а третьему — всегдашнее укорение самого себя. *Сие труд есть пред нами, дондеже внидет во святилище наше огонь оный Божий* (Пс. 72, 16). Тогда уже не будет в нас насилия злых навыков; ибо *Бог наш есть огонь, поядаяй* (Евр. 12, 29) всякое разжжение и движение похоти, всякий злой навык, ожесточение и омрачение, внутреннее и внешнее, видимое и помышляемое.

11. Если прежде день в душе нашей не померкнет и не потемнеет, то невидимые тати оные не окрадут, не убьют и не погубят. *Окрадывание души есть, когда мы почитаем за добро, в чем нет добра; окрадывание есть неприметное лишение духовного богат-*

ства; окрадывание есть неведомое пленение души. Убиение души есть умерщвление словесного ума впадением в дела непристойные; а погибель души есть впадение в отчаяние после совершения беззакония.

12. Никто не должен извиняться в неисполнении Евангельских заповедей своею немощию; ибо есть души, которые сделали более, нежели сколько повелевают заповеди...

13. Да благодушествуют страстные смирившиеся. Ибо если они и во все ямы впадали, и во всех сетях увязали, и всяким недугом вознедуговали, но по выздоровлении бывают для всех светилами и врачами, путеводителями и наставниками, объявляя свойства и виды каждого недуга и своею опытностию спасая близких к падению.

14. Если некоторые, мучимые прежде приобретенными привычками, могут хотя простым словом учить других, да научат, только да не начинают; может быть, они когда-нибудь, хотя собственных слов устыдившись, начнут деятельную добродетель. Таким образом и на них сбудется то, что, как я видел, случалось с некоторыми погрязшими в тине: испытавши нечистоту ее, они рассказывали мимоходящим, каким образом попали в тину; и делали сие в предохранение их, чтобы и они не погрязли, идя тем же путем; и за спасение иных Всесильный избавил и их от тины греха...

15. Свирепое поистине и неукротимое мы переплываем море, исполненное многих ветров и скал, водоворотов, разбойников, смерчей и мелей, чудовищ и свирепых волн. Скала в душе есть свирепая и внезапная вспыльчивость. Водоворот — безнадежие, которое объемлет ум и влечет его во глубину отчаяния. Мели суть неведение, содержащее зло под видом добра. Чудовища же суть страсти сего грубого и свирепого тела. Бесы и люди, хвалящие нас, — лютейшие слуги тщеславия, которые похищают наш груз и труды добродетелей. Волна есть надменное и напыщенное сыгостию чрево, которое стремлением своим предает нас оным зверям; а смерч есть сверженная с небес гордость, которая возносит нас (до небес) и низводит до бездн.

16. Занимающиеся науками знают, какое учение прилично новоначальным, какое средним и какое самим учителям. Рассмотрим внимательно, не остаемся ли мы еще при начальных

NB Наша профессия требует от нас непрерывного самообразования и постоянной учебы. Учитель, не умеющий учиться и не желающий развиваться, теряет способность к «детовожждению». Вот почему у нас не каждый учитель — педагог.

правилах, хотя и обучаемся долгое время. Все считают за стыд видеть старика, ходящего в детское училище. Превосходный алфавит для всех есть следующий: послушание, пост, вретиче, пепел, слезы, исповедание, молчание, смирение, бдение, мужество, стужа, труд, злострадание, уничтожение, сокрушение, непамятозлобие, братолюбие, кротость, простая и нелюбо-

пытная вера, беспопечение о мире, беспристрастие, простота с незлобием, произвольная худость.

17. Указание и признаки преуспевающих суть: отсутствие тщеславия, безгневию, благонадежие, безмолвие, рассуждение, твердая память суда, милосердие, страннолюбие, приличное разумление, бесстрастная молитва, несребролюбие.

18. Предел же, указание и закон душ и телес, бывающих во плоти совершенными по благочестию, таковы: непленяемое сердце, совершенная любовь, источник смиренномудрия, восхищение ума, Христово вселение, неокрадывание света и молитвы, изобилие осияния Божия, спокойное ожидание смерти, отчуждение от тела, молитвенник о мире, как бы насильно преклоняющий Бога на милость, сослужебник Ангелам, бездна разума, дом таинств, хранилище неизреченных откровений, спаситель человеков, господин страстей, владыка тела, повелитель естества, чуждый греха, дом бесстрастия, подражатель Владыки помощью Владыки.

22. Ум, достигший духовного разума, непременно облечен и в духовное чувство. В нас ли оно, или не в нас, но мы должны непрестанно об нем заботиться и искать его в себе; ибо когда оно явится, тогда внешние чувства всячески перестанут обольстительно действовать на душу; и зная это, некто из премудрых сказал: *и Божественно чувство обрящещи* (Притч. 2, 5).

24. Иное есть Промысл Божий; иное — Божия *помощь*; иное — *хранение*; иное — *милость* Божия; и иное — *утешение*. Промысл Божий простирается на всякую тварь. *Помощь* Божия подается только верным. *Хранение* Божие бывает над такими верными, которые поистине верны. *Милости* Божией сподобляются работающие Богу; а *утешения* — любящие Его.

25. Что иногда бывает врачевством для одного, то для другого бывает отравой; и иногда одно и то же одному и тому же бывает врачевством, когда преподается в приличное время, не во время же бывает отравой.

26. Видел я неискусного врача, который больного скорбного обесчестил, и тем ничего более для него не сделал, как только ввергнул его в отчаяние. Видел и искусного врача, который надменное сердце резал уничижением и извлек из него весь смрадный гной.

28. Некоторые, не знаю почему (ибо я не научился своим мнением любопытствовать и испытывать о дарованиях Божиих), так сказать, по природе наклонны к воздержности, или к безмолвничеству, или к чистоте, или к скромности, или к кротости, или к умилению. У других же самая почти природа сопротивляется сим добрым качествам, но они насильно принуждают себя к оным; и хотя иногда и побеждаются, однако их, как понудителей естества, я похваляю больше первых.

29. Не хвались много, о человек, богатством, которое ты без труда получил; но знай, что Раздаватель даров, предвидев великое

твое повреждение, немощь и погибель твою, восхотел хотя как-либо спасти тебя превосходными оными дарованиями, не заслуженными тобою.

35. Если Бог воскреснет в нас деянием, то *расточатся врази Его*, и если видением к Нему приблизимся, то *побежат ненависти Его* и нас *от лица Его* и нашего.

36. Потом наипаче, а не нагим словом, потщимся научиться познанию Божественных истин; ибо не слова, а дела должны мы будем показать во время исхода³².

51. Страх, который чувствуем к начальникам и к зверям, да будет для нас примером страха Господня; и любовь к телесной красоте да будет для тебя образом любви к Богу; ибо ничто не препятствует нам брать образцы для добродетелей и от противных им действий.

52. Весьма развратился (в переводе старца Паисия: «излукавствовался») нынешний век и весь стал преисполнен возношения и лицемерия: труды телесные, по примеру древних отцев наших, может быть, и показывает, но дарований их не сподобляется; хотя, думаю я, естество человеческое никогда так не требовало дарований, как ныне. И справедливо мы это терпим, потому что не трудам, но простоте и смирению являет себя Бог...

53. Когда кого-нибудь из наших воинов о Христе увидим в телесном страдании и недуге; то не будем лукаво объяснять себе причину его болезни, но лучше примем его с простою и не мыслящею зла любовию и постараемся утешать, как собственный член, и как воина, уязвленного на брани.

54. Болезнь посылается иногда для очищения согрешений; а иногда для того, чтобы смирить возношение.

56. Все, что с нами случается, видимое или невидимое, можно принимать тройко: как должно, пристрастно и средним образом. Я видел трех братьев, потерпевших тщету: один из них негодовал, другой пребыл без печали, а третий принял это с великою радостию.

57. Видел я, что земледельцы одинаковое семя бросали в землю, но каждый из них имел при этом свое намерение. Один думал о том, как бы долги уплатить; другой хотел обогатиться; иной желал дарами почтить Владыку; у иного цель была та, чтобы за свое благое дело получить похвалу от проходящих путем сей жизни; другой думал досадить врагу, который ему завидовал; а иной для того трудился, чтобы люди не поносили его, как праздного. И вот какие названия семян сих земледельцев: пост, бдение, милостыня, служения и подобное сему; а различное намерение сеяния тщательно да рассматривают сами о Господе братия.

58. Как, черпая воду из источников, иногда неприметно зачерпываем и жабу вместе с водою, так часто, совершая дела добродетели, мы тайно выполняем сплетенные с ними страсти. Например, со страннолюбием сплетается объядение, с любо-

вию — блуд, с рассуждением — коварство, с мудростию — хитрость, с кротостию — тонкое лукавство, медлительность и леность, прекословие, самочиние и непослушание; с молчанием сплетается кичливость учительства; с радостию — возношение, с надеждою — ослабление, с любовию — опять осуждение ближнего, с безмолвием — уныние и леность, с чистотою — чувство огорчения, с смиренномудрием — дерзость. Ко всем же сим добродетелям прилипает тщеславие, как некая отравя.

59. Да не скорбим, когда в прошениях наших ко Господу до времени не бываем услышаны; ибо Господь хотел бы, чтобы все человеки в одно мгновение сделались бесстрастными.

60. Все, просящие чего-нибудь у Бога и не получающие, без сомнения, не получаем по какой-либо из сих причин: или потому что прежде времени просят; или потому что просят не по достоинству и по тщеславию; или потому что, получивши просимое, возгордились бы или впали бы в нерадение.

61. В том, я думаю, никто не сомневается, что бесы и страсти отходят от души, иногда на некоторое время, а иногда и навсегда; но не многие знают, по каким причинам они нас оставляют.

63. Вещество страстей, будучи изнуряемо Божественным огнем, потребляется; а по мере того, как вещество искореняется, и душа очищается, отходят и страсти, если человек сам не привлечет их опять веществолюбивым житием и леностию.

64. Иногда бесы отступают и сами собою, чтобы ввести нас в беспечность, и потом внезапно нападают на бедную душу, расхищают ее и до такой степени приучают к порокам, что она после того уже сама себе наветует и противоборствует.

67. Зла и страстей по естеству нет в человеке; ибо Бог не творец страстей. Добродетели же многие даровал Он нашей природе, из которых известны следующие: милостьня, ибо и язычники милосердствуют; любовь, ибо часто и бессловесные животные проливают слезы, когда их разлучают; вера, ибо все мы от себя ее порождаем; надежда, потому что мы и взаимны берем, и взаимны даем, и сеем, и плаваем, надеясь обогатиться. Итак, если, как мы здесь показали, любовь есть добродетель естественная нам, а она есть союз и исполнение закона: то, значит, добродетели недалеки от нашего естества. Да постыдятся же те, которые представляют свою немощь к исполнению их.

68. Но что касается до чистоты, безгневия, смиренномудрия, молитвы, бдения, поста и всегдашнего умиления: то сии добродетели выше естества. Некоторым из них научили нас люди, другим Ангелы, а иных учитель и дарователь есть Сам Бог Слово.

69. При сравнении зол должно избирать легчайшее. Например, часто случается, что когда мы предстоим на молитве, приходят к нам братия; мы бываем в необходимости решиться на одно из двух: или оставить молитву, или отпустить брата без ответа и опечалить его. Но любовь больше молитвы, потому что молитва

есть добродетель частная, а любовь есть добродетель всеобъемлющая.

71. Нередко Бог, по особенному Своему промыслению, оставляет в духовных людях некоторые легчайшие страсти для того, чтобы они ради сих легких и почти безгрешных немощей много себя укоряли и тем приобрели некрадмое богатство смиренномудрия.

72. Кто вначале не жил в повиновении, тому невозможно приобрести смирения; ибо всякий, сам собою научившийся хужеству, кичится.

74. Благочестивым свойственно давать всякому просящему; более же благочестивым — давать и не просящему; а не требовать назад от взявших, в особенности же когда есть возможность, свойственно одним только бесстрастным.

75. Будем непрестанно исследовать самих себя в отношении ко всем страстям и добродетелям, чтобы узнать, где мы находимся: в начале ли, в середине, или в конце.

77. Есть некоторое чувство, или, лучше сказать, навык неутомимой терпеливости. Объятый оным не убоится когда-либо страдания и не отвратится от него. Души мучеников, исполненные сим достохвальным чувством, удобно презирали мучения.

78. Иное — хранение помыслов, а иное — блюдение ума; и *елико востоцы отстоят от запад*, столько последнее делание выше первого, хотя и несравненно труднее его.

79. Иное дело молиться против помыслов; иное — противоречить им; а иное — уничтожать и презирать их. ...Средний из сих часто прибегает к первому способу по причине своей неготовности; но первый еще не может вторым образом отвергать сих врагов; а достигший третьего устройства совершенно презирает бесов.

81. Как имеющие здравое чувство обоняния могут ощущать ароматы, хотя кто и тайно их при себе имеет: так и душа чистая познает в других и благоухание, которое сама получила от Бога, и злосмрадие, от которого совершенно избавлена, хотя другие сего и не ощущают.

82. Хотя не все могут быть бесстрастны, однако спастись и примириться с Богом всем не невозможно.

83. Да не овладеют тобою иноплеменники — оные помыслы, которые побуждают испытывать неизреченные судьбы Промысла Божия и видения, бывающие людям, и тайно внушают безрассудное мнение, будто у Господа есть лицепрятие. Сии домыслы суть признаки и явные исчадия возношения.

84. Есть бес сребролюбия, который часто принимает лицемерный образ смирения; и есть бес тщеславия, который побуждает к раздаянию милостыни; то же делает и бес сластолюбия. Если мы будем чисты от последних двух страстей, то не престанем творить дела милосердия на всяком месте.

86. Всякому духовному деланию, видимому или умственному, предшествует собственное намерение и усерднейшее желание,

при Божиим в оных содействии; ибо если не будет первых, то и второе не последует.

87. ...Рассмотрим, что каждому времени прилично и свойственно. Ибо известно, что для подвизающихся есть время бесстрастия, и есть время побеждения страстями, по причине младенчества подвизающихся. Есть время слез, и время окаменелости сердца; есть время повиновения, и время повелевания; есть время поста, и время принятия пищи. Есть время брани от врага — тела, и время погашения разжжения; время бури душевной, и время тишины ума; время сердечной печали, и время духовной радости; время учить, и время учиться; время осквернений, может быть, за возношение, и время очищения за смирение; время борьбы, и время твердого мира; время безмолвия, и время деятельности безмолвной; время непрестанной молитвы, и время нелицемерного служения. Итак, да не обольщает нас горделивое усердие, побуждая прежде времени искать того, что придет в свое время: не будем искать в зиме того, что свойственно лету; ни во время сеяния — того, что принадлежит жатве. Ибо есть время сеять труды, и есть время пожинать неизреченные дарования благодати. В противном случае, мы и в свое время не получим того, что оному времени прилично и свойственно.

88. Некоторые, по непостижимому Божию Промыслу, получили духовные дарования прежде трудов; другие в самих трудах, иные после трудов, а некоторые уже при смерти. Достоинно испытания, кто из них смиреннее прочих?

89. Есть отчаяние, происходящее от множества грехов и отягчения совести и нестерпимой печали, когда душа по причине множества сих язв погружается и от тяжести их утопает во глубине безнадежия. Но есть отчаяние и другого вида, которое бывает от гордости и возношения, когда падшие думают, что они не заслужили сего падения. Если кто в это вникнет, то найдет, что между теми и другими такое различие: первые предаются нерадению; а вторые при безнадежии держатся и подвига, что одно другому противно. Но от первого исцеляют воздержание и благонадежие; а от последнего — смирение, и то, чтобы никого не судить.

91. Во всех твоих начинаниях и во всяком образе жизни, в подчинении ли ты находишься, или неподчинении, видимое ли твое делание или духовное, да будет тебе сие законом и правилом: испытывай, истинно ли они Бога ради совершаются? Например, если мы, будучи новоначальными, делаем что-нибудь с прилежанием, но от сего делания не умножается в душе нашей прежде снисканное смирение, то не думаю, чтобы труд наш был по Богу, мал ли он, или велик. Ибо в нас, младенческих, признак того, что делание наше согласно с волею Божиею, есть успеяние в смирении; в средних — прекращение внутренних браней; а в совершенных — умножение и изобилие Божественного света.

92. Малое у великих может быть и не мало; а великое у малых без сомнения несовершенно.

93. Когда воздух очистится от облаков, тогда солнце показывается во всем своем сиянии; так и душа, которая сподобилась прощения грехов и прежних навыков, без сомнения, видит Божественный свет.

95. Некоторые больше всего ублажают чудотворения и другие видимые духовные дарования, не зная того, что есть много превосходнейших дарований, которые сокровенны и потому безопасны от падения.

96. Совершенно очистившийся от страстей видит даже душу ближнего, хотя не самое существо ее, но в каком она находится устройении и каковы ее расположения и чувствования; а преуспевающий еще судит о душе по телесным действиям.

97. Малый огонь часто истребляет все случившееся вещество; и малая скважина расточает весь труд наш.

99. Если видим, что некоторые любят нас о Господе, то перед ними мы наиболее должны сохранять скромность; ибо ничто так не разоряет любви и ничто столь скоро не производит ненависти, как вольность в обращении.

100. Душевное око пронизательно и прекрасно (светло), так что после бесплотных существ оно (пронизательностию) превосходит всякий вид тварей. Посему часто и те, которые побеждаются страстями, могут познавать мысли в душах других, от великой любви к ним, особенно же когда они не погрязают в плотских сквернах...

101. Суеверные приметы в мирских людях сопротивляются вере в Промысл Божий; а в нас, монахах, — духовному разуму.

102. Немошные душою должны познавать посещение Господне и Его милость к ним из телесных болезней, бед и искушений внешних. Совершенные же познают посещение Божие от пришествия Духа и по умножению дарований.

104. Есть между злыми духами бес, называемый предваритель, который тотчас по пробуждении является искушать нас и оскверняет первые наши мысли. Посвящай начатки дня твоего Господу; ибо кому прежде отдашь их, того они и будут. Один искуснейший делатель сказал мне сие достойное внимания слово: «По началу утра, — говорит он, — предузнаю я все течение дня моего».

105. Много путей благочестия, и много путей погибели; и часто случается, что путь, неудобный для одного, бывает благопоспешен для другого; а между тем намерение идущих обеими стезями благоугодно Господу.

107. Мудрствующие горняя по смерти восходят горе, а мудрствующие дольняя — долу; ибо для душ, разлучающихся с телами, нет третьего, среднего места...

108. Боязливый *на брань да не исходит*, повелевает Моисей, паче же Бог; чтобы сие последнее обольщение души не было хуже первого падения телесного; и справедливо.

Свет всем телесным членам — чувственные очи; свет же мысленный Божественных добродетелей есть рассуждение.

109. Как олень, палимый жаждою, желает вод, так иноки жаждут постигать благую волю Божию; и не только сие, но и познавать, когда примешивается к ней наша собственная, и когда действует одна противная. Об этом предлежит нам пространное и затруднительное слово: то есть какие из наших деланий должны мы исполнять без всякого отлагательства, по сему изречению: горе отлагающему *день от дне* и время от времени (Сир. 5, 8); и какие, напротив, с терпеливостию и рассмотрительностию... И Богоносный Пророк, который имел в себе Духа Святаго, глаголавшего его устами, часто молился о своем даровании, иногда взывая: *науци мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой* (Пс. 142, 10); в другой раз: *настави мя на истину Твою* (Пс. 24, 5); и еще: *скажи ми, Господи, путь, в оньже пойду, яко к Тебе*, отрешив от всех страстей и попечений житейских, *взях и возвысих душу мою* (Пс. 142, 8).

112. Некоторые из испытующих волю Божию отрешали помысл свой от всякого пристрастия к тому или другому совету души своей, то есть и к побуждающему на дело, и ко внушающему противное; и ум свой, обнаженный от собственной воли, с горячею молитвою в продолжение предназначенных дней представляли Господу; и достигали познания воли Его или тем, что бестелесный Ум таинственно провещавал нечто их уму, или тем, что одно из оных помышлений совершенно исчезало в душе.

113. Другие по скорби и затруднениям, которые следовали за их начинанием, заключали, что дело их не согласно с Божественною волею...

114. Иные, напротив, по неожиданному благопоспешению, которое они получали в своем деле, познавали, что оно благоприятно Богу, поминая слово оное, что всякому произволяющему делать благое *споспешествует Бог*.

115. Кто просвещением свыше стяжал в себе Бога, тот уверяется в воле Божией, как в делах, скорости требующих, так и в делах неспешных...

116. Сомневаться в суждениях и долго не решаться на избрание чего-либо из двух есть признак непросвещенной свыше и тщеславной души.

118. Господь во всех наших делах, как требующих скорости, так и отлагаемых на время, всегда взирает на цель нашу; и потому все, что чуждо пристрастия и всякой нечистоты и делается единственно для Бога, а не ради иного чего-нибудь, вменится нам во благое, хотя бы оно и не совсем было благо.

119. Испытание же того, что выше нас, имеет не безбедный конец; ибо суд Божий о нас непостижим; и Господь часто промыслительно скрывает от нас волю Свою, ведая, что мы, и познавши ее, преслушались бы и заслужили бы сим большее наказание.

109. Как олень, палимый жаждою, желает вод, так иноки желают постигать благую волю Божию; и не только сие, но и познавать, когда примешивается к ней наша собственная, и когда действует одна противная. Об этом предлежит нам пространное и затруднительное слово: то есть какие из наших деланий должны мы исполнять без всякого отлагательства, по сему изречению: горе отлагающему *день от дне* и время от времени (Сир. 5, 8); и какие, напротив, с терпеливостию и рассмотрительностию... И Богоносный Пророк, который имел в себе Духа Святаго, глаголавшего его устами, часто молился о своем даровании, иногда взывая: *науци мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой* (Пс. 142, 10); в другой раз: *настави мя на истину Твою* (Пс. 24, 5); и еще: *скажи ми, Господи, путь, в оньже пойду, яко к Тебе*, отрешив от всех страстей и попечений житейских, *взях и возвысих душу мою* (Пс. 142, 8).

112. Некоторые из испытующих волю Божию отрешали помысл свой от всякого пристрастия к тому или другому совету души своей, то есть и к побуждающему на дело, и ко внушающему противное; и ум свой, обнаженный от собственной воли, с горячею молитвою в продолжение предназначенных дней представляли Господу; и достигали познания воли Его или тем, что бестелесный Ум таинственно провещавал нечто их уму, или тем, что одно из оных помышлений совершенно исчезало в душе.

113. Другие по скорби и затруднениям, которые следовали за их начинанием, заключали, что дело их не согласно с Божественною волею...

114. Иные, напротив, по неожиданному благопоспешению, которое они получали в своем деле, познавали, что оно благоприятно Богу, поминая слово оное, что всякому произволяющему делать благое *споспешествует Бог*.

115. Кто просвещением свыше стяжал в себе Бога, тот уверяется в воле Божией, как в делах, скорости требующих, так и в делах неспешных...

116. Сомневаться в суждениях и долго не решаться на избрание чего-либо из двух есть признак непросвещенной свыше и тщеславной души.

118. Господь во всех наших делах, как требующих скорости, так и отлагаемых на время, всегда взирает на цель нашу; и потому все, что чуждо пристрастия и всякой нечистоты и делается единственно для Бога, а не ради иного чего-нибудь, вменится нам во благое, хотя бы оно и не совсем было благо.

119. Испытание же того, что выше нас, имеет не безбедный конец; ибо суд Божий о нас непостижим; и Господь часто промыслительно скрывает от нас волю Свою, ведая, что мы, и познавши ее, преслушались бы и заслужили бы сим большее наказание.

неприятеля, а иногда и сам бывает разбит; но воюющие наступательным образом всегда гонят врага своего.

141. Как свет для телесных очей бывает различный, так и озарения мысленного солнца в душе бывают различны и многообразны. Иное из них происходит от телесных слез, другое от душевных; иное от созерцаемого телесными очами, а иное — умными; иное радование происходит от слуха, другое само собою движется; иное от безмолвия, другое от послушания. Кроме всего этого, есть еще особенное состояние, в котором восхищенный представляется Христу во свете неизреченно, непостижимо.

142. Есть добродетели, и есть матери добродетелей. Разумный подвизается наиболее о приобретении матерей. Матерям добродетелей учитель Сам Бог собственным действом; а для научения дщерям наставников много.

146. В печали от грехах влекомые к отчаянию, да не престанем вспоминать, что Господь заповедал Петру прощать согрешающего *седьдесят крат седмицею* (Мф. 18, 22); а Кто такую заповедь предал другому, Тот и Сам, без сомнения, несравненно более сделает...

148. *Блаженны миротворцы* (Мф. 5, 9), и никто не может этому противоречить...

152. Все сотворенные существа получили от Создателя чин бытия и начало, а для некоторых и конец предназначен; но добродетели конец беспределен. И подлинно, если некоторые добрые делатели *пойдут от силы деяния в силу видения*; если любовь никогда не престанет, и если *Господь хранит вхождение* страха твоего, и *исхождение* любви твоей (Пс. 120, 8): то явно, что и конец сей любви бесконечен; и мы никогда не перестанем преуспевать в ней, ни в настоящем веке, ни в будущем, светом всегда приемля новый свет разумений...

В *На этой ступени мы имеем удивительную возможность ознакомиться с устройством человеческой природы, его естества, соотношением в ней света и тьмы. Наконец, узнать для себя ответ на вопрос, который долгое время всех мучает: из чего мы созданы? Что лежит в основании нашей природы? Что первично — «зло» или «добро» (страсти или добродетели)? Взгляд св. Иоанна Лествичника восстанавливает нас, возвращает надежду и утешение. Мы —*

154. Не будь строгим судиею тех, которые словами учат о великих добродетелях, когда видишь, что сами они к благому деланию ленивы; ибо недостаток дела часто восполняется пользою одного учения. Мы не все стяжали все в равной мере: некоторые имеют превосходство более в слове, чем в деле; а в других, напротив, дело сильнее слова.

155. Бог не есть ни виновник, ни творец зла. Посему заблуждаются те, которые говорят, что некоторые из страстей естественны душе; они не разумеют того, что мы сами природные свойства к добру превратили в страсти. По естеству, например, мы имеем семя для чадородия; а мы употребляем

творение любящего Отца, мы созданы по Образу и Подобию Совершенному, не заложено зло в нашей природе (ведь даже среди людей никто не желает зла своему ребенку). Человек уронил Образ, страсти — новообразования, появившиеся по воле человеческой. Сами упали, нам и подниматься. И просить отца о помощи. Дело нашего возрождения (как и прежде — рождения) без его помощи немислимо. Тем более, что, по словам св. Иоанна Лествичника, не все добродетели лежат в границах нашего естества, не все можем почерпнуть из своего ресурса.

161. Непрестанное дело наше должно состоять в том, чтобы не просто верить помыслу, когда нам кажется, что мы стяжали какое-нибудь благо; но, тщательно исследуя свойства сего добра, рассматривать, есть ли оно в нас? Исполнивши это, познаем, что мы совершенно недостаточны.

162. Непрестанно испытывая также и признаки страстей; и ты увидишь, что в тебе находятся многие страсти, которых, будучи в недугах душевных, мы и распознать не можем, или по немощи нашей, или по причине глубоко укоренившегося греховного навыка.

163. Правда, что Бог во всем взирает на намерение наше; но в том, что соразмерно нашим силам, Он человеколюбиво требует от нас и деятельности. Велик тот, кто не оставляет [несделанным] никакого доброго дела, силам его соразмерного; а еще более тот, кто со смирением покушается и на дела, превышающие его силы.

165. ...Ибо иное дело отвращаться и уклоняться от мрака греховного; а иное, и притом превосходнейшее, притекать к Солнцу чистоты.

170. Общежитие, устроенное по Богу, есть духовная прачечная, стирающая всякую скверну и грубость и все безобразие души...

183. Да не ужасаемся, видя, что мы в начале иноческого подвига больше обуреваемы страстями, нежели когда мы жили в мире; потому что сперва необходимо возникнуть всем причинам

оное на незаконное сладострастие. По естеству есть в нас и гнев, но на древнего оно змия; а мы употребляем оный против ближнего. Нам дана ревность для того, чтобы мы ревновали добродетелям; а мы ревнуем порокам. От естества есть в душе желание славы, но только горней. Естественно и гордиться, но над одними бесами. Подобным образом естественно душе и радоваться, но о Господе и о благих деяниях ближнего. Получили мы и памятозлобие, но только на врагов души нашей. По естеству желаем мы пищи, но для того, чтобы поддерживать жизнь, а не для сластолюбия.

156. Неленостная душа воздвигает бесов на брань против себя; с умножением же браней умножаются и венцы. Неузвляемый супостатами не получает никакого венца; а кто от случающихся падений не упадает духом, того восхвалят Ангелы, как храброго воина.

болезней, а потом уже воспоследовать здравью. Может быть, сии звери и прежде где-нибудь скрывались в нас, но мы их в себе не примечали.

185. Как ветры в тихую погоду колеблют только поверхность моря, а в другое время приводят в движение самую глубину: так должно заключать и о ветрах тьмы. Ибо в страстных людях колеблют они глубину сердечную, а в преусневших уже — только поверхность ума; потому сии последние и скорее ощущают обыкновенную тишину свою, ибо внутренность их оставалась неоскверненною.

186. Одни совершенные могут всегда распознавать, какое помышление возникает в душе от собственной ее совести, какое происходит от Бога, и какое от бесов. Ибо сначала бесы не все противное нам тайно влагают.

Двумя чувственными очами просвещается тело; а мысленным и видимым рассуждением просвещаются очи сердечные.

СЛОВО 27

О СВЯЩЕННОМ БЕЗМОЛВИИ ТЕЛА И ДУШИ

1. Мы, будучи всегда как бы купленными и крепостными рабами нечистых страстей, по собственному опыту отчасти знаем обольщения, обычаи, волю и коварства духов, владычествующих над бедною нашею душою. Но есть и другие люди, которые имеют ясное познание козней бесовских действием Святаго Духа, избавившего их от мучительства сих супостатов. Ибо иное дело судить об отраде здравия по болезненным ощущениям недуга; а иное дело по благодушию в здравии познавать и различать скорбь, происходящую от болезни.

2. Безмолвие тела есть благочиние и благоустройство нравов и чувств телесных; безмолвие же души есть благочиние помыслов и неокрадываемая мысль.

В *Безмолвник подобен доброму хозяину дома, который хранит свет своего домашнего очага от врагов и разрушений. На что похожи сегодня дома наших душ — на полуразрушенное здание «без окон, без дверей», заходи — кто хочешь, бери — что хочешь. В опустелом доме гуляет ветер. Или хуже того, там давно уже что-то похожее на свалку.*

3. Любитель безмолвия имеет мужественный некий и строгий помысл, который недремленно стоит в дверях сердца и входящие помыслы убивает или отражает. Безмолвствующий в чувстве сердца знает сказанное мною; а кто еще младенец в безмолвии, тот сего блага не вкушал и не знает.

4. Духовно-разумный безмолвник не имеет нужды в словесных наставлениях; ибо он вместо слов просвещается самими делами.

5. Начало безмолвия состоит в том, чтобы отразить всякий шум врагов, как

возмущающий глубину сердца; а конец безмолвия в том, чтобы и не бояться их нападений, но пребывать без ощущения к ним...

6. Безмолвник тот, кто силы душевные: ум, мысли и прочие усиливается удерживать в пределах телесного дома. Подвиг редкий и удивительный.

10. Глубина догматов неисследима; и уму безмолвника не безбедно в нее пускаться.

11. Небезопасно плавать в одежде; небезопасно и касаться богословия тому, кто имеет какую-нибудь страсть.

12. Келлия безмолвника заключает в себе тело его; а внутри оно же заключается хранилищем разума.

13. Недугующий душевную страстию и покушающийся на безмолвие подобен тому, кто соскочил с корабля в море и думает безбедно достигнуть берега на доске.

17. Безмолвник есть земной образ Ангела, который на хартии любви рукописанием тишания освободил молитву свою от лености и нерадения. Безмолвник тот, кто явственно вопиет: *готово сердце мое, Боже* (Пс. 56, 8). Безмолвник тот, кто говорит: *аз сплю, а сердце мое бдит* (Песн. 5, 2).

18. Затворяй дверь келлии для тела, дверь уст — для бесед, а внутреннюю дверь души — для лукавых духов.

21. Те, которых ум научился истинно молиться, глаголют с Господом лицом к лицу, как бы в уши царя. А которые молятся устами, те припадают к Нему, как бы при всем синклите. Пребывающие же в мире, когда молятся, подобны бывают тем, кои среди молвы всего народа умоляют царя. Если ты собственным опытом научился художеству молитвы, то слово мое для тебя понятно.

26. Кто постиг безмолвие, тот узнал глубину таинств; но не вошел бы в оную, если бы не увидел и не услышал прежде дыхания бесовских ветров и возмущения волн искушений; а может быть, ими и обрызгался. Сказанное нами подтверждает Апостол Павел; ибо если бы он не был восхищен в рай, как в безмолвие, то не мог бы услышать глаголы неизреченные. Ухо безмолвника примет от Бога дивные откровения...

♦ различных видах безмолвия

30. По малому разуму, данному мне, как неискусный архитектор, соорудил я лестницу для восхождения. Каждый сам да рассматривает себя, на какой он стоит ступени. По самочинию ли ищет безмолвия, или для славы человеческой, или по немощи языка, или по неукротимой раздражительности, по множеству ли пристрастия, или чтобы понести мучения за грехи, чтобы приобрести большую ревность к подвигам добродетели, или чтобы в любви Божией приложить огонь к огню? Будут последние первыми, а первые последними. Из сих восьми видов безмолвия семь образуют седмицу нынешней жизни, и одни из них Богу приятны, а другие неприятны; восьмой же вид, без сомнения, носит печать будущего века.

33. Между пребывающими во глубине безмолвия одни умаляют страсти; другие проводят большую часть времени в псалмопении; иные терпеливо пребывают в (умной) молитве; иные же простираются к видению. Проходи сии делания по образу лестницы, то есть постепенно. *Могий о Господе вместити да вместит.*

36. Никто из тех, которые подвержены раздражительности и возношению, лицемерию и памятозлобию, да не дерзнет когда-либо увидеть и след безмолвия, чтобы не дойти ему до иступления ума, и только. Если же кто чист от сих страстей, тот познает полезное; впрочем, думаю, что и он сам собою не может сего достигнуть.

42. Из восьми главных духов, пять бесов (гордость, тщеславие, разленение, печаль и любостязание) борются с безмолвствующими; а три (чревоугодие, гневность и блудная страсть) с проходящими послушание.

50. Когда ты выходишь из уединения, храни собранное; ибо если отворены дверцы в клетке, то птицы, в затворе бывшие, вылетают. И тогда уже не будет нам никакой пользы от сего безмолвия.

53. Кто желает представить Богу чистый ум, а смущает себя попечениями, тот подобен крепко скованному свои ноги и покушающемуся скоро идти.

54. Редки люди, совершенно изучившие мирскую премудрость; а я скажу, что еще меньше таких, которые знают божественное любомудрие истинного безмолвия.

55. Кто еще не познал Бога, тот неспособен к безмолвию и многим бедам подвергается на сем пути. Безмолвие погубляет неискусных; ибо они, не вкусивши сладости Божией, все время проводят в пленениях и расхищениях, в унынии и парениях.

58. Лучше послушник нестяжательный, нежели безмолвник, развлекаемый попечениями.

59. Кто разумно вступил в безмолвие, а между тем не видит ежедневного приобретения, тот или не так безмолвствует, как должно, или бывает скрадываем самомнением.

60. Безмолвие есть непрерывная служба Богу и предстояние пред Ним.

61. Память Иисусова да соединится с дыханием твоим; и тогда познаешь пользу безмолвия.

62. Падение послушнику — собственная воля; а безмолвнику — оставление молитвы.

66. Жизнь безмолвствующих, и вообще уединенных, должна быть управляема совестью и разумом. Кто с разумом идет по сему пути, тот все свои тпания, вещания, помышления, хождение, движения, и все, что ни делает, совершает ради Господа и в угодность Ему, в чувстве души и как бы пред лицом Господним. Если же он в этом бывает скрадываем, то еще не живет по правилам добродетели.

68. Вера — крыло молитвы; не имея сего крыла, молитва моя опять *в недра мои возвратится*. Вера есть несокрушимая крепость души, никакими благословными беспокойствами не колеблема. Верующий не тот, кто думает, что Богу все возможно, но кто верует, что получит от Него все, чего просит. Вера получает и то, чего не смеет надеяться, как показал сие пример благоразумного разбойника на кресте. Матерь веры есть труд и правое сердце; ибо последнее делает ее несомненною, а первый созидает ее...

78. Чтение Священных Писаний не мало может просвещать и собирать ум; ибо они суть глаголы Духа Святаго и всячески вразумляют читающих. Будучи делателем, прочитывай деятельные книги отцев; ибо исполнением сего на деле чтение прочего делается излишним. Старайся научиться разуму и делу спасения, более от трудов, а не из одних книг. Прежде приятия силы духовной не читай книг, чуждых правоверия, потому что они исполнены тьмы и помрачают умы немощных.

79. Часто одна чаша вина показывает его вкус: и одно слово безмолвника обнаруживает все его внутреннее делание и устройство перед теми, которые могут познавать это.

80. Неусыпно наблюдай душевным твоим оком за возношением; ибо между обольщениями нет ничего губительнее сей страсти.

81. Когда выходишь из своего уединения, храни язык твой; ибо он может в малое время расточить плоды многих трудов.

82. Старайся быть нелюбопытным; ибо ничто так не оскверняет безмолвия, как любопытство.

83. Предлагай приходящим, что для них нужно по душе и по телу. Если они превосходят нас премудростию, то покажем наше любомудрие молчанием; если же они, по духовному возрасту, братия равные с нами, то можем умеренно отверзать дверь нашего слова. Однако лучше думать, что все превосходнее нас.

86. Божественный Апостол говорит: *кто уразуме ум Господень* (Рим. 11, 34)? Я же говорю: кто познал ум человека, безмолвствующего телом и духом?

Могущество царя состоит в богатстве и во множестве подданных: могущество же безмолвника — в преизобилии молитвы.

ГЛОВО 28

О МАТЕРИ ДОБРОДЕТЕЛЬЕЙ, СВЯЩЕННОЙ И БЛАЖЕННОЙ МОЛИТВЕ, И О ПРЕДСТОЯНИИ В НЕЙ УМОМ И ТЕЛОМ

1. Молитва, по качеству своему, есть пребывание и соединение человека с Богом; по действию же, она есть утверждение мира, примирение с Богом, мать и вместе дочь слез, умилоствление о грехах, мост для переходения искушений, стена, защищающая от скорбей, сокрушение браней, дело Ангелов, пища

всех бесплотных, будущее веселие, бесконечное делание, источник добродетелей, виновница дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение ума, секира отчаянию, указание надежды, уничтожение печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, укрощение гнева, зеркало духовного возрастания, познание преуспеяния, обнаружение душевного устройства, предвозвестница будущего воздаяния, знамение славы...

2. Восстанем и услышим, что сия священная царица добродетелей высоким гласом к нам зовет и говорит: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе, и обрячете покой душам вашим и исцеление язвам вашим. Иго бо Мое благо и исцеляет великие согрешения* (Мф. 11, 28).

4. Когда идешь предстать пред Господом, да будет вся риза души твоей соткана из нитей, вернее же сказать, из залога непамятозлобия. Если не так, то не получишь от молитвы никакой пользы.

NB *Это молитвенное звание — уже первая помощь нам. Она возвращает надежду, уповаает на будущую помощь. Наша задача — несложными, простыми словами рассказать о своей беде, признаться в ошибках. Кому? Кажется, на 1-й взгляд, что себе самому, а на самом деле твоим собеседником может быть и Бог. Не надо забывать и благодарить его за нечаянный разворот судьбы.*

5. Вся ткань молитвы твоей да будет немногословна: ибо мытарь и блудный сын одним словом умилиствовали Бога.

6. Предстояние на молитве по-видимому одно, но в самом деле имеет в себе многое различие и разные степени. Одни приступают к Богу, как к другу, а вместе и Владыке своему, и приносят Ему песнь и молитву уже не за себя, а в заступление ближних. Другие ищут духовного богатства, славы и большого дерзновения. Иные умоляют Бога избавить их совершенно от их соперника. Другие спрашивают некоторого достоинства. Иные умоляют о совершенном прощении

долгов. Некоторые просят освобождения из темницы, а другие, наконец, разрешения грехов.

7. Прежде всего изобразим на хартии нашего моления искреннее благодарение Богу; потом исповедание грехов и сокрушение души в чувстве; после сего да представляем Царю всяческие наши прошения. Сей образ молитвы есть самый лучший, как одному из братии от Ангела Господня было показано.

9. Не употребляй в молитве твоей премудрых выражений; ибо часто простой и неухищенный лепет детей был угоден Небесному Отцу их.

10. Не старайся многословить, беседуя с Богом, чтобы ум твой не расточился на изыскание слов. Одно слово мытаря умилиствовало Бога, и одно изречение, исполненное веры, спасло разбойника. Многословие при молитве часто развлекает ум и

наполняет его мечтаниями, а единословие обыкновенно собирает его.

11. Если ты в каком-либо слове молитвы почувствуешь особенную сладость, или умиление, то остановись на нем; ибо тогда и Ангел Хранитель наш молится с нами.

12. Не будь дерзновен, хотя бы ты и стяжал чистоту; напротив того, приступай к Богу с глубочайшим смиренномудрием, и получишь у Него большее дерзновение.

13. Хотя бы ты взошел на всю лестницу добродетелей, однако и тогда молись о прощении грехов, слыша, что святой Павел говорит о грешниках: *от них же первый есмь аз* (1 Тим. 1, 15).

14. Пищу приправляют обыкновенно маслом и солью; целомудрие же и слезы воскрывают молитву.

15. Если облечешься в совершенную кротость и безгневие, то не много будешь трудиться, чтобы освободить ум твой от пленения.

16. Доколе мы еще не имеем истинной молитвы, дотоле мы подобны обучающим младенцев ходить. Когда ум наш в молитве отпадает от взирания к Богу, должны опять исправлять и восставлять его, пока он не стяжет твердости стояния.

17. Старайся всегда возвращать к себе уклоняющуюся твою мысль, или, лучше сказать, заключай ее в слова молитвы. Если она, по младенченности твоей, утомится и впадает в развлечение, то опять введи ее в слова молитвы; ибо непостоянство свойственно нашему уму. Но Тот, Кто силен все утвердить, может и уму нашему дать постоянство...

19. Начало молитвы состоит в том, чтобы отгонять приходящие помыслы при самом их появлении; середина же ее — в том, чтобы ум заключался в слова, которые произносим или помышляем; а совершенство молитвы есть восхищение ко Господу.

20. Иное радование бывает в молитве у подвизающегося в общезжитии; и иное у молящегося в безмолвии. Первое, может быть, немного смешано с возношением, а последнее все исполнено смиренномудрия.

21. Если ты постоянно обучаешь ум твой не удаляться от тебя, то он будет близ тебя и во время трапезы. Если же он невозбранно всюду скитается, то никогда не будет пребывать с тобою... Посему мы, как несовершенные, с качеством молитвы должны соединять и количественное множество, потому что второе бывает причиною первого. Ибо сказано: *Дай молитву чисту молящемуся* неленостно, хотя бы и не чисто, но с утруждением.

22. Иное дело осквернение молитвы, иное — истребление оной, иное — окрадение, а иное — порок молитвы. Осквернение молитвы бывает, когда человек, предстоя Богу, занимается непристойными и нечистыми помышлениями. Истребление молитвы, когда ум бывает пленяем бесполезными попечениями. Окрадение же, когда мысль молящегося неприметно парит; а порок

молитвы есть приращение какого бы то ни было помысла, во время оной к нам приближающегося.

23. Если во время молитвенного предстояния мы не одни, то употребим образ внутренней молитвы. Если же не присутствуют служители похвал, то ко внутренней молитве присоединим и внешний образ моления; ибо в несовершенных ум часто соображается с телом.

24. Все, а наипаче приступающие просить Небесного Царя о оставлении греховного долга, должны иметь неисповедимое сокрушение. Пока мы еще находимся в Темнице (страстей), будем внимать словам Того, Который сказал Апостолу Петру *опояшься и обуйся ...надень одежду твою и иди за мною* (Деян. 12, 8), то есть препояшися лентием послушания, совлекись собственных хотений и, обнажившись от них, в молитве твоей приступи ко Господу, призывая только Его святую волю. Тогда примешь в себе Бога, держащего кормило души твоей и безбедно управляющего тобою.

26. Вера воскрывает молитву; и без веры молитва не может взлететь на небо.

27. Страстные! Будем прилежно и неотступно молиться Господу; ибо все бесстрастные из страстного состояния достигли бесстрастия.

28. ...Сей благий Искупитель наш благоразумных привлекает к любви Своей скорым исполнением их прошения. Неблагодарные же души, как псов, долго томит алчбою и жаждою неисполняемого желания, заставляет их таким образом пребывать при Себе молитвою; ибо неблагодарный пес, получивши хлеб, тотчас же отходит от того, кто дал ему.

29. Долго пребывая на молитве и не видя плода, не говори: я ничего не приобрел. Ибо самое пребывание в молитве есть уже приобретение; и какое благо выше всего прилепляться ко Господу и пребывать непрестанно в соединении с Ним?

30. Не столько осужденный боится изречения своей казни, сколько ревностному молитвеннику страшно предстояние на молитве. Поэтому, кто премудр и благоискусен, тот, помня о сем предстоянии, может отвращать от себя всякую досаду и гнев, попечение, суетные заботы, скорбь и насыщение и искусительные помыслы.

33. Любовь воина к царю показывается во время брани: а любовь к Богу открывается во время молитвы и предстояния на оной.

34. Устройство твое покажет молитва; ибо богословы утверждают, что молитва есть зеркало человеков.

36. Если кто-нибудь просит тебя помолиться об нем, то хотя ты и не стяжал еще дара молитвы, не отрицайся. Ибо часто вера просящего молитвы спасет и того, кто молится об нем с сокрушением сердца.

37. Не возносись, когда ты молился о других и был услышан; ибо это вера их подействовала и совершила.

38. От всякого отрока каждодневно учитель без упущения требует, чтобы он дал ответ во всем, чему научился от него: и от всякого ума Бог во всякой молитве требует, чтобы показал силу, которую получил от Него...

39. Всякую добродетель, но в особенности молитву, должны мы всегда совершать со многим чувством; а душа тогда молится с чувством, когда она бывает превыше раздражительности.

42. Во время молитвы не принимай никакого чувственного мечтания, чтобы не впасть в иступление ума.

43. Извещение о том, что прошение наше услышано Богом, получаем мы во время молитвы. Извещение есть устранение сомнения; извещение есть достоверное объявление неизвестного.

45. Огонь, пришедши в сердце, воскрешает молитву; по воскресении же и вознесении ее на небо, бывает сошествие огня в горнице души.

49. Не оставляй молитвы, пока не увидишь, что огонь ее и вода слез промыслительно отошли от тебя. Может быть, во всю жизнь свою не получишь такого времени для прощения грехов.

50. Вкусивший молитвы часто произношением одного слова оскверняет ум; и ставши потом на молитву, не находит вождеваемого, что находил прежде.

51. ...Святой и пренебесный огонь, как говорит Григорий, получивший наименование Богослова, входя в душу первых, опалает ее, по недостатку очищения; а вторых просвещает, по мере совершенства; ибо один и тот же огонь называется и огнем пожигающим, и светом просвещающим. Посему одни отходят от молитвы как исходящие из разжженной печи, ощущая облегчение от некоторой скверны и вещества; а другие — как просвещенные светом и облеченные в сугубую одежду смирения и радования.

53. У Всеблагого Царя нашего можно видеть действия, подобные поступкам земного царя, который иногда сам раздает дары своим воинам, иногда через друга, иногда через раба, а иногда и неведомым образом. Все это бывает, смотря по одежде нашего смирения.

54. Как земному царю мерзок, кто, предстоя ему, отвращает от него лицо и со врагами владыки своего беседует: так и Господу мерзок бывает предстоящий на молитве и приемлющий нечистые помыслы.

55. Пса сего, приходящего к тебе, отгоняй оружием молитвы, и сколько бы он ни продолжал бесстыдствовать, не уступай ему.

56. Проси плачем, ищи послушанием, толпы долготерпением. Таким образом, *проси приемлет, ищи обретает, и толкущему отверзется* (Мф. 7, 8).

58. Исповедуя грехи свои Господу, не входи в подробности плотских деяний, как они происходили, чтобы тебе не сделаться наветником самому себе.

60. Кто непрестанно опирается о жезл молитвы, тот не преткнется: а если бы это и случилось, то не падет совершенно. Ибо молитва есть благочестивое *понуждение Бога* (Лк. 18, 5—8).

63. Если ты непрестанно молишься Небесному Царю против врагов твоих во всех их нападениях, то будь благонадежен: ты немного будешь трудиться. Ибо они и сами по себе скоро от тебя отступят, потому что нечистые эти не хотят видеть, чтобы ты молитвою получал венцы за брань с ними, и сверх того, опаляемые молитвою, как огнем, они принуждены будут бежать.

64. Будь мужествен во всех случаях, и Сам Бог будет твоим учителем в молитве. Нельзя словами научиться зрению, ибо это есть природная способность; так и благолепие молитвы нельзя познать от одного учения. Ибо она в самой себе имеет учителя — Бога, *учащаго человека разуму, дающаго молитву молящемуся и благословляющаго лета праведных* (Пс. 93, 10; 1 Цар. 2, 9).

ГЛОВО 29

О ЗЕМНОМ НЕБЕ, НАИ О БОГОПОДРАЖАТЕЛЬНОМ БЕССТРАСТИИ И СОВЕРШЕНСТВЕ, И ВОСКРЕСЕНИИ ДУШИ ПРЕЖДЕ ОБЩЕГО ВОСКРЕСЕНИЯ

1. Вот уже и мы, лежащие в глубочайшем рве неведения и во тме страстей, и в смертной сени тела сего, по дерзости своей начинаем любомудрствовать о земном небе.

2. Великолепие тверди суть звезды, а украшение бесстрастия — добродетели; ибо бесстрастие, как я думаю, не иное что есть, как сердечное небо ума, которое все коварства бесов считает за детские игрушки.

3. Итак, истинно бесстрастным называется и есть тот, кто тело свое сделал нетленным, ум возвысил превыше всякой твари,

В *Как цветок к солнцу, повернулся всей душой к Богу победивший страсти человек. Теперь это для него источник жизни. А что духовно питает нас, сегодняшних?*

все же чувства покорил уму, а душу свою представил лицу Господню, всегда простираясь к Нему, даже и выше сил своих.

4. Некоторые говорят еще, что бесстрастие есть воскресение души прежде воскресения тела; а другие, что оно есть совершенное познание Бога, какое мы можем иметь после Ангелов.

6. Между бесстрастными один бывает бесстрастнее другого. Ибо иной сильно ненавидит зло, а другой ненасытно обогащается добродетелями.

7. И чистоту называют бесстрастием, да и справедливо: ибо чистота есть начало общего воскресения и нетления тленных.

9. Та душа имеет бесстрастие, которая приобрела такой же навык в добродетелях, какой страстные имеют в сластях (страстях).

10. Если верх объядения состоит в том, что человек принуждает себя на принятие пищи, когда и не хочет есть, то верх воздержания — в том, чтобы и при алкании неповинную плоть свою удручать воздержанием. Если предел блуда есть те, когда кто похотствует при виде животных, и даже бездушных созданий; то предел чистоты состоит в том, чтобы ко всем иметь такое же чувство, как к предметам неодушевленным. Если крайняя степень сребролюбия есть то, когда человек не может перестать собирать богатство или не насыщается им; то высота нестяжания состоит в том, чтобы не щадить и тела своего. Если крайним пределом уныния считается, когда кто и в покое, по всему не имеет терпения; то верхом терпения справедливо называется то, если человек, находясь в утеснении, считает себя имеющим отраду. Если пучину гнева означает то, когда человек и наедине гневается; то глубина долготерпения показывается в человеке, когда он пребывает в равном спокойствии и в присутствии, и в отсутствии злословящих. Если крайнее тщеславие есть, когда человек, не видя при себе никого, кто бы его хвалил, обнаруживает тщеславные поступки; то признак совершенного нетщеславия есть, чтобы и при посещениях других, никогда не скрадываться тщеславною мыслию. Если знак погибели, то есть гордости, есть, когда кто возносится и малыми и незначительными делами; то спасительный признак смирения есть смиренно думать о себе и при великих начинаниях и совершенствах. И если знак совершенного порабощения страстям состоит в том, что человек скоро повинуется почти всему, тайно всеваемому от бесов; то почитаю за признак святого бесстрастия, когда кто может неложно сказать с Давидом: *уклоняющагося от мене лукаваго не познах* (Пс. 100, 4), и не знаю, как он пришел, и зачем приходил, и как ушел; я ко всему такому стал нечувствителен, будучи весь соединен и уповая всегда быть с Богом.

11. Кто сподобился быть в сем устроении, тот еще во плоти имеет живущего в себе Самого Бога, Который руководит его во всех словах, делах и помышлениях. Посему таковой чрез внутреннее просвещение познает волю Господню, как бы слыша некоторый глас...

12. Но что много говорить? Бесстрастный, как и Апостол Павел, может сказать: *И уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20)...

13. Из одного камня не составляется царский венец: так и бесстрастие не совершится, если вознерадим хотя об одной какой-либо добродетели.

14. Представляя себе, что бесстрастие есть небесная палата Небесного Царя. Многие обители суть селения внутри сего града, а стена горнего оного Иерусалима есть прощение согрешений. Поспешим, братия, поспешим, чтобы получить вход в чертоги оной палаты. Если же, о бедствие, удерживает нас бремя греховных навыков, или самое время, то постараемся, по крайней мере,

не лишиться одной из обителей близ сего чертога. Если же еще хромаем, или немоществуем, то всячески потщимся хотя внутрь стены оной войти. Ибо кто прежде кончины не успеет войти туда, или, лучше сказать, кто не перейдет этой стены, тот водворится в пустыне бесов и страстей. По сей причине некто в молитве своей говорил: *Богом моим преиду стену* (Пс. 17, 30); и другой пророк говорит от лица Божия: *не греси ли ваши разлучают между вами и Мною?* (Ис. 59, 2). Итак, разрушим, други, сие средостение ограды, которое мы по безумию нашему преслушанием соорудили. Потщимся еще здесь избавиться от греховного долга; ибо во аде нет могущего исцелить. Братия, оставим попечения; ибо мы записались в число свободных от попечений. Невозможно ни падением, ни временем, ни тяжестью бремени извиняться; ибо тем, которые прияли Господа чрез возрождение Святым Крещением, дал Он *область чадом Божиим быти* (Ин. 1, 12), и глаголет: *упражднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11) и бесстрастие. Слава Ему во веки веков. Аминь.

Блаженное бесстрастие восставляет убогий ум от земли на небо и воздвигает сего нищего от гноища страстей (1 Цар. 2, 8); всехвальная же любовь посаждает его со князи, с Ангелами святыми, с князи людей Господних (Пс. 112, 8).

СЛОВО 30

О СОЮЗЕ ТРЕХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ, ТО ЕСТЬ О ВЕРЕ, НАДЕЖДЕ И ЛЮБВИ

1. Ныне же, после всего сказанного, *пребывают три сия*, все связующие и содержащие: *вера, надежда и любовь, большие же всех любовь*, ибо ею именуется Бог (1 Кор. 13, 13).

В *Дочери мудрости, вера, надежда и любовь — Святая Троица русских людей. Она всегда освещала и сейчас освещает жизнь чутких к истине, добру и красоте людей, даже и не сведущих в богословии. Так мы тянемся к свету, теплу, солнцу, не разбираясь в том, какие химические процессы происходят на нем. Между светом и тьмой мы безошибочно выбираем свет, если мы — дети света.*

2. По моему разумению, *вера подобна лучу, надежда — свету, а любовь — кругу солнца. Все же они составляют одно сияние и одну светлость.*

3. Первая все может творить и соиздавать; вторую милость Божия ограждает и делает непостыдною; а третья никогда не падает, не перестает от течения и не дает опочить уязвленному ее блаженным упоением.

4. Кто хочет говорить о любви Божией, тот покушается говорить о Самом Боге; простирает же слово о Боге погрешительно и опасно для невнимательных.

5. Слово о любви известно Ангелам; но и тем по мере их просвещения.

6. Любовь есть Бог (1 Ин. 4, 8); а кто хочет определить словом, что есть Бог, тот, слепотствуя умом, покушается измерить песок в бездне морской.

7. Любовь по качеству своему есть уподобление Богу, сколько того люди могут достигнуть; по действию своему она есть упоение души; а по свойству — источник веры, бездна долготерпения, море смирения.

ВВ Пусть это останется для нас ориентиром в размышлениях о сущности Любви и наших земных чувствах.

8. Любовь собственно есть отложение всякого противного помышления; ибо любовь не мыслит зла (1 Кор. 13, 5).

9. Любовь, бесстрашие и сыноположение различаются между собою одними только названиями. Как свет, огонь и пламень соединяются в одном действии, так должно рассуждать и о сих совершенствах.

10. По мере оскудения любви бывает в нас страх; ибо в ком нет страха, тот или исполнен любви, или умер душою.

12. Мать не так бывает привязана к младенцу, которого кормит грудью, как сын любви всегда прилепляется к Господу.

13. Истинно любящий всегда воображает лицо любимого и с услаждением объекает образ его в душе своей. Вождление это не дает ему покоя даже и во сне, но и тогда сердце его беседует с возлюбленным. Так бывает обыкновенно в телесной любви, так и в духовной. Некто, уязвлен будучи такою любовью, сказал о самом себе то (чему я удивляюсь): *аз сплю, по нужде естества, а сердце мое бдит* (Песн. 5, 2) по великой любви моей.

15. Действие голода бывает как-то неопределенно и неясно, а действие жажды ясно и ощутительно; ее узнают по внутреннему жару. Посему любящий Бога и говорит: *возжажда душа моя к Богу крепкому, живому* (Пс. 41, 3).

16. Если присутствие любимого человека явственно всех нас изменяет и делает веселыми, радостными и беспечальными: то какого изменения не сделает присутствие Небесного Владыки, невидимо в чистую душу приходящего.

18. Достигшие сей равноангельской степени часто забывают телесную пищу; думаю же, что они очень часто и не желают оной...

19. Еще думаю, что и тела сих нетленных не подвергаются болезни по обыкновенным причинам; ибо они уже очистились, и некоторым образом сделались нетленными от пламени чистоты, которая пресекла в них пламень страстей. Думаю также, что и самую пищу они принимают без всякого услаждения; ибо как подземная вода питает корни растений, так и сии души питает огонь небесный.

20. Умножение страха Божия есть начало любви; а совершенство чистоты есть начало богословия.

21. Совершенно соединивший чувства свои с Богом тайно научается от Него словесам Его. Но когда это соединение с Богом еще не совершилось, тогда и беседовать о Боге трудно.

23. Слово Господне, дарованное от Господа, чисто и пребывает в век века; непознавший же Бога разглагольствует о Нем по догадке.

25. Любящий Господа прежде возлюбил своего брата; ибо второе служит доказательством первого.

26. Любящий ближнего никогда не может терпеть клеветников, но убегает от них, как от огня.

28. Сила любви в надежде; ибо надеждою ожидаем воздаяния любви.

29. Надежда есть обогащение невидимым богатством; надежда есть несомненное владение сокровищем еще прежде получения сокровища.

30. Надежда есть упокоение в трудах, она — дверь любви; она убивает отчаяние, она — залог будущих благ.

31. Оскудение надежды есть истребление любви; с надеждою связаны наши труды; на ней зиждутся подвиги; ее милость Божия окружает.

32. Монах с благою надеждою закаляет уныние, мечом первой умерщвляет второе.

33. Вкушение даров Господних рождает надежду; ибо невкусивший оных не может не иметь сомнений.

34. Надежду разрушает гневливость; ибо упование не посрамит, муж же ярый неблагоприятен (Притч. 11, 25).

35. Любовь есть подательница прощательства; любовь — виновница чуждотворений; любовь — бездна осияния; любовь — источник огня в сердце, который, чем более истекает, тем более распалает жаждущего. Любовь утверждение Ангелов, вечное преуспеяние.

36. Возвести нам, о Ты, прекраснейшая из добродетелей, где Ты посети овцы твоя? Где почиваешь в полудне? (Песн. 1,6). Просвети нас, напой нас, наставь нас, руководи нас: ибо мы жаждем прийти к Тебе. Ты владычествуешь над всеми. Ты уязвила душу мою, и не может стерпеть сердце мое пламени Твоего. Итак, воспев Тебя, иду. Ты владычествуешь державою морскою, возмущение же волн его Ты укрощаешь и умерщвляешь. Ты смиряешь, яко язвена, гордый помысл; и мышцею силы Твоя расточив

враги Твоя (Пс. 88, 10—11), делаешь любителей Твоих непобедимыми от всякой брани.

37. Но желаю я узнать, как видел Тебя Иаков утвержденною на верху лестницы? Скажи мне, какой был вид оного восхождения? Что означает самый образ лестницы и расположение степе-

В Встреча двух, спешащих друг к другу через годы и расстояния, их верность друг другу — великое чудо! А еще чудо — творческое горение, жажда милосердия, неиссякаемые и питаемые вдохновением — присутствием Духа. Вот что называется Любовью. Быть Ангелом во плоти это, наверное, быть солнцем, которое, как мы знаем, равно льет свет на добрых и злых. Гореть и не сгорать — для рационального ума это непостижимо.

ней ее, тех *восхождений*, которые *полагал в сердце своем* (Пс. 83, б) некий любитель красоты Твоей? И сколько их числом, жажду узнать? И сколько времени требуется на восхождение оной? Тот, который Тебя видел и боролся с Тобою, возвестил нам об одних только по оной лестнице руководителей (Ангелах); но ничего более не восхотел, или, лучше сказать, не возмог открыть. Тогда Она, сия царица, как бы с неба явившись мне и как бы на ухо души моей беседуя, говорила: доколе ты, любитель Мой, не решишься от сей дебелой плоти, не можешь познать красоты Моей, какова она. Лествица же, виденная Иаковом, пусть научит тебя составлять духовную лествицу добродетелей, на верху которой Я утверждаюсь, как и великий таинник мой говорит: *ныне же пребывают три сия: вера, надежда, любовь; больше же всех любовь* (1 Кор. 13, 13).

КРАТКОЕ УВЕЩАНИЕ, КОТОРОЕ СОДЕРЖИТ В СЕБЕ ВСЕ ТО, ЧТО ГОВОРЕНО БЫЛО В СЕЙ КНИГЕ ПРОСТРАННО

Восходите, братия, восходите усердно, полагая восхождение в сердце своем и внимая Пророку, который говорит: *приидите, взыдем на гору Господню, и в дом Бога нашего* (Ис. 2, 3), делающего ноги наши как олени, и на высоты поставляющего (Пс. 17, 34), чтобы нам соделаться победителями на пути Его. Теките, умоляю вас, с Апостолом, сказавшим: *потщимся, дондеже достигнем вси в соединение веры и познания Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Ефес. 4, 13). Христос же, крестившись в тридесятое лето видимого возраста, получил тридесятую степень в духовной сей лестнице; ибо любовь есть Бог. Ему хвала, Ему держава, и Ему сила; в Нем начало всех благ и есть, и было, и будет в бесконечные веки. Аминь.

NB *Хочется попросить прощения у читателя за те минуты, когда мои комментарии мешали Вашей внутренней работе, увлекали в сторону. За их возможную неуместность. Но это было первое знакомство с «Лестницей» и, по сути, это был первый отклик на ее слова, которые задели, отозвались. Думаю, что каждое новое восхождение будет затрагивать все более глубокие наши внутренние «пласты». Видимо, это «лествица» не только вверх, но и внутрь, вглубь, в сердцевину человеческой души.*

КОММЕНТАРИИ

1. В VI в. Синайский монастырь получает имя святой великомученицы Екатерины в связи с обретением ее мощей. Екатерина родилась в последней четверти III в. в Александрии. Она принадлежала к царскому роду, получила образование в духе александрийской мудрости, была известна своей ученостью. Как христианка участвовала в философских диспутах, критиковала жестокую политику преследования христиан, являлась их активной защитницей. По приказу императора Максимиана была схвачена, подвергнута пыткам и обезглавлена в 307 г. Тело ее, по преданию, Ангелы перенесли на гору Синай, где его захоронили. Почитание святой распространилось сначала в Восточной церкви, а потом и на Западе. В средневековье на Синае был даже образован орден рыцарей св. Екатерины для охраны многочисленных паломников. В Западной церкви св. Екатерина считается покровительницей философов, адвокатов, учащихся и невест.

После разделения христианства в 1054 г. на два направления монастырь остался верен Восточной церкви, имел связи с Россией. Он славился своей библиотекой рукописей греческих, сирийских, арабских, эфиопских, халдейских, грузинских, армянских и славянских памятников христианской письменности. Там находился один из древнейших списков Библии IV в., который был в XIX в. привезен в Россию и хранился в Публичной библиотеке в Петербурге (с 1933 г. — в Британском музее в Лондоне). В стенах монастыря воспитывались многие деятели Восточной церкви, известные своей образованностью и прозорливостью. Он отстоял свою самостоятельность даже после завоевания Малой Азии турками-османами. Монастырь действует и поныне, и хотя он находится на территории Египта, он относится к Иерусалимской православной церкви, сохранив многие исторические реликвии, в частности дары русских царей.

2. Сокращенный вариант книги печатается по: Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы Лествица или Скрижали духовные/ Переиздание Козельской Введенской Оптиной пустыни 1908 г. — М., 1999, с. 17—285. Цитаты из Библии приводятся на церковно-славянском языке. В редких случаях дается русский перевод.

3. Раифская обитель, от которой остались одни развалины, находилась в расстоянии двух дней пути от Синая, в заливе Черногого (Красного) моря. По духу подвижничества и по близости расстояния и Раифская, и Синайская обители имели между собою самую тесную связь и непрерывное общение. Иоанн Синайский глубоко чтит Иоанна Раифского за его высокий дух и потому откликнулся на его просьбу описать степени (ступени) восхождения человека к любви Божественной.

4. Скрижали — две каменные плиты, с которыми спустился с горы Синай Моисей и на которых были выбиты 10 заповедей — законов для организации жизни иудеев в единое сообщество как богоизбранного народа. В связи с уклонением его от своей веры и служением золотому тельцу Моисей в гневе разбивает скрижали. Выражение «духовные скрижали» означает, что духовные законы пишутся Богом в сердцах людей и их уже нельзя уничтожить. Правда, не каждое сердце готово стать «духовной скрижалью».

5. Образ незлобивого целомудренно чистого дитяты лежит в основе данного описания ступеней совершенствования христианина. Одновременно в западной патристике существовал образ ребенка, уже с рожде-

ния греховного и подверженного злобе; именно на искоренение этого направляет Бог свои усилия. Таков ребенок в «Исповеди» св.Августина (IV—V вв.). (Примечание В.Безрогова.)

6. Когда Ангелы выводили Лота и семью его из Содома, предупреждая их о гибели города, который Бог покарает за грехи его, они не велели им оборачиваться, когда город будет ввержен в пучину огня. Так и произошло. Однако жена Лота не выдержала, обернулась, чтобы посмотреть, и превратилась в соляной столб.

7. «Умиление» (греч. Эллеуса) — один из первых по времени канонов в иконописи Богоматери, в котором мать и дитя сливаются в одном порыве нежности и тревоги, радости и печали. В каждой келии стояла икона с образом Богородицы. Сегодня эта традиция сохранилась только в Православной церкви.

8. Приснопамятные, живущие в традициях изначального христианства.

9. Иоанн Предтеча или Креститель — ближайший предшественник и предвестник Иисуса Христа. Его задачей было «исправить путь Господу» (Ин. 1:23), т.е. привести иудейский народ к покаянию, внешним выражением которого он избрал крещение — погружение кающегося в воду в знак его духовного очищения.

10. Первомученик Стефан был одним из семи диаконов первой христианской общины в Иерусалиме (I в.), он смело и убедительно защищал Евангелие в синагогах, так как принадлежал к числу 70 апостолов — живых свидетелей проповеди Иисуса Христа. Фанатики обвинили его в богохульстве и осудили на смерть. Он был побит камнями.

11. Синайский игумен в своем монастыре запрещал новоначальным без меры молиться в келии, т.е. в уединении, пока те не утвердились в смирении, «потому что всем чрезвычайным питается тщеславие, и когда самые добрые дела надмевают нас, тогда, что само в себе есть врачество спасительное, делается для нас ядом убийственным». (Примечание издателей).

12. Монашеское житие могло быть двух видов — отшельническое (в этом случае монахи жили в отдаленных друг от друга кельях, сведя до минимума общение между собой) и «общежительное» (жизнь в монастыре идет сообща — и в церкви, и на работах, и во время трапезы все едины телом и духом). Второй тип монашества Иоанн сопоставляет с небом, проводя аналогию между ангелами и монахами. (Примечание В.Безрогова)

13. Печатию Авва Иоанн называет или крещение, или покаяние; шитом — удаление от мира, совершаемое через беспристрастие; мечом — веру к пастырю; оружием — отвержение своей воли; луком — молитву; воинскую одеждую — одеяние добродетелей. (Примечание издателей).

14. Лествичник напоминает страницы Евангелия, повествующие о том, как распространилось известие о воскресении Христа. Мария Магдалина рассказала его ученикам Иоанну и Петру — самому юному и самому старшему из Апостолов, что отвален камень от гроба Господня, и те побежали смотреть, и первый опередил второго. Опередил, потому что представлял собой образец послушания. Во время распятия Христа Иоанн — единственный из всех учеников — находился у подножия креста, у ног Учителя, так как любил его больше своей жизни. Петр же испугался римских воинов и трижды отрекся от Учителя. А потом трижды покаялся и был Им прощен (Ин. 20, 15—17). Вот почему Петр — образец покаяния.

15. См. примечание 12.

16. Точило-давилыйный пресс.

17. Речь идет об одном из духовных даров — даре прозрения, к которому стремятся многие подвижники. Духовные очи можно открыть «искусственно» с помощью специальных упражнений, но что они узрят в результате? Можно ведь и ад увидеть!

18. Согласно христианской религии, пока не наступило второе пришествие Христа и всеобщее воскресение праведников после Страшного суда, душа, покинувшая тело после смерти (исхода), проходит «мытарства», определяющие ее местопребывание до Страшного суда в царстве мертвых. В Евангелии от Луки оно изображается поделенным на два пространства — для добрых и злых, отгороженные друг от друга непреодолимой пропастью (Лк. 16: 19—31). Особенность христианского вероучения в этом вопросе состоит в том, что верующий во Христа уже спасен.

19. Здесь Лествичник говорит иносказательно, разумея под мехом тело; под елеем — кротость; под волнами — возношение и гнев; под кораблем — братство. (Примечание издателей.) Во время большого шторма вокруг корабля разливали масло для того, чтобы снизить гребни волн, уменьшить волнение. (Примечание В.Безрогова.)

20. В неделю перед еврейской Пасхой Апостол Иуда предал Христа в руки врагов его и потому причастен к его смерти, а разбойник-убийца, распятый вместе с Христом, покался прямо на кресте и попросил Иисуса: «Помяни меня, Господи, когда придешь во Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23: 39—43).

21. Римский прокуратор Иудеи Понтий Пилат после встречи с Иисусом увидел, что перед ним праведник, а не преступник, и не захотел выносить ему смертный приговор, как этого требовали иудейские суды.

22. Во время пасхальной трапезы Христа с учениками, когда Он объявил, что настала пора Ему уйти от них и никто не может последовать за Ним, апостол Петр громко поклялся, что душу свою положит за Него (Ин. 13:37). Не прошло и ночи после взятия Иисуса под стражу, как Петр трижды отрекся от Него, после чего горько плакал.

23. Система трудовых обязанностей в монастыре.

24. «Искушение» — от слова «кушать».

25. Апостол Петр имел семью. Последовав за Учителем, обрел душу праведника и после мученической смерти получил «ключи Царствия Небесного», как обещал ему Христос еще при жизни своей.

26. Заимствовано у Ефрема Сириянина.

27. Евангельский парфраз. «Как не дает мне покоя душа сия..., зашишу ее (решу ее дело) от врагов ее», — измененные слова судьи о некоей вдове, на которые сослался Иисус, говоря о защите Богом вопиющих к Нему день и ночь. (Примечание В.Безрогова)

28. Вертоград — виноградник. Здесь имеется в виду человеческая душа.

29. См. примечание 20.

30. Здесь явно подразумевается первая заповедь Христа «Блаженны нищие духом» — самая труднодостижимая для обладающих рациональным мышлением.

31. Тифон — в греческой мифологии чудовищный сын Геи и Тартара, хтоническое (доисторическое) существо с драконьими головами, человеческим туловищем, крыльями и клубком змей вместо ног. Зевс в борьбе с Тифоном навалил на него гору Этна в Сицилии, откуда он изрыгает пламя. Живет в царстве мертвых Аиде.

32. См. примечание 18.

ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА СЛОВО ОСОБЕННОЕ К ПАСТЫРЮ¹,

НАУЧАЮЩЕЕ, КАКОВ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАСТАВНИК
СЛОВЕСНЫХ ОВЕЦ

В сей земной книге дал я тебе, Божественный отче, последнее пред всеми место. Но я уверен, что в небесной и божественной книге ты написан первейшим из всех нас; ибо истинен Тот, Который сказал: *последнии* мудрованием *будут первии* достоинством (Мф. 20, 16).

ГЛАВА 1

1. Истинный пастырь есть тот, кто может погибших словесных овец взыскать и исправить своим незлобием, тщанием и молитвою.

2. Кормчий духовный тот, кто получил от Бога и чрез собственные подвиги такую духовную крепость, что не только от треволнения, но и от самой бездны может избавить корабль душевный.

3. Врач духовный тот, кто стяжал и тело и душу свободные от всякого недуга, и уже не требует никакого врачевства от других.

NB *Ко всякому из нас относятся эти слова. Один хороший психолог сказал: «Ни одна земная проблема не решается без Небесного». То есть, не укладывается психологическая работа в «горизонталь», необходима «вертикаль». А тем паче работа педагога, связанная с наставлением, насаждением нового, подразумевающая «вожде-ние детей». Куда можно завести детей, если «не отрывать глаза от земли»? В замечательном наставлении любому педагогу четко указано его место — между Абсолютом (Богом, Культурой, Наукой...) и ребенком.*

4. Истинный учитель тот, кто непосредственно принял от Бога книгу духовного разума, начертанную в уме перстом Божиим, то есть действием осияния, и не требует прочих книг.

5. Учителям неприлично преподавать наставления, выписанные из сочинений других, так как и живописцам, когда они делают только списки с чужих рисунков.

6. Наставляя низших, сам учись сначала свыше; и от чувственного научайся духовному, и не забывай Того, Который сказал: *ни от человек, но человеком проповедую учение. Ибо земное не может исцелить земных.*

7. Добрый кормчий спасает корабль; и добрый пастырь оживотворит и исцелит недужных овец.

8. Насколько овцы сии, преуспевая безостановочно, последуют своему пастырю, настолько и он должен отдать за них ответ Домовладыке.

9. Да мешет пастырь, как камнем, грозным словом на тех овец, которые по лености или по чревоугодию отстают от стада; ибо и это признак доброго пастыря.

10. Когда овцы сии от зноя, то есть от телесного распада, станут дремать душою, тогда пастырь, взирая на небо, должен еще усерднее бодрствовать над ними; ибо многие из них во время такого зноя делаются добычею волков. Впрочем, если и сии духовные овцы, по примеру бессловесных овец, во время зноя низко к земле преклоняют главу души своей, то имеем ободряющее нас свидетельство: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

11. Когда тьма и ночь страстей постигла паству, тогда определяй пса твоего, то есть ум, на неотступную стражу к Богу; ибо ничего тут не будет несообразного считать ум губителем мысленных зверей.

ГЛАВА 2

1. Благий Господь наш даровал естеству нашему и то свойство, что больной, видя врача, веселится, хотя, может быть, и никакой пользы от него не получит. Стяжи и ты, о досточудный муж, *пластыри, порошки, глазные примочки, пития, губки*, и при сем *небрезгливость, орудия для кровопускания и прижигания, мази, усыпительные зелья, ножи, перевязки*. Если мы не имеем сих припасов, то как покажем врачебное искусство? Никак не можем; а между тем мзда врачам дается не за слово, а за дело.

2. *Пластырь* есть врачество на страсти видимые, или телесные; а *приемы лекарства внутрь* — врачество против страстей внутренних и очищение от невидимой скверны.

3. *Порошок* есть уязвляющее бесчестие, врачующее гнилость возношения. *Глазная примочка* есть очищение душевного ока, или ума, смутившегося от движения гнева.

4. *Питие* врачебное есть выговор огорчающий, но скоро врачующий болезнь.

5. *Кровопускание* есть скорое извлечение скрытого гноя. Кровопускание есть сильное и жестокое нападение на недугующих, для их спасения.

6. Под *губкою* разумеются крохотные, тихие и мягкие слова, которыми врач как бы оттирает больного, после кровопускания или резания.

7. *Прижигание* есть определенное наказание или епитимия, для покаяния человеколюбиво назначаемая на время: а *мазь* есть предлагаемое больному или приятное слово, или небольшое телесное утешение.

8. *Усыпительное зелье* значит принять на себя бремя послушника и чрез его повиновение подать ему спокойствие, сон бессонный, святую слепоту, чтобы он не видел своих добродетелей.

9. *Перевязки* означают расслабляемых и ослабленных тщеславием утверждать и укреплять терпением до самой смерти.

10. Наконец, *нож* есть определение и приговор об отсечении от общества члена, умершего душою и согнившего, чтобы он не передал другим своей заразы.

11. Блаженна у врачей *небрезгливость*, а в наставниках бесстрастие; ибо те без отвращения смело приступают к врачеванию всякой смердящей раны, а сии могут воскресить всякую умершую душу.

12. Предстоятель должен молиться и о том, чтобы ко всем иметь сострадание и расположение соразмерно их достоинству, дабы и ему, как некогда случилось с Иаковом (Быт. 37), не сделать вреда и любимому ученику его, и собратиям, что обыкновенно случается с теми предстоятелями²...

ГЛАВА 3

1. Великий стыд для наставника молиться Богу о даровании послушнику того, чего сам еще не стяжал.

2. Как увидевшие лицо царя и сделавшиеся его друзьями, если пожелают, могут не только всех слуг его, но и неизвестных ему, и даже врагов его представить к нему, и сделать причастниками его славы: так понимай и о святых. Друзья стыдятся в чем-либо отказать искреннейшим друзьям своим, но слушают их, а иногда, может быть, невольно бывают ими убеждаемы. Хорошо приобрести друзей, но друзей духовных...

ГЛАВА 4

1. Духовный врач должен совершенно совлечься и самых страстей, дабы мог он при случае притворно показывать какую-либо из них, и особенно гнев. Если же он совершенно не отринул страсти, то не возможет бесстрастно принимать на себя их личины.

2. Видел я, что конь, который был объезжен, но еще не совсем, шел спокойно, пока его крепко держали на узде, а как только ему было послаблено, он низверг своего всадника. Притча эта указывает преимущественно на две страсти (сластолюбие и гнев); желающие испытывать, да испытуют с усилием.

ГЛАВА 5

1. Не тот учитель достоин удивления, который способных отроков сделал знающими людьми; но тот, который невежд и тупоумных умудрил и довел до совершенства. Искусство ездоков тог-

да является и похвывается, когда они и на плохих конях одержат верх над своими противниками и сберегут коней.

2. Если ты получил от Бога дар предвидеть бури, то явно предвозвещай о них находящимся с тобою в корабле. Если не так, то ты будешь виновен в крушении корабля, потому что все с полною доверенностью возложили на тебя управление оногo.

3. Видал я врачей, которые не предупредили больных о причинах усиления болезни и чрез то сделали виновными многих трудов и скорбей, и больным и себе.

4. Насколько настоятель видит к себе веру как послушников, так и мирских посетителей, настолько он обязан со всяким опасением блюсти себя во всем, что делает и говорит, зная, что все смотрят на него, как на главный образец, и все от него принимают за правило и закон.

5. Истинного пастыря укажет любовь; ибо из любви предал Себя на распятие Великий Пастырь.

ГЛАВА 6

1. Говоря с братиею, усваивай себе самому те согрешения, которые надобно тебе обличить в том или другом из них; таким образом ты всегда будешь свободен от лишней стыдливости.

2. Опечаливай до времени недугующего, чтобы не закоснел в своем недуге или не умер от проклятого молчания. Многие принимали молчание кормчего за признак благополучного плавания, доколе не ударились о камень. Послушаем, что пишет к Тимофею великий Павел: *настой*, говорит он, *благовременне и безвременне*. *Благовременне*, сим обозначает, по мнению моему, такое время, когда обличаемые благодушно переносят обличение; а *безвременне*, когда их оно огорчает. Ибо источники не перестают изливать струи свои и тогда, когда нет и ни одного жаждущего.

3. В некоторых настоятелях бывает как бы природная стыдливость, по которой они часто молчат, когда и не должно молчать. В таком случае да не отрицаются поступать так, как обыкновенные учителя поступают с учащимися, и письменно излагать наставления, нужные для братии...

4. Если кто, будучи обличаем наедине, не стыдится, тот и обличение, сделанное перед многими, обращает в повод к большому бесстыдству, самовольно презрев свое спасение.

ГЛАВА 7

1. Усматриваю и здесь то же, что видел я у многих благоразумных больных, которые, сознавая свою робость и немощь, умоляли врачей связать себя, хотя бы врачи того и не хотели, и в произвольном насилии лечить их; ибо дух их был бодр ради ожидаемого будущего, но плоть немощна, ради застарелых худых

привычек. Видя такое расположение сих недужных, я просил врачей послушаться их.

2. Путеводитель не всем приходящим к послушанию должен говорить: *путь сей узок и тесен* (Мф. 7, 14); и не каждому: *иго сие благо и бремя легко* (Мф. 11, 30); но должен рассматривать и избирать приличные врачевства. Отягченным лютыми грехами и склонным к отчаянию прилично второе врачевство; а склонным к высокоумию и самолюбию первое средство.

3. Некоторые, имея намерение пуститься в дальнейший путь и вопросивши знающих путь сей, услышали от них, что это путь прямой, гладкий и безопасный; и услышав это, скоро расслабели в путешествии своем и на середине пути потерпели бедствие; а другие возвратились назад оттого, что не приготовили себя к скорбям...

4. Добрый воевода должен ясно знать состояние и устройство каждого из подчиненных. Может быть, некоторые из дружины его могут вместе с ним перед полком сражаться за всех сподвижников; может быть, есть способные к единоборству, которых должно возводить на путь безмолвия.

5. Не может кормчий один, без помощи корабельных служителей, спасти корабль. Не может врач исцелить больного, если сей не убедит врача просьбою и открытием язвы с полною уверенностию. Устыдившиеся врачей подвергали раны свои гниению; а многие нередко и умирали.

ГЛАВА 8

1. Когда овцы пасутся, пастырь да не перестает употреблять свирель слова, и особенно когда они преклоняются ко сну; ибо волк ничего так не боится, как гласа пастырской свирели.

2. Пастырь не должен всегда безрассудно смиряться перед подчиненными; но не должен и возноситься всегда несмысленно, взирая в обоих случаях на пример Апостола Павла. Господь часто закрывает очи подчиненных, чтобы те не видели немощей в предстоятеле; а когда сам предстоятель начнет им объявлять свои недостатки, тогда родит в них неверие.

3. Видел я настоятеля, который от крайнего смирения советовался в некоторых делах с своими духовными чадами. Но видел я и другого, который от возношения старался являть подчиненным свою немудрую премудрость и обращался с ними насмешливо.

4. Видел я, хотя это и редко случается, что страстные, по некоторым обстоятельствам, начальствовали над бесстрастными; и мало-помалу, устыдившись своих подчиненных, отсекали собственные страсти. Я думаю, что воздаяние за спасаемых произвело в них эту перемену: и таким образом начальствование в страстном устройении послужило для них основанием бесстрастия.

ГЛАВА 9

1. Должно остерегаться, чтобы собранного в пристанище не расточить в бурном море. Сказанное поймут вдающиеся в молву, не приобыкши к ней... Поистине велик подвиг благодушно и мужественно терпеть зной и тишину и томление безмолвия, и не искать вне корабля своей келии развлечений и утешений, по примеру малодушных слугителей корабельных, которые во время зноя повергаются в воду. Несравненно же большее дело — не бояться молв, но среди шума их сохранять небоязненное и неподвижное сердце, пребывая внешне с людьми, внутренне же с Богом.

ГЛАВА 10

1. Порядок мирских дел да будет тебе, о досточудный отче, примером для нас. Одни приходят в наше, поистине, страшное судилище, как осужденные: а другие, будучи неповинны, поспешают на делание и служение Богу. Причины прихода тех и других очень различны; а потому и правила для них должны быть различны.

2. Виновного прежде всего должно спрашивать, впрочем наедине, какие именно его согрешения. Это должно делать по двум причинам: во-первых, для того, чтобы он, всегда убодаемый сею исповедию, пребыл бездерзновенным; во-вторых, чтобы помнил, в каких язвах мы его приняли, и возбуждался этим любить нас.

3. ...Бог взирает на места, откуда и куда кто приходит, на степень ревности к обновлению жизни и на нравы кающихся. Во всем этом бывает много несходств и различий. Часто немощнейший бывает смиреннее сердцем, а потому и судии духовные должны такого легче наказывать. Противное же сему само собою явно.

ГЛАВА 11

1. Несвойственно льву пасти овец; небезбедно и тому, кто еще сам страстен, начальствовать над другими страстными.

2. Несообразно видеть лисицу между курами; но еще несообразнее видеть пастыря гневливого. Ибо лисица губит кур, а сей смущает и погубляет разумные души.

3. Смотри, не будь строго взыскателен за малейшие согрешения; иначе ты не будешь подражателем Бога.

4. Имей и сам Бога руководителем и наставником твоим. Наставляемый Им, как превосходнейшим правителем, во всех твоих внутренних и внешних действиях и пред волею Его отсекая свою волю, будешь и ты без попечения, водимый единым Его мановением.

5. Еще должно тебе и всякому пастырю рассмотреть и то, что если благодать Божия через нас действует на приходящих к нам,

то не от веры ли их это бывает, а не от нашей чистоты? Ибо многие и страстные таким образом чудодействовали...

6. Кто поистине обрел милость у Бога, тот неприметно может благодетельствовать недужным, чрез то имея две выгоды: и себя сохраняя невредимым от ржавчины славы, и располагая помилованных воздавать благодарение Единому Богу.

ГЛАВА 12

1. Тем, которые, подобно крепким юношам, ревностно и мужественно подвизаются на духовном поприще, предлагай лучшее и высшее, а тех, которые разумеением или жизнью остаются позади, питай млеком, как младенцев

В У каждого ученика свой начальный период, своя стартовая точка.

вующих. Ибо для всякой пищи есть свое время: часто одна и та же пища в некоторых производит усердие, а в других печаль. При сеянии духовного

семени должно рассуждать о времени, о лицах, о количестве и качестве семени.

2. Некоторые, ни во что вменяя суд за духовное восприимчивость, безрассудно покусились пасти души; и, имевши прежде большое богатство, с пустыми руками отошли из этой жизни, разделив во время своего правления другим все добро свое.

3. Как дети бывают разных родов, одни законные от первого брака; другие от второго брака; иные подкинутые, а иные от рабынь: так и восприятие пастырского попечения о душах бывает различных видов.

Совершенное восприятие есть предание души своей за душу ближнего во всем. Иное, когда пастырь принимает на себя прежде сделанные грехи, и только. Иное, когда он принимает согрешения, после (восприятия) бывающие, и только. Некоторые же, по недостатку духовной силы и по неимению бесстрастия, принимают на свою ответственность пред Богом только тяготу повелений своих. Но и в самом совершенном восприятии пастырь подлежит суду по мере того, насколько принятый им отсекает пред ним свою волю.

4. Истинный сын познается в отсутствии отца.

5. Предстоятелю надобно внимательно замечать противящихся в некоторых случаях и прекословящих ему братий; и в присутствии почтенных мужей делать им строгие выговоры, наводя этим страх и на других; хотя бы наказываемые очень огорчились за такие унижения. Вразумление многих должно предпочитать огорчению одного.

6. Некоторые, движимые духовною любовию, принимают на себя бремена других сверх силы своей, поминая слово Спасителя: *нет больше той любви*, и прочее (Ин. 15, 13). Другие же, может быть, и получили от Бога силу принимать на себя бремена иных, но неохотно подклоняются, чтобы нести тяготу для спасе-

ния братии. Сих последних, как нестяжавших любви, я считаю весьма жалкими. О первых же сказано в Писании: *если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста* (Иер. 15, 19); и: *как ты поступал, так поступлено будет и с тобою* (Авд. 15).

7. Прошу тебя также иметь в виду, что мысленный грех пастыря на суде Божиим оказывается важнее греха, на самом деле совершенного послушником; так как и преступление воина легче злоумышления полководца.

9. Обучай послушников словом и собственным примером быть незлобивыми друг к другу; а против бесов мудрыми и осмрительными.

10. От тебя не должно быть скрыто, какая цель у твоих овец во взаимных их и дружественных между собою сношениях; ибо невидимые волки стараются чрез ленивых расстраивать тщательных.

11. Не ленись просить и молить Бога за самых ленивейших; не о том, чтобы они были помилованы, ибо это без их содействия невозможно, но чтобы Господь воздвиг их к усердию.

12. Немощные не должны вкушать пищу с еретиками, как и правила повелевают. Сильные же, если неверные призывают их для познания православной веры, и они хотят идти, пусть идут в приличное время во славу Господа.

13. Не извиняйся неведением; ибо *неведомый, сотворивый же достойная ранам, биен будет* за то, что не узнал (Лк. 12, 48)³.

ГЛАВА 13

1. Стидно пастырю бояться смерти; ибо о самом послушании иноческом говорят, что оно есть неоязненность смерти.

2. Испыгуй, блаженный отче, какая та добродетель, без которой никто не узрит Господа; и ее прежде всех усвоивай твоим чадам.

3. Все, находящиеся под твоим руководством, по различию телесного их возраста, должны иметь различные занятия и различные жилища; ибо никого из приходящих к нашему пристанищу не должно отвергать...

4. Есть ли такой домостроитель Божий, который не имел бы более нужды в слезных источниках и в трудах для себя самого, но нещадно употреблял бы их пред Богом для очищения других?

5. Никогда не переставай очищать души, и еще более тела окверненные, чтобы ты мог с дерзновением искать у доброго Подвигоположника венцов не только за труды о себе, но и за души других. Видел я одного немощного, который, укрепившись верою, очистил немощ другого немощного, помолившись за него с похвальным бесстыдством и положив душу свою за душу ближнего, однако со смирением. Таким образом, чрез исцеление ближнего он исцелил и самого себя. Видел я и другого, который сделал подобное этому, но с возношением; и ему сказано в обличение: *врану, исцелился сам* (Лк. 4, 23).

6. Можно оставить одно добро ради другого большего добра...

7. Иной сам себя предаёт бесчестию, чтобы сохранить честь ближних; и когда многие почитают его за сластолюбца, он поступает *яко льстец и истинен* (2 Кор. 6, 8)⁴.

8. Если тот, кто может пользоваться других словом, но не преподаёт его изобильно, не избежит наказания, — то какой беде подвергают себя, возлюбленный отче, те, которые трудами своими могут помочь злостраждущим, и не помогают? Избавляй братьев, о ты, избавленный Богом! Спасенный! Спасай ведомых на смерть, и не будь скуп к искуплению душ, убиваемых бесами. Ибо в этом состоит величайшая почёт, данная от Бога разумному созданию, и она выше всякого делания и видения смертных и бессмертных.

9. Тот, кто отирает скверну других чистотою, данную ему от Бога, и от нечистых приносит Богу чистые дары, показывает себя споспешником бесплотных и умных Сил. Ибо это составляет единственное и всегдашнее дело слуг Божиих...

10. Ни в чем столько не открывается человеколюбие и благость к нам Создателя нашего, как в том, что Он оставил девять овец и взискал одну заблудшую. Внимай сему, возлюбленный отче, и все твое старание и любовь, горячность, прилежание и моление к Богу покажи о далеко заблудших и сокрушенных. Ибо где тяжки недуги и злокачественны язвы и струпы, там, без сомнения, и награду великую дают врачующим.

11. Всмотримся, вникнем и сотворим. Ибо пастырь не всегда должен держаться справедливости, по причине немощи некоторых. Видел я, как двое судились у мудрого пастыря, и он оправдал неправого, потому что сей малодушествовал; а обвинил правого, как мужественного и благодушного, чтобы правдою не усилить вражды; впрочем, каждому порознь он сказал должное, и особенно недугующему душою.

12. Поле, изобилующее травами, полезно всем овцам; а назидательное учение и воспоминание об исходе из сего мира прилично всем словесным овцам и может их очистить от всякой проказы.

13. Примечай благодушных и без всякой вины уничтожай их в присутствии немощных, чтобы тебе можно было врачеванием одного исцелить болезнь другого и научить малодушных терпению.

14. Нигде не видно, чтобы Бог, приняв исповедь, обнаружил грехи покаявшегося; ибо Он отвратил бы этим грешников от исповеди и недуги их сделал бы неисцельными. Итак, хотя бы мы дар прозорливости имели, не должны предупреждать согрешивших изъявлением их грехов, но лучше побуждать их к исповеданию гадательными выражениями; ибо и за самое их исповедание пред нами бывает им не малое прощение. По исповедании же должны мы удостаивать их большего, нежели прежде, попечения

и свободнейшего к нам доступа; ибо чрез это они более преуспевают в вере и любви к нам.

Покажем также им в себе самих образ крайнего смирения. Но смотри, чтобы излишнее твое смирение не привлекло угля огненного на главу чад твоих.

15. Во всем ты должен быть терпелив, кроме преслушания повелений твоих.

16. Смотри со вниманием, нет ли в твоём саду таких деревьев, которые понапрасну только занимают землю, а на другом месте, может быть, были бы плодоносны. В таком случае отнюдь не отрицайся, с советом, человеколюбиво пересаживать их.

17. Иногда настоятель может безбедно руководить своих овец к добродетели в местах, по-видимому несвойственных иночеству, веселых или многолюдных. Поэтому в принятии к себе входящих овец да будет он осмотрителен, потому что уклонение от принятия и отказ не во всяком случае возбраняются Богом.

Если духовный врач изобилует душевным безмолвием, то при попечении о недугующих не много имеет нужды во внешнем; если же он не обладает первым, то должен употреблять последнее.

18. Никакой дар от нас Богу не может быть столько приятен, как приношение Ему словесных душ чрез покаяние. Ибо весь мир не стоит одной души, потому что мир преходит, а душа нетленна и пребывает во веки.

NB По сути, обозначено самое важное занятие на земле — наставление человеческой души на правильный путь — путь возрождения и спасения.

КОММЕНТАРИИ

1. Полная перепечатка 13 глав (из 15) «Слова к пастырю» дается по: Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы Лествица..., с. 286—301.

2. У праотца Иакова было 12 сыновей; младший Иосиф — самый любимый. Иаков сшил сыну красивую одежду и во всем выделял его. И братья возненавидели юношу, хотели убить, но не убили, а продали в рабство в Египет. Отцу же сказали, что его в пустыне растерзали звери. Иаков долгие годы оплакивал потерю сына.

3. Притча о господине и домоправителе, на которого тот оставил свое хозяйство, о бодрствовании слуг в ожидании возвращения господина. Заканчивается притча известными словами: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12,48).

4. Лествичник цитирует здесь послание апостола Павла христианам Коринфа, где рассказывается о том, как должны проявлять себя служители Божии среди язычников: «...в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны...» (2 Кор. 6, 4—8).

«Добротолюбие» (2 том) о восьми духах зла и духовной брани (болезни развращенной воли)

Грехи или страсти	Ефрем Сирианин (IV в.)	Кассиан Римлянин (IV—V вв.)	Нил Синайский (V в.)
1. Чревоугодие	Чревоугодник крушится о том, как наполнить чрево свое яствами, а когда поел, мучится во время пищеварения... Не будь пристрастен к мясам и к винопитию, чтобы не сделать тебе ум твой беспокойным к принятию духовных дарований.	Излишество всяких яств лишает ум чистых и непорочных помышлений. Мера воздержания — чувство голода в конце трапезы.	Чревоугодие — начало страстей. Яства услаждают гортань, но питают червь похотливости. Ум постника — светлая звезда в чистом небе, ум чревоугодника мрачен, как небо в безлунную ночь.
2. Блуд (похоть)	Не склоняй слуха твоего к речам срамным, чтоб не осквернялся ум твой. Срамное слово вредно душе. Кто храм Божий растлит, растлит сего Бог.	Главное — чистота сердца. Это дар Господень Чистота тела достигается трудом и рукоделием.	Вид нарядной женщины потопляет хуже волн. Страсть не имеет силы, когда нет для нее пищи.
3. Сребролюбие	Не домогайся прибыли, в которой есть вред для души, ибо что дороже души? Не буди рука твоя простерта на взятие, но простирается лучше для покаяния. Страсть к деньгам неестественна.	Это малодушие слабо-энергичной души, в основе кося не лежит горячая любовь к Богу. Свидетельство хладности душевной и неверия. Ведет к предательству и лжи. Это проказа для души.	Монах нестяжательный — высокопарящий орел, потому что легки крылья у него, не обремененные заботами. Похотение сребролюбия не насыщается собранным имуществом.
4. Гнев (ненависть)	Кто не отравил ушей и языка злоречием, тот исполнен врачеством любви. Зависть и соперничество — страшная отравка: от них рождаются оклеветание, ненависть и убийства. Лучше улыбкою пресечь раздражение, нежели свирепствовать неукротимо.	Гнев покрывает мраком наш ум и лишает нас различения добра и зла, остроты созерцания истины. Лекарство от гнева — терпение.	В тихом море играют дельфины, и в мирном устроении духа возникают боголепные помышления. Лисицы живут в душе злопамятной, и звери укравают в возмущенном сердце.

1	2	3	4
5. <i>Печаль</i>	Скорбь мирская тяжела и не обещает вознаграждения, а скорбь по Богу с собою приносит утешение, и еще паче обвешеляет. Подвергаясь первой, поспешай превратить ее во вторую — и прогонишь мучительную скорбность из сердца.	Печаль, низвергнув душу с высот созерцания, святого благонастроения, расслабляет и подавляет ее и не дает ничего делать. Это червь души, желчная горечь от неисполнения неправедных желаний.	Плененный варварами заковывается в железа, а пленник страстей связывается печалью. От печали происходит мрачное расположение духа («быть не в духе!»), а от них обоих порождается бессмысленная бранчивость (ворчанье). Одолевший страсти одолевает печаль.
6. <i>Уныние</i>	Ропотливый ни к какому делу не годен и не имеет расположения. Он ленив и всегда имеет наготове предлог к отговорке от дела.	Печаль строптива и ведет к отчаянию или унынию — тоске, скуке и праздности.	Уныние есть изнеможение души, которая не устывает мужественно против искушений. Безводное облако уносит ветром, а не имеющий терпения ум духом уныния.
7. <i>Тщеславие</i>	Тщеславие приводит к славолюбию, гневу и печали. Не хвались краснословием — хвалиться внешнею мудростию запрещено, особенно христианам.	Это — превозношение своих добродетелей или перед другими, или перед собой. Помыслы о славе людской. Зверь многообразный и разнovidный.	Плоск обвивается около дерева, и когда достигает вершины, сушит корень, а тщеславие прививается к добродетелям, пока не отымет от них всего значения. О ком свидетельствуют наличные труды, тому нет нужды свидетельствовать о себе языком своим.
8. <i>Гордыня</i>	Нечистый дух высокоумия изворотлив и многообразен и все усилия употребляет, чтобы возобладать над всеми. Недуг гордости — с трудом врачуемое зло, потому что отвергает целительное врачество. Хочешь ли быть великим? — Будь меньше всех!	Неукротимый зверь, нападающий на совершенных. Причина падения Люцифера с небес — приписывание себе своих добродетелей, данных Богом. Гордыня — отречение от благодати, ожесточение сердца.	Желающий почета не терпит, чтобы кто-либо был ему предпочтен, но в себе восхищает первенство, присоединяя к завидованию еще и ненависть. Гордость есть опухоль души, наполненная испорченной кровью, если созреет, прорвется, то причинит большую неприятность. Великое нечто человек, когда помогает ему Бог, а коль скоро он оставлен Богом, познает немощь естества своего.

ЛИТЕРАТУРА

Амонашвили Ш.А. Школа Жизни. — М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2000).

Антология педагогической мысли христианского средневековья. В 2-х тт. — Т.1. В Христе сокрыты все сокровища премудрости: Путь христианского образования в трудах Отцов Церкви и мыслителей раннего средневековья /Сост., ст. к разделам и комментарии: В.Г.Безрогов, О.И.Варьяш. — М.: Аспект-Пресс, 1994.

Архимандрит Георгий, игумен обители св. Григория на горе Афон. Обожение как смысл человеческой жизни. — Владимир: изд.Владимирской епархии, 2000.

Денисов Л. История Нерукотворенного Образа Спасителя /Переиздание 1894 г. — СПб.: Сатисъ, 2000.

Добротолюбие. Том 2-й /Переиздание 1895 г. — М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992.

Зеньковский В.В. — М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2000. — (Сер. «Антология гуманной педагогики»).

Иисус Христос и его ученики. — М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 1996. — (Сер. «Антология гуманной педагогики»).

Ильин И. Аксиомы религиозного опыта. — М.: Рарогъ, 1993.

И сказал Господь Моисею... — М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 1997. — (Сер. «Антология гуманной педагогики»).

Климент Александрийский. Педагог /Пер. Н.Н.Корсунского и свящ. Г.Чистякова, вступ.ст. прот. Иоанна Свиридова. — М.: Учебно-информ. экуменический центр имени ап.Павла, 1996. — (Сер. «Учителя неразделенной Церкви»).

От земного к небесному: О спасении души по «Лестнице» преп. Иоанна Лествичника. — М.: Писатель; Новая книга, 1996.

Панченко О.Г., Бирич И.А. Мировоззренческие основы гуманной педагогики в России. — М.: АПКИПРО, 1999.

Преподобного Отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы Лествица, или Скрижали духовные, в русском переводе с алфавитным указателем /Печатается по 7-му изданию 1908 г. Козельской Введенской Оптиной пустыни. — М.: Троицкое слово, 1999.

Протопресвитер *Иоани Мейендорф.* Иисус Христос в восточном православном богословии. — М.: Свято-Тихоновский богословский институт, 2000.

Святой *Григорий Нисский.* Об устройении человека /Пер., послесл. и примеч. В.М.Лурье. — СПб.: Аxiома, 2000.

Святитель *Григорий Нисский.* Человек есть образ Божий /Переизд. 1861. — М.: 1995. — (Сер. «Святоотеческое слово»).

Семенова С.Г. Глаголы вечной жизни: Евангельская история и метафизика в последовательности Четвероэвангелия. — М.: Академический проект, 2000.

Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. — М.: Школа-Пресс, 1994. — (Сер. «Вселенная духа»).

Сергий Радонежский. — М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2000. — (Сер. «Антология гуманной педагогики»).

СОДЕРЖАНИЕ

30 ступеней к званию педагога. И.А.Бирич	5
КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ	22
Педагог	23
Комментарии	71
СВЯТОЙ ГРИГОРИЙ НИССКИЙ	75
Об устройении человека	76
Комментарии	102
ЕФРЕМ СИРИАНИН	106
О добродетелях и страстях	107
Комментарии	114
АВВА ИОАНН, ИГУМЕН СИНАЙСКИЙ (ЛЕСТВИЧНИК)	115
Подвижнические слова аввы Иоанна, игумена монахов Синайской горы... ..	116
Комментарии	206
Преподобного Иоанна Лествичника Слово особенное к пастырю, научающее, каков должен быть наставник словесных овец	209
Комментарии	219
<i>Приложение</i>	220
<i>Литература</i>	222

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ
ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК

Составитель и автор предисловия
Ирина Алексеевна Бирюч

Первые читатели
Виталий Григорьевич Безрогов,
Марина Владимировна Смирных

Набор и верстка
Ирина Сергеевна Калининцева

Редакционно-издательская подготовка, оформление и макет
Издательского Дома Шалвы Амонашвили

Лицензия ИД № 02878 от 20.10.2001 г.

Подписано к печати 12.11.2001. Формат 60 × 90^{1/16}

Усл. печ. л. 14. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Заказ № 1699.

Издательский Дом Шалвы Амонашвили
МГПУ лаборатория гуманитарной педагогики
113184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16
тел.: (095) 959-55-54 доб. 121, 120

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП ордена «Знак Почета» Смоленской областной
типографии им. В. И. Смирнова.

214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

Тел.: 3-01-60; 3-46-20; 3-46-05.

ISBN 5-89147-032-2

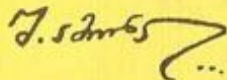

9 785891 470323

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В “Антологии”
используется ранее
не применявшийся
в практике Российского
учебного книгоиздания
прием фокусирования
на страницах книги
не всегда совпадающих
позиций —
автора классического
наследия;
составителя тома, ученого,
излагающего свои взгляды
во вступительной статье и
комментариях,
и первого читателя,
учителя, сегодня
смотрящего в глаза своим
ученикам, призванного
сегодня реализовывать
идеи гуманной педагогики.

Книга эта — собрание мыслей
отцов раннего христианства,
духовных учителей
и водителей,
основоположников гуманного
педагогического мышления.
Климент Александрийский
представит нам Иисуса Христа
как главного Педагога
человечества, а Его учение —
главным учебником
Божественной педагогики.
Григорий Нисский поведаст
нам тайну об Образе Божиим,
по подобию которого
сотворен человек. Иоанн
Синайский — на Руси
св. Иоанн Лествичник —
спокойно и основательно
расскажет нам о тридцати
ступенях лестницы, по
которой человек может
подняться, обретая свой
высший Духовно-
нравственный Образ...
Это ли не радость — учиться
у мудрецов с тем, чтобы
подняться до права
учить детей.

Шалва Амонашвили